

ISSN 2077-1770

**СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**

Modern Studies of Social Issues

WWW.SOC-JOURNAL.RU

**Том 12, № 6
2020**

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 12, № 6, 2020

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 12, Number 6, 2020

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2020

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2020

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 12, № 6, 2020, 276 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Studies of Social Issues, Volume 12, Number 6, 2020, 276 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2020

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государствен-

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LANGUAGE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-14-23

UDC 82

THE GOLDFINCH BY D. TARTT: CERTAIN LINGUISTIC AND POETIC ASPECTS

Shalimova N.S.

The study considers The Goldfinch, a novel by D. Tartt, as a special form of Bildungsroman aimed at researching the narrative of initiation as well as studying the stylistic features of the novel, i.e., “narration break”, “voices” of the narrator and other characters, language peculiarities. Consequently, the narrative model of the novel represents basic stages of the initiation rite. The type of the character, events, type of narration and chronotope are considered in the study as being based on the work of D. Tartt as the initiation novel with its place in the system of novel forms. Genetically it is related to the Bildungsroman, but there are specific poetic and linguistic features.

Methodology and research methods. *The comparative and narrative analyses were used as the main methods for the purposes of the study.*

The results of the study. *The study comes at the definition of initiation novel, the plot consisting of three parts: segregation, transition, incorporation; retrospective first-person narration, the type of the protagonist (age, social status, world outlook, and life course), the system of minor characters are also studied and described. In conclusion, a hypothesis is made about existential experience as well as special states of consciousness of the character and importance of the genre in connection with the main tendencies in the literary process of the 20th century.*

Practical implications. *The results of the work can be used in teaching English and American literature, the theory of literature.*

Keywords: *rite of initiation; segregation; transition; incorporation; style peculiarities; narration break; initiation novel; type of character.*

РОМАН Д. ТАРТТ «ЩЕГОЛ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА И ПОЭТИКИ

Шалимова Н.С.

Статья посвящена теоретическому и практическому рассмотрению жанра и стиля романа, исследуются сюжетно-композиционная организация, пространственно-временная структура, специфика повествования, воплощение авторского замысла, нарративный код текста. Также изучаются стилистические особенности произведения, выделяется прием «разрыва повествования», анализируются «голоса» нарратора и третьих лиц, обозначается прием «ложно-прерывистого» членения текста. На материале романа Д. Тартт «Щегол» роман инициации рассматривается как жанровая модификация романа воспитания, сравниваются специфические языковедческие жанрообразующие характеристики, тип героя, события, особенности композиционной структуры.

Метод (методология) исследования. *Исследование опирается на сравнительно-типологический и нарративный методы.*

Результаты. *Делается вывод о том, что роман инициации имеет ряд поэтологических особенностей: четкая трехчастная структура, совпадающая с обрядом посвящения, особый тип героя, хронотопа, способов повествования. Роман инициации обогащает жанровую форму и выполняет важные художественные и социальные функции.*

Практическое применение результатов исследования. *Результаты исследования могут быть использованы в преподавании курсов по английской и американской литературе, теории литературы.*

Ключевые слова: *роман инициации; стилистика романа; разрыв повествования; лиминальный хронотоп; сюжетно-композиционные особенности; тип героя.*

Introduction

The existing of novel in the literary process of the 20th century is extremely intense: various genre structures interact within one novel, syncretic forms are actively issued, new genres are appearing, autobiographical, epistolary, detective, picaresque novels are transforming and changing.

According to M.M. Bakhtin, the genre of novel always changes and this process will never be completed. We can see this evolution, but nobody can predict all its possibilities [2].

The story of initiation has a particular importance in literature of the 20th century, and it is becoming a separate genre. Literature works have a special event intensity due to a new relationship between writers and readers as authors are supposed to save the reader's time as well as shock and impress them. Initiation novel as a new form of Bildungsroman is quite important as it is devoted to growing up and can realize philosophical and social function in the modern world. Moreover, according to J. Campbell, all the literature is based on initiation, which reflects the essence of human being and from the depths of the unconscious gets into a work of art [3].

Conceptological framework

In the novel of initiation, we find a poetic reconstruction of certain essential archetypal patterns of interaction between person and society, attempts of existential understanding of one's place in the world. It should be noted that there are literary and historical reasons of appearing of the genre and its popularity: the script of initiation is based on epic tales, then it goes into a courtly novel, but as for ancient and medieval novels it is possible to speak only about the use of the narration of initiation, because a protagonist is invariable and constant in these types of the novel. In the epoch of romanticism, in connection with the development of personal space and opposition between the inner world of the person and social pressure the plot of initiation is becoming popular and important [5]. In the situation of the 20th century such peculiarities as development of the new concept of time, the depreciation of the social and historical

context, the understanding what is sacred, the mythical consciousness, the necessity of developing new criteria of being for that crisis time – all those features allow considering “initiation novel” as a separate genre. Initiation novel has specific language peculiarities: first-person narration, narration break, i.e. the protagonist can be observed in different time and conditions, the composition of the novel being nonlinear.

An important point is that the basis of the plot of initiation novel is Bildungsroman, it also interacts with the structures of thriller, sensation novel, adventure and criminal novel and detective due to the specificity of the narrative organization of the novel of initiation [1]. Consequently, initiation novel has a parabolic composition, where the top of the parabola is a symbolic death of the protagonist and extreme points are separation from the old world, where the character used to exist; the losing of their former status; the transition in the liminal world, and then rebirth in a new status and incorporation.

Moreover, forms of time and of the chronotope play an important role in the novel of initiation, as there is an antithesis of the two worlds, where the horizontal linear (objective) time of the profane world is opposed to a vertical non-linear time of the sacred world (subjective). The protagonist (neophyte) exists in own time, being independent of the coordinate system; it is simultaneously both objective and subjective [11].

Describing the genre of the novel of initiation, it is necessary to give a structural analysis of its elements, which according to N.L. Leiderman “work for “construction” [5]. These elements are: a. plot and compositional features; b. specifics of the narrative: types and forms; c. organization of space and time (according to M.Bakhtin, “the chronotope”) [2]; d. intonation and speech identity of the character.

Initiation novel is devoted to the story of the character, but the most important is not the protagonist’s way, their growing and maturing but an existential possibility of their formation as a subject.

Classic Bildungsroman represents a logic structural process of formation, while in initiation the old “I” dissolves, depersonalizes and as a result of this reconsideration a new identity appears. If the type of Bildungsroman can be defined as the novel about the formation of the

character in diversity and complexity, where the gradual evolution of the image can be found, the novel of initiation is dedicated to the testing of the character, especially willingness to be an adult.

The novel of initiation fail to provide us with psychological and mental justification of the protagonist, thinking in the paradigm of good and evil, the most important is the ability to act and change. Traditionally, the character of the novel of initiation is a prodigy child, the protagonist is “worthless” (Holden Caulfield, *The Catcher in the Rye* by J.D. Salinger) or, on the contrary, the protagonist has unusual, sometimes frightening abilities (Frank Cauldhame, *The Wasp Factory* by I. Banks). Ralph (*Lord of the Flies* by W.Golding) immediately standing out for the ability to think, make decisions, their willingness to take responsibility.

The main idea of Bildungsroman is the birth and development of a dynamic personality [6]. The dynamism of the protagonist of initiation novel and Bildungsroman is in constant search [2]. The category of character is not a static one, is constantly changing under the influence of psychological, social and cultural factors. The composition of Bildungsroman has such features as stepping structure and monocentrism. In initiation novel a three-part structure can be noted, being similar with stages in the rite of initiation. Both the narrative scheme of the novel and scheme of the tale have three parts, the movement of the character is symbolically correlated with stages of the rite. Initiation consists of three stages [3]:

- Segregation as separation from the old environment and disconnection with the past life;
- Transition as an intermediate stage with the rite of initiation;
- Incorporation (aggregation) as subsequent inclusion of the individual into society in a new status.

In initiation novel the plot is connected with these stages because there is transition from childhood to adolescence and maturity, “first experiences, which are connected with physiological growth and first sexual experience, self-awareness and life purpose, understanding the borders between childhood and adult existence, realization of such categories as life and death, good and evil, discovering “the whole complexity and ambiguity of the world” [1, p. 502].

Problem statement

The main idea of Bildungsroman is the birth and development of a dynamic personality, but for the novel of initiation it is to show the character in action which is of paramount importance.

Bildungsroman has a autobiographical model, it consists of intellectual discussions with confrontation of ideas, relative and static forms, dynamic content. These features are reflected in the novel of initiation, where there are plot schemes of initiation rite with a step-by-step structure and dynamic content. A general formula of initiation is an existential revolution in the mind of the character. Its expression can be existence/gender transformation of the character (*The Wasp Factory*), mental change, and efforts to find him in surrounding world (*The Catcher in the Rye*), civilization of the character and the possibility of rational organization of space, responsibility (*Lord of the Flies*).

The conflict of the novel of initiation in changing the perception of the world from being childish to an adult and harmonious one, it is the existential upheaval and changing of the consciousness of the protagonist. The criterion for passing the initiation is always individual-dependent.

Event characteristics in the novel of initiation are quite ordinary. These are relevance, unpredictability, consecutively, irreversibility and repeatability [10, p. 156], but the criterion for passing the rite of initiation is an existential change of the character's consciousness, it is similar with the transition from a neophyte to a proselyte during the initiation [4].

Linguistic comparison of the speech portraits of characters of Dickens, Salinger, Tartt is possible through the prism of confessional narration as it has reflexive and narrative functions [7]. Chronotope of the big city plays the same role, it emphasizes the loneliness and loss of the protagonist. Donna Tartt adopts Dickens' way to express Theo's growing through the prism of his perception of the city. Theo's maturing is described as homeless wandering in a cold city, such words as "to wander", "fog", "dream" prove it.

In Bildungsroman we can see the character from the first moments of life, we know the backstory, it explains the peculiarities and the reasons

of acts, and in initiation novel we see a character in the most important moment, i.e., the moment of initiation. The reader is unaware of the history of his development or knows it from his point of view. Moreover, the reader does not know the end of the story, the climax is often open.

Discussion

The Goldfinch is the third novel of Donna Tartt, it brought The Pulitzer prize to the author. In Russia it was published in translation of A. Zavozova by Corpus Publishing in 2014. The protagonist is a thirteen-year-old boy Theodore Decker. *The Goldfinch* is told in retrospective narrated from the first person by Theo, which is typical for initiation novel. His life was dramatically changed when his mother and him visited The Metropolitan Museum of Art to see an exhibition of Dutch masterpieces, including their favorite painting, Carel Fabritius's *The Goldfinch*. After that Theodore Decker wanders, lives in foster homes and families in New York, Las Vegas, Amsterdam.

The Goldfinch is similar with J.D. Salinger's *The Catcher in the Rye* due to its confessional tone, the dualism of the protagonist, his constant game with the reader [8]. The liminal stage of the character's life is accompanied by essential, classic attributes of the novel of initiation: the death of the closest person, the journey, where he changes names (one of his nicknames is Potter, it refers us to Harry Potter), difficult mental states (post-traumatic syndrome, drug-induced delusions), different sides of life and trying on social roles.

Theo has a friend (a double, anti-hero, magical helper), Boris. Moreover, like a fairy tale character he has a magic item (like Holden Caulfield's red hunting hat). Theo has the masterpiece of Carel Fabritius, i.e., *The Goldfinch*, it is a truly sacred and important thing, while using it, he passes the initiation, overcomes the substitution of concepts and dichotomy of consumer culture and possession culture.

The Russian theme is very important in the novel: the characters have Russian names (Theodor, Kitsey, Boris), one of the key chapters of the novel is called *Idiot*, characters read Dostoevsky and Pushkin, the novel contains Russian characters, Russian words. *The Goldfinch* is written like a novel of

the 19th century but on the material of 21st century [9]. There are typical for initiation novel features: the plot of the story, liminality of the chronotope, a three-part structure of the novel, the type of the main character.

Conclusion

It is necessary to designate the criterion for passing the initiation. It is always an existential revolution in the mind of the character and the return to society in a new status, so Frank passes it when he understands that he is actually a woman, Ralph does that when he saves civilization and survives, Holden passes it when he feels true beauty and happiness and gets sick (illness is the most important semantic and axiological moment), and Theo passes initiation when he rethinks his values and realizes what he really loves.

Narrative model of the novel of initiation is based on the ritual scheme. The character has an ontological and existential orientation. The plot of initiation is connected with stages of initiation and shows growing up of the protagonist. The character is a teenager, who loses home and faces with painful challenges (concepts “loneliness”, “fear”, “hunger”) tries on different social roles and names. The place in initiation novel can be a big city, a crowded one or, on the contrary, being barren and soulless, or it can take place on an island. All in all, the place of the novel of initiation is a historical, cultural and mythological phenomenon. Thus, the novel of initiation is a modification of the genre of Bildungsroman with a special type of the character, conflict, liminal chronotope and narrative strategies.

The event «English Literature Seminar in Oxford for Russian University Teachers» was funded by Krasnoyarsk Regional Fund of Science.

Участие в мероприятии «Семинар по английской литературе в Оксфорде для преподавателей российских университетов» проведено при поддержке Красноярского краевого фонда науки.

References

1. Adelgeym I.E. *Slavjanskij vestnik*, 2004. №2. P. 441–453. [in Russian]
2. Bakhtin M.M. *Epos i roman* [Epos and novel]. St. Petersburg: Azbuka, 2000. 304 p. [in Russian]

3. Gennepe A. van. *Obriadi perehoda* [The rites of transition]. Moscow: Vostochnaja literatura, 1999. 198 p. [in Russian]
4. Leiderman N.L. *Teorija zhanra* [The theory of genre]. Ekaterinburg: Slovesnik, 2010, 904 p. [in Russian]
5. Pashigorev V.N. *Roman vospitania v nemetskoj literature XVIII–XX vekov* [Bildungsroman in German literature XVIII-XX centuries]. Saratov: Saratov university Publ., 1993. 133 p. [in Russian]
6. Turner V. *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka, 1983. 277 p. [in Russian]
7. Shalimova N.S. *Vestnik Krasnojarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva*. [KSPU Bulletin], 4, 2014: 265–268. [in Russian]
8. Schmid V. *Narratologija* [Narratology]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 312 p. [in Russian]
9. Campbell J. *The Hero with Thousand Faces*. New York: Bollingen Foundation, 1949, 226 p. [in English]
10. Rimmon-Kenan Sh. *Narrative Fiction: Contemporary Poetics*. New York: Methuen, 1983. 177 p. [in English]
11. Rosefield H. *The cult of Donna Tartt*. Prospect, 2013. <https://www.prospectmagazine.co.uk/blog/donna-tartt-secret-history-20-year-anniversary/#.UxHphf5Ok0> [in English]

Список литературы

1. Адельгейм И.Е. «Всякое детство есть некая подвижная правда...»: проза инициации в молодой польской прозе конца XX – начала XXI века // Славянский вестник. 2004. №2. С. 441–453.
2. Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа). СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
3. Геннеп А. ван. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.
4. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург: Слоvesnik, 2010, 904 с.
5. Пашигорев В.Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVII–XX веков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. 133 с.
6. Тэрнер В. Символ и ритуал. М: Наука, 1983. 277 с.

7. Шалимова Н.С. Роман инициации как инвариантная форма романа воспитания // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2014. №4. С. 265–268.
8. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
9. Campbell J. The Hero with Thousand Faces. New York: Bollingen Foundation, 1949, 226 p.
10. Rimmon-Kenan. Shlomith. Narrative Fiction: Contemporary Poetics. New York: Methuen, 1983. 177 p.
11. Rosefield H. The cult of Donna Tartt. Prospect, 2013. Available at: <https://www.prospectmagazine.co.uk/blog/donna-tartt-secret-history-20-yearanniversary/#.UxHphf5Ok0> (accessed 18 October 2020).

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shalimova Nadezhda Sergeevna, Ph.D., Senior Lecturer of the Department of World Literature and Methods of its Teaching
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva
89, Ady Lebedeva Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation
dm561@ya.ru
ORCID: 0000-0001-9636-1262

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шалимова Надежда Сергеевна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры мировой литературы и методики ее преподавания
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
ул. Ады Лебедевой, 89, г. Красноярск, 660049, Российская Федерация
dm561@ya.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-24-36

УДК 81-25

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Волоконская А.С., Рудометова А.Ю., Капитонова Н.С.

В данной статье проводится сравнительный анализ основных моделей сокращений в китайском и английском интернет-сленге, а также особенностей их возникновения, выявляются сходства и различия выражений двух языков по типам сокращений, частоте и ситуациям их использования.

Цель статьи состоит в рассмотрении лексических единиц двух языков, выявлении схожих случаев использования сленговых выражений и анализе различия в их использовании в культурологическом, семантическом и фразеологическом аспектах.

Метод или методология проведения работы. В исследовании применялись традиционные для лингвистического исследования методы сплошной выборки, компонентного анализа и фразеологического анализа. Научная новизна статьи состоит в том, что проблематика использования интернет-лексики в китайском и английском языках недостаточно изучена.

Результаты. В результате выявлены не только общие закономерности возникновения и использования лексических единиц в китайском и английском интернет-сленге, но и специфические особенности их употребления в каждом из языков.

Область применения результатов. Данный материал можно использовать на практических занятиях китайского и английского языков по письменному переводу, а также для более углубленного изучения современного китайского и английского языков.

Ключевые слова: китайский язык; акроним; аббревиатура; англицизм; сленг.

SPECIFIC FEATURES OF THE MODERN CHINESE AND ENGLISH INTERNET LEXIS

Volokonskaya A.S., Rudometova A.U., Kapitonova N.S.

This article analyses comparative study of the main ways of clipping in Chinese and English Internet lexis, and also particularities of their formation. Similarities and differences in the ways of formation of new expressions and frequency and situations of their use are also introduced in the article.

Purpose of the article is to view lexical units of the two languages, to find out similar ways of using slang phrases and to analyze the differences of their use in cultural, semantic and phraseological aspects.

Methodology. Traditional methods for linguistics as the continuous sampling method, componential analysis and phraseological analysis were used. Scientific novelty of the article is that the issue of Chinese and English Internet lexis is poorly known.

Results. Both general regularity of Internet lexis and specific ways of word-formation in Chinese and English are identified.

Practical implications. The results of the research can be used in the classes of written and oral translation of the Chinese and English languages and in-depth study of modern Chinese and English.

Keywords: Chinese; acronym; abbreviation; English loanword; slang.

Язык по своему определению не может быть статичен, это живая и постоянно развивающаяся система. Статичность и неизменяемость языка ведет к его словарному истощению, такой язык обречен на вымирание. Постоянно обновляющийся лексический состав языка сохраняет свою актуальность для исследований, а изучение возникающих в нем новых единиц и способов их возникновения позволяют более углубленно понять систему современного языка. Современный разговорный язык подвержен влиянию других языков и культур, в связи с техническим и культурным прогрессом количество новых слов быстро растет, многие из новых выраже-

ний закрепляются в языке, видоизменяясь согласно особенностям языка, некоторые же выражения уходят вместе с исчезновением определенной моды или явления. Современные слова и выражения, используемые в интернет-общении, нередко сленговые, представляют собой крупный пласт наиболее быстро меняющейся лексики, который называют наиболее живой частью языка в связи с его переменчивостью: популярные сленговые выражения быстро приживаются в языке, но не остаются надолго, сменяясь новыми. В данной статье мы рассмотрим некоторые наиболее актуальные для анализа типы выражений китайского и американского английского языков, а именно сокращения, англицизмы, графический сленг и ситуативные выражения.

Методологическая база для исследования сленговых выражений в культурологическом, семантическом и фразеологическом аспектах была заложена в работах Е.А. Бабенковой (2015), Ван Синхуа (2017), И.Р. Гальперина (1956), Ли Сяобай (2018 и др.), Ли Сяогэ (2017), Е.Д. Полетаевой (2016), Я.П. Сагеева (2015), О.О. Сенишина (2014), К.Д. Тамбовцева (2015), А.А. Хаматова (2006), O.V. Sokolovskaya (2015), R. Spears (1982).

Языковой материал исследования представлен китаеязычным медиапространством. В исследовании примерялись традиционные для лингвистического исследования методы сплошной выборки, компонентного анализа и фразеологического анализа. Выбор методов определяется спецификой объекта и предмета исследования.

Говоря о письменном разговорном китайском языке, нельзя не отметить то, что он выделяется особой эргономичностью. Стремление сэкономить время, сокращая употребляемые выражения для личного удобства, привело к возникновению большого количества разного рода сокращений, позволяющих варьировать значение лексической единицы в зависимости от ситуации коммуникации. Как замечает Е.А. Бабенкова: «Одним из главных факторов, определяющих вариативность содержания, является изменение ситуативного контекста» [1, с. 370].

В современном китайском языке интернет-общения акронимы и аббревиатуры является одним из самых распространённых ти-

пов выражений. Акроним представляет собой вид аббревиатуры, образующийся начальными звуками, и в отличие от других видов сокращений, войдя в язык, воспринимается цельным словом, и могут употребляться как самостоятельные слова, подвергаясь изменениям, характерным языку, в котором он используется. Большинство ученых определяет акронимы как аббревиатуры в значении «инициальное сокращение». В.И. Заботкина, а также О.С. Ахманова, И.В. Арнольд и В.В. Борисов считают, что отличие акронимов от аббревиатур, состоит в том, что первые произносятся как полные слова [6, с. 917–920].

Сокращение китайских слов строится по нескольким моделям, при этом усекаются часть компонентов, оставляя смыслообразующие, например, словосочетание 业余大学 Yèyúdàxué (университет с заочным обучением) сокращается до 业大 Yèdà. При любой модели сокращения или замене части словосочетания, значение исходного и конечного выражения остается одинаковым. При этом обе формы могут параллельно сосуществовать в языке, или же конечная полностью вытесняет исходную.

Сокращенные слова и выражения также активно заимствуются в китайский язык из других языков, преимущественно английского, при этом редко видоизменяясь. Например, сокращение BF используется молодыми китайцами в интернет-общении, заменяя более длинное китайское 男朋友 nán péngyou (парень).

Сокращения, употребляемые в китайском и в английском языке, можно условно разделить на две большие группы, они могут быть чистыми и смешанными. В состав смешанных могут входить цифры, что характерно для английского и китайского языков, но существуют также уникально китайские виды смешанных сокращений – с добавлением иероглифов или пиньиня. Примером чисто буквенных акронимических выражений в английском языке являются: ACHT – Average Call Hold Time, TAJ – Tom and Jerry, TATT – Tired All The Time (medical diagnosis in-joke), TCW – Tasty Coma Wife, TEETH – Tried Everything Else, Try Homeopathy (medical diagnosis in-joke) и T/F – True/False (=Yes/No). Многие из таких

выражений, используемых среди американских интернет-пользователей, прижились и в других языках, в том числе и в китайском, не претерпевая изменений.

В китайском языке подобные сокращения стали появляться все чаще, что обусловлено необходимостью сильно сократить длинные китайские выражения. При этом такие сокращения часто происходят в несколько этапов. Например, название новогоднего гала-концерта 中国中央电视台春节联欢晚会 (Вечерний новогодний гала-концерт Центрального телевидения Китая) был сначала сокращен до 春节联欢晚会 (Вечерний гала-концерт праздника Весны), но в конце концов стал употребляться как 春晚.

В английских акронимах и аббревиатурах могут появляться цифры, которые заменяют часть слова. Цифры в таких случаях соответствуют фонетической недостающей части слова – h8, l8er, b4, f9, l0q, l0x. Характерной особенностью китайских сокращений является их многообразие. Китайские акронимы и аббревиатуры куда разнообразнее. Это непосредственно связано со структурой китайского языка, что дает практически бесконечные возможности для того, чтобы сделать интернет-язык красочнее и индивидуальнее.

Желая сэкономить время, многие китайцы пользуются так называемыми смешанными сокращениями – когда часть слова написана в пиньинь, а другая часть заменена иероглифом. Например, в слове L公 (L gōng ‘муж, супруг’) буква L стоит на месте иероглифа 老 lǎo, заполняя собой пустующее место. Морфема 公 gōng, стоящая рядом, наделяет букву значением отсутствующего аффикса 老 lǎo. К такому же типу относятся такие слова, как L婆 (L pō; 老婆 lǎopó ‘супруга, жена’), e心 (e xīn; 恶心 ěxīn ‘отвратительно’). Часто иероглиф, используемый на письме, может не совпадать по значению с иероглифом, который подразумевается в данном словосочетании, китайцы могут заменять фонетически похожие иероглифы друг другом. Например, словосочетание 有木有 yǒumùyǒu часто употребляется вместо 有没有 yǒuméiyǒu.

Такие сокращения в китайском языке обусловлены сравнительно небольшим количеством слогов языка, что делает его одним из

самых омонимичных в мире. Огромное количество омонимов обусловило появление особого вида сокращений письменного разговорного языка, свойственного только китайскому языку. Таким видом сокращения являются полностью цифровые выражения, построенные по принципу созвучия. И в английском, и в китайском языках эти сокращения пользуются популярностью на просторах Интернета. Но стоит отметить, что китайская молодежь активнее использует их. Это связано с большим количеством вариантов, с более широким и разнообразным пластом выражений данного типа, а также с размером передаваемого выражения. Китайский язык более мелодичен и сильнее развит фонетически, чем английский, а значит в нем куда больше возможностей для создания подобных сокращений. Например, английское сокращение 404 имеет значение «Couldn't find it», в китайском языке 748, читающийся как qī sǐ bā означает 去死吧 (qù sǐ ba), и имеет значение «Пойди умри», «Отстань». В английском языке посредством цифр можно передать лишь небольшие слова или словосочетания, тогда как в китайском языке такими сообщениями передаются достаточно большие фразы и предложения, например цифровой код 259758 имеет значение 愛我就娶我吧 (Я хотел бы, чтобы ты вышла за меня замуж).

Следует отметить, что некоторые из часто встречающихся выражений, например, «я тебя люблю», могут иметь несколько цифровых вариантов, все из которых находят в употреблении одновременно. Количество цифровых кодов, используемых в интернете, уже насчитывает несколько сотен, и продолжает увеличиваться. Несмотря на внушающее количество диалектов в Китае, сленговые выражения такого типа почти не делится ни по каким территориальным или иным соображениям и такие сокращения активно используются как жителями юга Китая, так и пользователями Интернета на севере страны.

Активное общение китайских интернет-пользователей с представителями других культур сказывается на количестве заимствованных сленговых выражений. К ним относятся как общеизвестные аббревиатуры, например, BRO, означающее brother (брат), так и

полностью заимствованные слова. Из часто используемых в интернет-общении заимствованных выражений подавляющее большинство взято из английской интернет-лексики. Например, 4U – for you (для тебя), COS / CUZ – because (потому что), D8 – date (дата, свидание), HB2U – happy birthday to you (с днем рождения) и другие. Такие заимствования не претерпевают изменений и используются, как правило, китайцами в общении с иностранцами в Интернете, как способ подражания их культуре. Полностью заимствованные слова же, напротив, могут изменяться под влиянием норм китайского языка.

Подавляющее большинство заимствованных слов, используемых в общении интернет-пользователей, заимствуются именно из английского языка. Например, такие слова как 普拉提 pūlātí (пилатес), 网虫 wǎngchóng (любитель засиживаться в Интернете) и другие. Англицизмы составляют 50% всех заимствованных слов в китайском языке. В лексической системе китайского языка англицизмы характеризуются особым статусом. Существует несколько точек зрения использования их в китайском языке. Как показатель общественной культуры, английские и американские заимствования в какой-то степени являются показателями общественного положения людей. Объективным является тот факт, что в языковом обществе именно люди с высоким уровнем образования (например, студенты, ученые и т.д.) чаще всего склонны к использованию заимствованных слов в отличие от представителей других слоев общества [4, с. 65–67].

Большинство англицизмов, вошедших в китайский язык, видоизменили свое звучание в соответствии с фонетическими нормами китайского языка. Заимствованные слова так же получают тональность, соответствующую выбранным для записи слова иероглифам. Однако некоторые слова заимствуются без изменений, но употребляются с некоторыми особенностями, при этом не получают записи иероглифами. Например, слово out, обозначающий «вне, снаружи» имеет аналог в китайском языке 外. Ассимилируясь в китайской речи слово out стало использоваться как «быть не в теме,

отстать», например你太OUT了 означает «ты не в теме». Другим примеров англицизма является слово feel (чувствовать). Войдя в китайский язык, оно также не получило изменений на письме, но стало аналогом感觉 (чувства; чувствовать), оно часто используется в интернет-сети в выражении 很有feel, обозначающим «трогательный», «атмосферный», «с чувством».

Еще одним распространенным типом интернет-лексики является графический сленг. К нему относится язык эмоджи, различные gif-изображения и вирусные картинки. Основываясь на выборке Apple за 2017 г., самым распространённым эмоджи в Америке является смеющийся до слез смайлик [7]. Практически такой же смайлик стал самым популярным и в Китае. Американцы в создании новых эмоджи делают акцент на разнообразии смайликов – больше 10 новых эмоджи для улыбки, добавляют другие цвета кожи, создают гендерно-нейтральные или гендерно-разнообразные смайлики. Для такой многорасовой и мультинациональной страны как Америка, необходимо показать разнообразие во всех жизненных аспектах, в том числе, добавляя и расширяя арсенал эмоджи. В отличие от англоязычных пользователей, китайцы выбирают графические изображения с учетом особенностей своего менталитета, делая упор на две самые распространённые для них эмоции – смущение и выражение уважения. В китайском аналоге американского приложения WhatsApp – WeChat можно найти около 7 смущающихся смайликов.

Также, китайские пользователи куда активнее используют различные gif-изображения. Целью подобных картинок является максимально гипертрофированная демонстрация своего состояния. Например, на них изображены спящие животные (панды, собаки породы шиба-ину). С помощью таких gif-изображений китайцы показывают, что им лень что-то делать, или они хотят отдохнуть. Американские пользователи Сети реже используют gif-изображения, при этом самыми популярными являются gif-изображения с эмоцией «facialpalm» или «thumb up». Вирусные картинки, например, пожелания счастливого Нового Года или поздравления с праздниками, не пользуются особой популярностью у американцев, чего

нельзя сказать о китайцах, где картинки с пожеланиями счастья в Новом Году мгновенно заполняют все чаты в предпраздничные дни. Чаще всего эти картинки репрезентируют китайскую культуру – преобладание красного и золотых цветов, парных надписей и типичного китайского оформления – узоров и завитков.

Сравнив примеры графического сленга, преобладающие в общении у китайских и американских пользователей, можно прийти к выводу, что на использование эмоджи и gif-изображений больше всего влияет культурологический и национальный контекст. Современные англоговорящие пользователи Сети предпочитают стандартные эмоджи, имеют достаточно широкий гендерный и расовый выбор в их использовании, реже используют gif-изображения и вирусные картинки, основное предпочтение отдается изображениям юмористического характера. В то время как китайцы отдают предпочтение разнообразному графическому сленгу, максимально приближенному к китайской культуре и менталитету китайского народа.

Последним видом сленга, рассматриваемым в данной статье, является «ситуативный» сленг. На волне роста популярности телевизионных сериалов и реалити-шоу образовался и новый вид сленга – случайно сказанные актерами или вовсе вырванные из контекста фразы из кинофильмов, которые мгновенно становятся хитом Интернета. В американский сленг такие выражения приходят в основном из Твиттера популярных людей и чуть в меньшей степени из фильмов и сериалов, в то время как китайский словарный запас в основном пополняется с помощью ставших в одночасье крылатыми фразами из китайских фильмов и сериалов.

Например, вирусной фразой в 2017 г. стала фраза Дональда Трампа «see you in court», которую он использовал в Твиттере, выразив этим самым свое недовольство решением суда, когда он потерпел юридическое поражение и суд отказался восстановить его мусульманский запрет. Буквально за сутки Интернет взорвался тысячами подобных твитов, где уже в свою очередь высмеивали выбор слов главы государства. Сейчас эту фразу используют в основном в шутовском значении, чтобы показать раздутую и глупую обиду и

доказать свою правоту. Еще одним известным примером является фраза из научно-фантастического сериала «Стартрек» «Beam me up, Scotty» используется для выражения намерения попробовать все и сразу, когда кто-то хочет помочь в безысходной ситуации, или даже как название синтетического наркотика.

В китайском языке какие-либо высказывания публичных лиц обычно не превращаются в вирусные выражения, а вот фразы из фильмов, ток-шоу и сериалов быстро расходятся по Интернету. Например, словосочетание 雨女无瓜 yǔ nǚ wú guā звучит похоже на 与你无关 yǔ nǚ wú guān, которое переводится как «не имеет к тебе отношения» или «не твоё дело». Зрители заметили, что герой телесериала под названием 啦啦小魔仙 говорит с сильным акцентом, и нашли это забавным. После чего начали коверкать и другие слова по такому же принципу. Так не только неправильное произношение, но и неправильное написание просочились в Интернет и получило бешеную популярность.

Хорошим примером является то, как в зависимости от ситуации и под влиянием контекста обыкновенная аббревиатура OMG, которая в классическом понимании переводится как «О мой Бог» и используется для выражения удивления, резко поменяла свое значение. В 2019 г. OMG в китайском Интернете прочно ассоциировались с яркими помадами и успешными продажами. Этому поспособствовал 李佳琪 Ли Цзяци, известный бьюти-блогер, рекламирующий на своём канале косметику и парфюмерию. В одном из своих обзоров он, характеризуя новую дорогостоящую помаду, произнес: «Oh my god!», чем спровоцировал волну заказов, распродав 15 тыс. новых помад буквально за пять минут. Теперь китайские пользователи используют аббревиатуру OMG в значении «истратить все деньги», «тотчас же купить всё» и «с ума сойти! надо брать».

Рассмотрев данные примеры, мы можем увидеть, что и в китайском, и в американском интернет-сленге существуют разнообразные выражения, появившиеся во многом благодаря определенному контексту – речи политика или новой серии ситкома. Нельзя строго задать какие-либо рамки, например, временные (насколько быстро

фраза выйдет из употребления) или указать какие-то животрепещущие темы, которым отвечают такие выражения. Зачастую, они появляются и угасают стихийно. Никогда нельзя предугадать, какая и чья следующая фраза может стать интернет-хитом и возможно задержаться в языке на пару лет.

Таким образом, рассмотрев основные особенности появления популярных интернет-выражений, можно сделать вывод о том, что, несмотря на абсолютно разный строй языков, китайский и американский сленг имеют много общего. Невозможно было бы представить современный китайский Интернет-язык без каких-либо заимствований из английского. Английские слова не просто входят в китайский молодежный сленг, а получают в нем морфологическое оформление. Это говорит о способности китайского языка поглощать и перерабатывать разнородные языковые материалы. Процесс самостоятельно образования подобной лексики из китайского языкового материала показывает, что инородные нововведения больше походят на игру, состязание молодых носителей жаргона в остроумии и острологии. Язык интернет-общения, будучи языковым пластом, обновляется каждый год, в него приходят новые выражения, какие-то исчезают вовсе. Наблюдение за появлением, формированием и развитием интернет-лексики сохранит свою актуальность в будущем.

Список литературы

1. Бабенкова Е.А. Вариативность содержательность составляющей ритуальных жанров в политическом дискурсе // Перевод в меняющемся мире: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Саранск 19-20 марта 2015 г. М.: Азбуковник, 2015. С. 369–373.
2. Ван Синхуа. Русские и китайские молодежные жаргонизмы как проявление национальной лингвокультуры и объект научного исследования. // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. 2017. С. 248–256.
3. Гальперин И.Р. О термине «сленг»// Вопросы языкознания. 1956. №6. С. 107–114.
4. Ли Сяобай, Полищук Е.В. Заимствования из английского языка в китайском языке (методический аспект) // МНКО. 2018. №4(71). С. 65–67.

5. Сагеева Я.П. Китайские сложносокращенные слова как особая часть китайской лексики // Молодой ученый. 2015. №11(91). С. 1681–1683.
6. Сенишина О.О. Интернет-лексика в современном китайском языке // Вестник Моск. ун-та. Серия 13. Востоковедение. 2014. №3. С. 57–63.
7. Apple reveals most popular emoji in US. URL: <https://blogs.voanews.com/all-about-america/2017/11/06/apple-reveals-most-popular-emoji-in-us> (дата обращения: 15.04.2020).
8. Sokolovskaya O.V. The Chinese-Russian slang as a contemporary aspect of the Russian-Chinese language contact // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015 No 8(12). P. 2953-2959.

References

1. Babenkova E.A. Perevod v menjajushhemsja mire [Translation in a changi.g world]. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, g. Saransk 19-20 marta 2015 g* [Translation in a changing world: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Saransk, March 19-20, 2015]. Moscow: Azbukovnik, 2015. P. 369–373.
2. Wang Xinghua. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian philological journal], 2017, no 3. P. 248–256.
3. Halperin I.R. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of linguistics], 1956, no 6. P. 107–114.
4. Li Xiaobai, Polishchuk E.V. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The world of science, culture, education], 2018, no 4 (71). P. 65–67.
5. Sageeva Y.P. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2015, no 11(91). P. 1681–1683.
6. Sinishina O.O. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin], 2014, no 3. P. 57–63.
7. URL: <https://blogs.voanews.com/all-about-america/2017/11/06/apple-reveals-most-popular-emoji-in-us> (accessed 15.04.2020).
8. Sokolovskaya O.V. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2015, no 8(12). P. 2953–2959.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Волоконская Анастасия Сергеевна, студент ГЛ-41, факультет социально-гуманитарный, кафедра лингвистика и иностранные языки
Донской Государственный Технический Университет
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344003, Российская Федерация
avolokonskaya44@gmail.com

Рудометова Анастасия Юрьевна, старший преподаватель кафедры лингвистика и иностранные языки
Донской Государственный Технический Университет
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344003, Российская Федерация
nastasiacom@bk.ru

Капитонова Нина Сергеевна, доцент кафедры лингвистика и иностранные языки, кандидат филологических наук
Донской Государственный Технический Университет
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344003, Российская Федерация
neonilak@inbox.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Volokonskaya Anastasia Sergeevna, Student, Social and Human Faculty, Department of Linguistics and Foreign Languages
Don State Technical University
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 3440003, Russian Federation
avolokonskaya44@gmail.com

Rudometova Anastasia Urevna, Senior Lecturer, Department of Linguistics and Foreign Languages
Don State Technical University
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 3440003, Russian Federation
nastasiacom@bk.ru

Kapitonova Nina Sergeevna, Associate Professor, Department of Linguistics and Foreign Languages, Ph. D. in Philology
Don State Technical University
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 3440003, Russian Federation
neonilak@inbox.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-37-48

УДК 811.11

**КОННОТАЦИЯ
ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ПОСЛОВИЦАХ
ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО
И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Гордеева Н.В., Кузнецова С.В.

Цель. *Статья посвящена коннотации цветообозначения в пословицах германских языков (на примере английского и немецкого языков). Авторами проанализированы английские и немецкие пословицы, в которых представлена цветовая лексика. Была выделена следующая цветовая палитра: черный, белый, серый, зеленый, красный, синий, золотой, серебряный. Данная цветовая гамма отражает культурное многообразие, мировосприятие англичан и немцев.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования образуют тематический анализ, сопоставительно-описательный метод.*

Результаты. *Были отобраны пословицы с цветовой лексикой в зависимости от восприятия цвета человеком (нейтральные, теплые, холодные); данные паремии были проанализированы с точки зрения эмоционально-оценочного восприятия ситуации, на основании чего были выделены цвета с положительной, нейтральной и отрицательной коннотацией.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в процессе обучения английскому и немецкому языкам студентов бакалавриата в вузах при изучении лингвострановедения Великобритании и Германии.*

Ключевые слова: *пословица; коннотация; цвет; германские языки; английский язык; немецкий язык; фольклор.*

**CONNOTATION
OF COLOUR DESIGNATION
IN GERMANIC LANGUAGES PROVERBS
(AS BASED ON ENGLISH AND GERMAN)**

Gordeeva N.V., Kuznetsova S.V.

Purpose. *The article is devoted to the connotation of colour designation in the proverbs of Germanic languages (using the example of English and German). The authors analyzed English and German proverbs containing colour vocabulary. The following colour palette was distinguished, i.e., black, white, grey, green, red, blue, gold, silver. This colour scheme reflects the cultural diversity and the worldview of the British people and the Germans.*

Methods or methodology of the work. *The research work is based on the thematic analysis and comparative-descriptive method.*

Results. *A list of proverbs with colour vocabulary was formed depending upon the person's perception of the colour (neutral, warm, cold); the above-mentioned units were analyzed from the point of view of emotional-evaluation perception of the situation and colours with positive, neutral and negative connotations were distinguished.*

Scope of the results. *The results of the research can be applied in the process of teaching undergraduate students English and German at universities while studying the linguistic and cultural studies of Great Britain and Germany.*

Keywords: *proverb; connotation; colour; Germanic languages; English language; German language; folklore.*

Пословицы и поговорки как малый жанр устного народного творчества играют особую роль в фольклоре любого языка. Слова характеризуют пословицу как некое образное изречение, законченное по смыслу, имеющее особый ритм, интонацию, грамматическую структуру, созидательное по своей сути высказывание на определенную тему, меткое и образное, несущее в себе мудрость, опыт поколений, передающийся через устное народное творчество

[4]. Пословицы широко распространены в речи и действительно применимы ко многим жизненным ситуациям.

Как подчеркнул К.Д. Ушинский, в пословице «отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребности, привычки, его взгляды на природу, на людей, на значения всех явлений жизни» [16].

Одним из интересных аспектов в пословицах является обозначение цвета, которое способствует лучшему и более глубокому пониманию смысла, выраженного в пословице.

Актуальность исследования заключается в новом подходе к изучению и анализу фольклора германских языков с точки зрения коннотации цветообозначения в пословицах, что позволяет исследовать данный жанр народного творчества английского и немецкого языков на предмет роли и значения цвета как необычного фактора, способствующего лучшему раскрытию смысла пословиц и значения, которые несет цвет.

Цель исследования – проанализировать пословицы со значением цвета в германских языках (на примере английского и немецкого языка) и выявить особенности коннотации цветообозначения в обоих языках.

Задачи: проанализировать пословицы, в которых присутствуют названия цветов в английском и немецком языках, выделить группы пословиц по определенным признакам.

Научная новизна заключается в выделении групп пословиц германских языков (английского и немецкого), содержащих коннотацию цвета в соответствии с эмоционально-оценочным восприятием ситуации по признакам положительно-отрицательно-нейтрального значения.

Методы исследования: тематический анализ, сопоставительный-описательный метод.

Теоретическая значимость представляет вклад в исследование фольклора германских языков на примере его малой формы – пословиц.

Практическая значимость исследования заключается в информативной значимости и познавательной насыщенности рассматриваемого материала при изучении лингвострановедения Великобритании и Германии в процессе обучения английскому и немецкому языкам студентов бакалавриата в вузах.

Необходимо отметить, что термин «коннотация» довольно емкое понятие. Его характеристика отражена в работах А.А. Егурновой, К.С. Маслак, Л.А. Сергеевой, Е.М. Сторожевой, М.В. Умеровой и др. Коннотация, по определению энциклопедического словаря, – «в языкознании дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы или категории, включает семантические и стилистические аспекты, связанные с основным значением», которые, как дополняет словарь лингвистических терминов, «накладываются на основное значение слова и служат для выражения эмоционально-экспрессивной окраски, придавая высказыванию тон торжественности, непринужденности, фамильярности и т.п.» [3].

Мы придерживаемся точки зрения Е.М. Сторожевой в том, что коннотация по своей структуре многокомпонентна. Одним из ее компонентов является эмоционально-оценочный, который связан с восприятием и оценкой ситуации с позиций «положительно – отрицательно – нейтрально» [14].

Как правило, все темные мрачные тона, содержат негативную окраску, тогда как яркие цвета характеризуют что-то светлое и положительное. Но в то же время есть ряд примеров, где это не всегда так. Проанализировав пословицы английского и немецкого языка, имеющие названия цвета в своем контексте, мы можем выделить некоторые особенности использования коннотации цвета в пословицах обоих языков.

Само слово «цвет» встречается в пословицах нечасто. Например, «*Blind men cannot judge colours*» – «Слепой курице все пшеница» [2, с. 126]. Речь идет о том, что зрячий человек способен видеть мир во всех его красках и проявлениях, что не дано слепым.

Наиболее часто встречающийся цвет в пословицах и английского и немецкого языка – черный, который подчеркивает что-то негативное, отрицательное, не вписывающееся в привычные рамки, и отождествляется с чем-то плохим, порочным, неуместным: «*There is a black sheep in every flock*» – «В семье не без урода» [2, с. 14], «*Black will never take no other hue*» – «Черного кобеля не отмоешь добела» [10], «*The pot calling the kettle black*» – «В чужом глазу соринку увидишь, а в своем бревна не заметишь» [11]; «*In jeder Herde*

findet sich mal ein schwarzes Schaf) – «В каждом стаде найдешь черную овцу» [8]. Иногда белый цвет находим в пословицах в контрасте с черным: «Two **blacks** do not make a **white**» – «Злом зла не поправишь» [2, с. 44], «Schwarze Kühe geben auch weiße Milch» – «Черные коровы дают также белое молоко» [17], что означает четкое деление на черное и белое, где черный цвет символизирует зло, а белый – добро. Пословица наглядно через цвет демонстрирует отношение людей к разным событиям и делит мир на плохое и хорошее, в реальности, совершающий хорошие поступки человек всегда получит в ответ много добра, а злой – лишь негатив.

Но, с другой стороны, черный цвет – это не всегда явное отрицательное значение. Есть примеры, в которых показано несовершенство мира и человеческой природы: «Every bean has its **black**» – «И на солнце есть пятна» [2, с. 46]. Нельзя быть исключительно положительным человеком, каждый имеет право на несовершенство или ошибку, главное это вовремя понять и принять и тогда возможно изменить ситуацию к лучшему: «The devil is not as **black** as he is painted» – «Не так страшен чёрт, как его малюют» [Там же, с. 94], «Der Teufel ist nie so **schwarz**, wie man ihn malt» – «Дьявол не такой черный, как его рисуют» [17]. Ведь после чего-то плохого всегда наступает хорошее, а добро и зло существуют рядом: «After **black** clouds, clear weather» – «Не все ненастье, проглянет и красно солнышко» [2, с. 86], «Every **white** has its **black**» – «Нет худа без добра» [10], и даже белое имеет что-то черное, не все в мире идеально. Таким образом, мы видим, что черный цвет не всегда несет лишь негативную коннотацию.

Что касается остальных цветов, то они в сравнении с черным встречаются в пословицах гораздо реже. По оттенку к черному очень близок серый цвет, но он не несет в себе явно негативный смысл, т.е. имеет не настолько четко отрицательное значение. Серый цвет в коннотации пословиц имеет намерение что-то скрыть, замаскировать, не дать увидеть действительное: «All cats are **grey** in the dark» – «Ночью все кошки серы» [2, с. 98], «Bei Nacht sind alle Katzen **grau**» – «Ночью все кошки серы» [7]. В этом примере конно-

тация серого цвета скорее нейтральная, нежели отрицательная. «*The fox may grow grey, but never good*» – «Горбатого могила исправит» [2, с. 28]. В этом примере серый подчеркивает безысходность и нежелание изменить ситуацию к лучшему, что явно относит пословицу к примерам единиц с негативной коннотацией.

Зеленый цвет в пословицах обоих языков наблюдается довольно часто. Он ассоциируется со свежестью, новизной, пробуждением, светом, чем-то молодым, иногда незрелым, т.е. имеет положительную коннотацию: «*Daheim ist der Himmel blauer und grüner sind die Bäume*» – «Дома небо синее и деревья зеленее» [7], «*Grünes Holz, große Hitze*» – «Зеленая древесина, большая жара» [17], «*A green wound is soon healed*» – «До свадьбы заживет» [2, с. 32]. «*A green wound*» – «зеленая рана» в дословном переводе с английского языка означает рану свежую, новую, недавнюю, которая быстро заживет и о ней скоро забудут. Коннотация в данном случае положительная. Еще одним примером может служить пословица: «*A hedge between keeps friendship green*» – «С соседями дружи, а тын городи» [Там же, с. 121]. Зеленый ассоциируется с незрелостью, неумением общаться, дружить с соседями, но служит как предупреждение, наставление, рекомендация и ситуацию можно изменить своим положительным отношением к людям и собственным желанием это сделать. А вот в пословице: «*The grass is always greener on the other side of the fence*» – «В чужих руках пирог велик (Там хорошо, где нас нет)» [Там же, с. 15] коннотация негативная, поскольку зеленый в этом случае ассоциируется с завистью, непостоянством, поиском лучшего, желанием иметь больше, чем другие, сравнением себя с другими не в собственную пользу. Старшее поколение всегда учит молодое, что желаемого нужно добиваться собственным трудом, своими усилиями, возможностями, а зависть несет лишь негатив и саморазрушение. Таким образом, зеленый цвет имеет примеры как положительной, так и отрицательной коннотации.

Еще один холодный цвет, встречающийся в пословицах обоих языков – синий, голубой. В английском и немецком языках имеется только «blue»/«blau», который переводится как «синий» или «го-

лубой», а оттенки цвета выражаются уже другим способом. Этот цвет несет положительную коннотацию, ассоциируется с чем-то хорошим, добрым, без изъянов, что нельзя испачкать и очернить даже грязью: «*Eine Eule heckt keinen **Blaufuß***» – «Сова не подгибает синюю лапу» [17], «*True **blue** will never stain*» – «Золото и в грязи блестит» [2, с. 45]. Еще в одном примере значение цвета тоже положительное, но имеется и мысль о том, что может быть что-то лучше данного, что усиливается и сравнительной степенью прилагательного «better» – «лучше»: «*There may be **blue** and better **blue***» – «Вещь вещи рознь (человек человеку рознь)» [5].

Теплые оттенки цветов в пословицах представлены красным. Красный всегда символизирует что-то выдающееся, выделяющееся на общем фоне, яркое, эффектное, запоминающееся: «*Heute **rot**, morgen **tot***» – «Сегодня красный (здоровый), завтра мертвый» [1], «*Salz und Brot macht die Wangen **rot***» – «От хлеба и соли краснеют щеки» [17]. Например, английская пословица «*Neither fish nor good **red** herring*» – «Ни рыба ни мясо» [2, с. 97] демонстрирует явное отсутствие принадлежности к какой-то определенной категории, группе и пр., т.е. человек ничем не выделяется на общем фоне, является чем-то неприметным, неинтересным, неярким. И поэтому явно прослеживается контраст блеклости, серости с ярким красным цветом. Коннотация красного в этом случае положительная. Другим примером может служить пословица «*Red sky at night shepherds delight*» – «Если небо красно к вечеру, моряку бояться нечего» [11]. В случае красный также является символом положительных перемен в жизни, хорошей приметой, сигналом к позитивным изменениям, своего рода ярким маяком чего-то хорошего.

И отдельной группой можно выделить еще два цвета – золотой (золотистый) и серебряный. Эти цвета не входят в общий спектр цветов, но, тем не менее, встречаются в пословицах обоих языков довольно часто. При этом золотой в обоих языках носит исключительно положительную коннотацию. Золото ассоциируется с богатством, цвет несет значение чего-то возвышенного, дорогого, ценного, весомого: «*Handwerk hat einen **goldenen** Boden*» – «Ремес-

ло – золотое дно» [7], «*A golden key can open any door*» – «Золотой ключик может открыть любую дверь» [11]. «*Kill the goose that lays the golden egg*» – «Убить курицу, несущую золотые яйца» [3] означает лишиться себя источника дохода и благосостояния, т.е. поступить отнюдь не мудро и не рационально. «*Speech is silver, silence is gold*» – «Слово – серебро, молчание – золото» [2, с. 127], «*Reden ist Silber, schweigen ist Gold*» – «Слово – серебро, молчание – золото» [17] – в этих примерах золотой цвет имеет «преимущество» перед серебряным, стоит выше него, означает большую ценность. Коннотация обоих цветов явно положительная. Пословица посредством этих двух цветов усиливает мудрость и ценность смысла высказывания. Как и в этих примерах «*All is not gold that glitters*» – «Не все то золото, что блестит» [2, с. 87]; «*Und säß' er auf goldenem Stuhl, der Frosch hüpfte wieder in den Pfuhl*» – «Посади лягушку хоть на золотой стул, все равно она опять в лужу прыгнет» [1]. Следует отметить, что настоящее золото, т.е. что-то ценное и важное, всегда таковым и останется независимо от ситуации, человек мудрый и опытный всегда сумеет отличить это от всего остального.

Серебряный цвет аналогично золотому имеет только положительную коннотацию. «*To be born with a silver spoon in one's mouth*» – «Родиться с серебряной ложкой во рту» [12] означает быть особенным, отличным от других, удачливым, иметь больше преимуществ по сравнению с другими людьми. «*Every cloud has a silver lining*» – «Не было бы счастья, да несчастье помогло (Нет худа без добра)» [2, с. 85] – из любой ситуации есть выход, и даже в чем-то плохом можно найти что-то хорошее и позитивное.

Таким образом, проанализировав пословицы английского и немецкого языков, в контекст которых входит название цвета, в зависимости от его восприятия человеком, можно выделить нейтральные (черный, белый, серый), теплые (красный, золотой) и холодные (синий, зеленый, серебряный) оттенки. Однако первичное восприятие цвета и его коннотация, связанная с оценкой ситуации, представленной в пословицах, не всегда совпадают. Положительная и отрицательная коннотация в пословицах характерна для черного, белого, зеленого цвета. Только положительная коннотация отража-

ется в зеленом, красном, золотом, серебряном цвете. Нейтральная и отрицательная коннотация присуща серому цвету.

Список литературы

1. 400 немецких пословиц и поговорок [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=554655&p=1#section> (дата обращения: 10.10.2020).
2. Бодрова Ю.В. Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги = Russian proverbs and sayings and their English equivalents. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. 159 с.
3. Значение слова «коннотация» в 4 словарях [Электронный ресурс]. URL: <https://znachenie-slova.ru/коннотация> (дата обращения: 03.10.2020).
4. Значение слова «пословица» в 16 словарях [Электронный ресурс]. URL: <https://znachenie-slova.ru/пословица> (дата обращения: 28.09.2020).
5. Изучение английского языка вместе с CorrectEnglish.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://www.correctenglish.ru/reference/proverbs-sayings/kill-the-goose-that-lays-the-golden-egg/> (дата обращения: 04.10.2020).
6. Маслак К.С., Егурнова А.А. Коннотация цветообозначения в английских и русских пословицах // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/06/7170> (дата обращения: 26.11.2020).
7. Немецкие пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. URL: https://fileskachat.com/view/45761_0df8ff965097839a97675edf74160sea.html (дата обращения: 10.10.2020).
8. Немецко-русский словарь пословиц и поговорок [Электронный ресурс]. URL: <http://scheptikin.narod.ru/sprichwoerter/index.html> (дата обращения: 02.11.2020).
9. Поговорки и пословицы на английском языке про цвета [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2016/10/14/pogorovki-i-poslovitsy-na-angliyskom-yazyke-pro-tsveta> (дата обращения: 26.09.2020).
10. Русско-английский словарь пословиц и поговорок: Black [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-eng-proverbs-dict.slovaronline.com/search?s=black> (дата обращения: 03.10.2020).

11. Русско-английский словарь пословиц и поговорок: Blue [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-eng-proverbs-dict.slovaronline.com/148-BLUE> (дата обращения: 03.10.2020).
12. Русско-английский словарь пословиц и поговорок: Silver [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-eng-proverbs-dict.slovaronline.com/search?s=silver> (дата обращения: 04.10.2020).
13. Сергеева Л.А. Коннотация, культурный компонент значения и фоновые знания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12. Ч. 1. С. 152–155.
14. Сторожева Е.М. Коннотация и ее структура // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 13. С. 113–118.
15. Умерова М.В. Текстовая коннотация в английских афоризмах как способ передачи информации в межкультурной коммуникации // Иностранные языки: теория и практика. 2012. № 2 (15). С. 70–75.
16. Энциклопедия народной мудрости / Составитель Воскобойников В. Санкт-Петербург, 1997. 219 с.
17. Sprichwörter [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sprichwoerter.net/deutsche-sprichwoerter-und-redewendungen/> (дата обращения: 10.10.2020).

References

1. *400 nemeckih poslovic i pogovorok* [400 German proverbs and sayings]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=554655&p=1#section>
2. Bodrova Yu. V. *Russkie poslovicy i pogovorki i ih anglijskie analogi* [Russian proverbs and sayings and their English equivalents]. Moscow: AST; St. Petersburg: Sova, 2007. 159 p.
3. *Znachenie slova «konnotaciya» v 4 slovaryah* [The meaning of the word ‘connotation’]. URL: <https://znachenie-slova.ru/konnotaciya>
4. *Znachenie slova «poslovica» v 16 slovaryah* [The meaning of the word ‘proverb’ in 16 dictionaries]. URL: <https://znachenie-slova.ru/poslovica>
5. *Izuchenie anglijskogo yazyka vmeste s CorrectEnglish.ru* [Learning English with CorrectEnglish.ru]. URL: <http://www.correctenglish.ru/reference/proverbs-sayings/kill-the-goose-that-lays-the-golden-egg/>

6. Maslak K.S., Egurnova A.A. Konnotaciya cvetooboznacheniya v anglijskih i russskih posloviach [Color connotation in English and Russian proverbs]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 2014. № 6. URL: <http://human.snauka.ru/2014/06/7170>
7. *Nemeckie posloviy i pogovorki* [German proverbs and sayings]. URL: https://fileskachat.com/view/45761_0df8ff965097839a97675edf-74160cea.html
8. *Nemecko-russkij slovar poslovic i pogovorok* [German-Russian dictionary of proverbs and sayings]. URL: <http://scheptikin.narod.ru/sprichwoerter/index.html>
9. *Pogovorki i posloviy na anglijskom yazyke pro cveta* [Proverbs and sayings on colours in English]. URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2016/10/14/pogorovki-i-poslovitsy-na-angliyskom-yazyke-pro-tsveta>
10. *Russko-anglijskij slovar poslovic i pogovorok* [Russian-English dictionary of proverbs and sayings]: Black. URL: <https://rus-eng-proverbs-dict.slovaronline.com/search?s=black>
11. *Russko-anglijskij slovar poslovic i pogovorok* [Russian-English dictionary of proverbs and sayings]: Blue. URL: <https://rus-eng-proverbs-dict.slovaronline.com/148-BLUE>
12. *Russko-anglijskij slovar poslovic i pogovorok* [Russian-English dictionary of proverbs and sayings]: Silver. URL: <https://rus-eng-proverbs-dict.slovaronline.com/search?s=silver>
13. Sergeeva L.A. Konnotaciya, kulturnyj komponent znacheniya i fonovyje znaniya [Connotation, cultural element of the meaning and background knowledge]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2016. № 12. Part 1. P. 152–155.
14. Storozheva E.M. *Konnotaciya i ee struktura* [Connotation and its structure]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. № 13. P. 113–118.
15. Umerova M.V. *Tekstovaya konnotaciya v anglijskih aforizmah kak spo-sob peredachi informacii v mezhkulturnoj kommunikacii* [Text connotation in English sayings as a means of conveying information in intercultural communication]. *Inostrannye yazyki: teoriya i praktika*. 2012. № 2 (15). P. 70–75.

16. *Enciklopediya narodnoj mudrosti* [Encyclopedia of Folk Wisdom] / Voskobochnikov V. Sankt-Peterburg, 1997. 219 p.
17. Sprichwörter URL: <https://www.sprichwoerter.net/deutsche-sprichwoerter-und-redewendungen/>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Гордеева Наталья Владимировна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
ул. Красная, 40, г. Пенза, 440026, Российская Федерация
staroctina@bk.ru

Кузнецова Светлана Викторовна, доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
ул. Красная, 40, г. Пенза, 440026, Российская Федерация
kuznetsovasv@inbox.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Gordeeva Natalia Vladimirovna, Associate Professor of Department of Foreign Languages, candidate of pedagogical sciences
Penza State University
40, Krasnaya Str., Penza, 440026, Russian Federation
staroctina@bk.ru
SPIN-code: 8880-5599
ORCID: 0000-0002-1860-1221

Kuznetsova Svetlana Victorovna, Associate Professor of Department of Foreign Languages, candidate of pedagogical sciences
Penza State University
40, Krasnaya Str., Penza, 440026, Russian Federation
kuznetsovasv@inbox.ru
SPIN-code: 6004-1021
ORCID: 0000-0003-3099-124X

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-49-62

УДК 811.511.1

ФИННО-УГОРСКИЙ СУБСТРАТ В ГИДРОНИМИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ (СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Десяткина Е.М.

Цель. Статья является начальным этапом обширного исследования, которое посвящено решению ряда задач в области изучения тамбовских топонимов, таких как выявление ареалов финно-угорских языков на территории области в прошлом, совмещение выявленных топонимических ареалов с ареалами археологических культур, что позволит установить возможную хронологию развития топонимических типов.

В статье рассматриваются финно-угорские топоосновы в гидронимии Тамбовской области, для некоторых топонимов предлагаются новые этимологии. Определяется, что заимствованные мордовские элементы некоторых топонимов были адаптированы русским языком путем включения русских формантов.

Выделяются основные словообразовательные типы субстратных гидронимов, проводится сравнение с данными топонимики на территории исконного проживания мордвы и современного распространения мордовских языков, выделяются некоторые отличительные черты мордовской субстратной гидронимии на территории Тамбовской области и мордовской гидронимии на территории функционирования мордовских языков. Предполагается, что словообразовательная модель «русское прилагательное + мордовский гидроним» характерна для более позднего этапа развития рассматриваемой субстратной топонимии.

Метод или методология проведения работы. В ходе решения научных задач используются методы текстологического анализа, синхронного среза (исследование ономастики одного временного

периода), а также структурный, формантный, этимологический, ареальный и описательный.

Результаты. По результатам анализа структур субстратных топонимов финно-угорского происхождения на территории Тамбовской области автор предлагает этимологии рассматриваемых гидронимов. Выделенные словообразовательные модели сопоставляются с результатами исследований топонимического материала республики Мордовия.

Область применения результатов. Результаты исследования представляют интерес для лингвистики, археологии, истории, этнографии, географии и могут быть использованы для изучения древнейших состояний общества (общественных формаций, этнических общностей, материальных культур и др.).

Ключевые слова: топонимика; топоним; гидроним; мордовские языки; мокшанский язык, эрзянский язык, субстрат.

FINNO-UGRIC TOPONYMY IN THE TAMBOV REGION (WORDFORMATION ANALYSIS)

Deviatkina E.M.

Purpose. The article is the initial stage of our research that is devoted to solving a number of problems in the field of studying Tambov toponyms. Identifying the areas of Finno-Ugric languages in the region in the past, combining the identified toponymic areas with the areas of archaeological cultures will allow us to define a possible chronology of the development of toponymic types. Basic word-forming types of substratum hydronyms are selected. A comparison with the data of toponymy on the territory of the ancient Mordvins and the modern distribution of the Mordovian languages was made. Some features of the Mordvin substrate hydronymy on the territory of the Tambov region and Mordvin hydronymy on the territory of the Republic of Mordovia are highlighted. It is supposed that the word-formation model “Russian adjective + Mordvin hydronym” is typical for a later stage of development of the substrate toponymy.

Methodology. *The method of textual analysis, the synchronous one (study of onomastics of one time period), as well as the structural, formant, etymological, areal, descriptive methods are used.*

Results. *Having analyzed the structure of Finno-Ugric substrate toponyms on the territory of the Tambov region, the author suggests their etymologies. The selected word-formation models are compared with the results of researches on toponymic material of the Republic of Mordovia.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in linguistics, archeology, history, ethnography, geography and can be used to study the oldest stages of society (social formations, ethnic communities, material cultures, etc.).*

Keywords: *toponymy; toponym; hydronym; Mordovian languages; Moksha; Erzya; substrate.*

Введение

Данная статья представляет собой один из этапов нашего исследования топонимии на территории Тамбовской области, которую можно отнести к финно-угорскому субстрату. Само исследование посвящено решению ряда задач в области изучения тамбовских топонимов, таких как выявление ареалов финно-угорских языков на территории области в прошлом, совмещение выявленных топонимических ареалов с ареалами археологических культур, которое позволит установить возможную хронологию развития топонимических типов.

Вопросам исследования топонимов на территории Тамбовской области посвящено немало работ. Так М.Н. Морозова отмечает, что «славянская в своей основе топонимия Тамбовской области содержит в себе элементы иноязычного происхождения – угро-финского и тюркского. Это объясняется историей заселения края и языковой принадлежностью его обитателей» [13, с. 207]. Позднее исследования в области тамбовской топонимии проводились региональными учёными Н.И. Дудником [9], Л.И. Дмитриевой [8], А.С. Щербак [24; 25] и др.

Проблемы финно-угорской и мордовской топонимии на различных территориях также отражены в работах А.И. Попова [14], Р.В. Бабушкиной [1], А.М. Гребневой [5], И.К. Инжеватова

[10], Н.В. Казаевой [11], Ю.Ю. Гордовой [3], Е.М. Девяткиной [6] А. Ahlqvist [26], S. Maticsák [27], P. Rahkonen [29; 30] и др.

Д.В. Цыганкин отмечает, что среди топонимов Среднего Поволжья, наряду с русскими, заметное место занимают и достаточно определённо связанные с мордовским языковым миром. Они распространены по всему поволжскому ареалу отдельными вкраплениями и островами [23, с. 106]. Он собрал и представил ценный полевой материал по мордовской топонимике в ряде исследований [17; 18; 19; 20; 21; 22], в которых анализируются топонимы и микротопонимы с точки зрения лексико-семантической и словообразовательной структуры, предлагается их этимология.

Материалы и методы

Итак, топонимы Тамбовской области, имеющие финно-угорскую этимологию, представляют собой довольно древний пласт, тесно переплетающийся с иными, имеющими иранское, тюркское, славянское происхождение.

Предложим этимологии некоторых топонимов с финно-угорскими топоосновами на территории Тамбовской области. Материалом исследования послужили, в первую очередь, рукопись готовящегося к выходу Каталога топонимов Тамбовской области, подготовленного в рамках реализации научного проекта № 20-012-00196 «Топонимический атлас Тамбовской области» [4], каталог рек Тамбовской области под редакцией Н.И. Дудника [15] и монография Л.И. Дмитриевой, А.С. Щербак [7] и др.

Результаты

Арженка (п.п. р. Л. Тамбов), *Арженский* родник, *Ржакса* (п.п. р. Ворона), ранее: *Ржакса* (1862), *Аржакса* (1770), *Аржака* (1770), *Сухая Ржакса* (п.п. р. Ржакса) < ФУ **ar* ‘лужа после весеннего разлива речки’ + гидроформант *-ža*. Сравните: гидроним в Марий Эл *Аржевак* – речка, левый приток реки Кумы [21, с. 28].

Кёрша (п.п. р. Цна), *Ближняя Керша*, *Дальняя Кёрша* (л.п. р. Кёрша) < мокш. *k'er'ams*, эрз. *k'er'ams* ‘рубить, отсекать, срубить’ [28, II, S. 718] + гидроформант *-sa/-ša* ‘река’ [16, с. 27–28].

Мокрая Панда (п.п. р. Ворона), *Сухая Панда* (п. р. Мокрая Панда) < мокш. *pandă, panda*, эрз. *pando* Мар Jeg, *panda* Ва ‘гора’ [28, III, S. 1522].

Путерка (л.п. р. Цна) < эрз. *p'it'ir'kaj* Мар Atr Kad Večk, *p'it'ir'kaj* Ва, *pət'ər'ka:j* Nask ‘пигалица, чибис’ [28, III, S. 1689], сравните: р. *Путерка*, протекающая на территории республики Мордовия, овраг *Путерька* на правом берегу р. Алатырь.

Пичаевка (п.п. р. Кашма), (л.п. р. Цна) < мокш. *p'itsě, p'ičä* Р, MdJurtk, эрз. *p'itsę, p'itse, p'ičę* Мар, *p'ičä* ‘сосна’ [28, III, S. 1649] + рус. –евка.

Пяшиниль ручей (л.п. р. Цна) < мокш. *p'äšä* ‘липа’ [12, с. 559], мокш. *p'ě'sě, p'äšä*, Prol *p'äkšä-*, Уг *p'äkšä*, MdJurtk *p'ekša* эрз. *p'ekše* ‘липа’ [28, III, S. 1596].

Сурава (п.п. р. Челновая). Корень связан с праморд. **sar/sur* ‘развилка, ответвление’. Ср. *Сура* (п. р. Волга), Д. В. Цыганкин также сопоставляет с эрз. *сурдов/сардов чувто* ‘сучковатое дерево’, вепс. *sara* ‘разветвление’. О происхождении номинации существует много версий [21, с. 348].

Шибряйка (л.п. р. Ворона), ручей *Шибряй* < ? мокш. *c'eb'är'* Temn Atjur, *c'eb'är'* Prol, эрз. *c'eb'er'* Gor Sob ‘красивый, прекрасный, хороший’ [28, I, S. 164].

Мордовка (л.п. р. Матыра) очевидное производное от экзоэтнонима мордва, мордовка. Споры об этимологии этнонима *мордва* ведутся учеными довольно давно. Существует несколько гипотез его происхождения. На наш взгляд, наиболее вероятной является гипотеза финно-угроведов об иранской этимологии основы этнонима ([31] и др.), предполагающая заимствование в прафинно-угорский язык и пермско-мордовское **mVrtz*. (сравните: в современных диалектах мокшанского языка встречается мокш. ... *mor* «человек» (например, мокш. *at'a mor* «старик», *ava mor* «женщина» и др.), удм. *murt, mort* «человек, незнакомец», коми *mort* «человек»).

Как мы видим, заимствованные мордовские элементы некоторых топонимов были адаптированы русским языком включением русских формантов.

Приобретение морфологических показателей заимствованными словами в русском языке протекает быстрее, чем процесс фонетической адаптации. Русский язык обладает развитой системой словоизменения. Особенности его грамматического строя определяют характер грамматических изменений, связанных с категориями рода, числа, склонением существительных и прилагательных и спряжением глаголов. Иноязычные заимствования, как правило, приобретают грамматические категории языка-реципиента независимо от того, располагает ли ими грамматическая система языка-донора [2, с. 14].

Рассматриваемый материал показывает, что наиболее продуктивным словообразовательным типом гидронимов, относящихся к мордовскому субстрату, являются двусоставные номинации. Среди них можно выделить следующие словообразовательные модели:

1) мордовская топооснова с определительной семантикой и топоформант с семантикой географического объекта:

Козляй (руч., п.п. р. Дальняя Кёрша) < мокш. *koz'ë, koz'ä* Р, Кт, Сјатн Jurtk, эрз. *koz'a* Ва, Каžl 'богатый' [28, II, S. 888] + мокш. *l'ej, l'äj*, эрз. *l'ej, l'ij* 'река' [28, II, S. 1099],

Лупляй (руч., л.п. р. Цна) < мокш. *l'er'ë, l'er'ä* Р, *l'äp'ä* Prol, *l'er'ä* Jurtk эрз. *l'er'e* 'ольха' [28, II, S. 1112] + мокш. *l'ej, l'äj*, эрз. *l'ej, l'ij* 'река' [28, II, S. 1099];

2) мордовская топооснова в виде глагольно-причастного определения и топоформант с семантикой географического объекта:

Кёрша (п.п. р. Цна), *Ближняя Керша*, *Дальняя Кёрша* (л.п. р. Кёрша) < мокш. *k'er'äms*, эрз. *k'er'ams* 'рубить, отсекасть, срубить' [28, II, S. 718] + гидроформант *-sa/-ša* 'река' [16, с. 27-28].

Примером освоения русским языком субстратных топонимов является модель двучленного словосочетания: русское качественное прилагательное + мордовский гидроним: *Мокрая Панда* (п.п. р. Ворона), *Сухая Панда* (п. р. Мокрая Панда). Необходимо отметить, что в мордовской топонимике, распространённой на территории республики Мордовия, отмечено более разнообразное функционирование упомянутых словообразовательных моделей [23]. Двучленные

словосочетания: качественное прилагательное + существительное, относительное прилагательное + существительное, существительное с существительным, глагол (причастие) с существительным, числительное + существительное, наречие + существительное, сложные названия-сочетания, состоящие из трёх или более полнозначных слов, которые при значительном разнообразии могут быть сведены к двум основным типам.

Можем предположить, что данная словообразовательная модель характерна для более позднего этапа развития рассматриваемой топонимии. Это подтверждается наличием на территории Тамбовской области сложной словообразовательной модели, имеющей русскую составляющую, тогда как на территории продолжающегося функционирования мордовских языков наиболее продуктивные словосочетания содержат мордовские компоненты.

Ещё одной из отличительных черт мордовской субстратной гидронимии на территории Тамбовской области и мордовской гидронимии на территории функционирования мордовских языков является частотность употребления словообразовательной модели «топооснова + суффикс». Данная модель, использующая русские суффиксы, довольно широко распространена в субстратной мордовской гидронимии: *Пичаевка* (п.п. р. Кашма), (л.п. р. Цна), *Шибрайка* (л.п. р. Ворона), ручей *Шибрай*. На территории республики Мордовия, как отмечается в топонимических исследованиях, данный тип малопродуктивен, «спектр топонимических суффиксов не отличается большим разнообразием» [23, с. 116]. Одним из способов освоения русским языком мордовских топонимов считается осложнение их русскими аффиксами под влиянием русской словообразовательной модели.

Также отметим, что лексико-семантическая словообразовательная модель в субстратной мордовской гидронимии практически не распространена на территории Тамбовской области, например: *Мордовка* (л.п. р. Матыра), что вполне коррелирует с имеющимися топонимическими данными по территории исконного проживания мордвы и современного распространения мордовских языков.

Выводы

Словообразовательные модели субстратных гидронимов соотносятся со словообразовательными моделями гидронимов республики Мордовия: двусоставные номинации являются наиболее продуктивным словообразовательным типом гидронимов, относящихся к мордовскому субстрату Тамбовской области и мордовским гидронимам республики Мордовия. При этом модель словосочетания «русское прилагательное + мордовский гидроним» характерна для более позднего этапа развития субстратной топонимии. Модель «топооснова + суффикс», использующая русские суффиксы, шире распространена в субстратной мордовской гидронимии. Лексико-семантическая словообразовательная модель является малопродуктивной для мордовских гидронимов всех рассматриваемых территорий.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00196 «Топонимический атлас Тамбовской области».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00196 «Toponymic Atlas of the Tambov Region».

Сокращения

л.п. – левый приток, п.п. – правый приток, р. – река,
языки и диалекты: мокш. – мокшанский, рус. – русский ФУ –
финно-угорский язык-основа, эрз. – эрзянский
Atjur – с. Атюрьево Атюрьево р-на р-ки Мордовия
Atr – с. Атрадь Алатырского р-на р-ки Чувашия
Ba – с. Баевка Николаевского р-на Ульяновской обл.
Cjatn – д. Сейтяновка Ковылкинского р-на р-ки Мордовия
Gor – Городищенский и Сосновоборский р-ны Пензенской обл.
Jurtk – с. Базарно-Мордовский Юрткуль Старомайнского р-на
Ульяновской обл.
Kad – Кадом Теньгушево р-на р-ки Мордовия
Kažl – с. Кажлодка Торбеево р-на р-ки Мордовия

Kr – Краснослободский, (частично) Ельниковский и Ковылкинский р-ны р-ки Мордовия

Mar – с. Большое Маресьево и с. Малое Маресьево Чамзинского р-на р-ки Мордовия

MdJurtk – с. Подлесно-Мордовский Юрткуль Старо-Майнского р-на Ульяновской обл.

P – Пензенская обл., (без западных р-нов) р-ка Мордовия

ProI – ? переименованный н.п. в Кошкинском р-не Самарской обл.

Sob – ? переименованный н.п. в Сосновоборском р-не Пензенской обл.

Temn – Теньгушевский р-н р-ки Мордовия

Vešk – с. Старое Вечканово и д. Новое Вечканово Исаклинского р-на Самарской обл.

Ur – с. Урюм Тетюшского р-на р-ки Татарстан

Список литературы

1. Бабушкина Р.В. Топонимы в словообразовательной системе современного мокша-мордовского языка // Ономастика Поволжья III. Уфа, 1973. С. 272–276.
2. Борисова О.С. Адаптация иноязычной лексики в системе языка и восприятия носителей (на материале лексики русского и китайского языков конца XX – начала XXI вв.): Автореф. дис. ... к.ф.н. Кемерово, 2009. 25 с.
3. Гордова Ю.Ю. Лингвистические проблемы региональной ономастики в исторической перспективе (на материале рязанской топонимии и антропонимии). Автореф. дис. ... д.ф.н. Москва, 2018. 46 с.
4. Гордова Ю.Ю., Мельник В.И., Гордов А.В., Солодкова Н.В. Каталог топонимов Тамбовской области (на правах рукописи).
5. Гребнева А.М. Ориентированные микротопонимы // Ономастика Поволжья. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1986. С. 41–51.
6. Девяткина Е.М. К вопросу о финно-угорском субстрате в гидронимии Тамбовской области. 2020 (на правах рукописи).
7. Дмитриева Л.И., Щербак А.С. Словарь гидронимов Тамбовской области. Тамбов: Издво Тамб. ун-та, 2000. 41 с.

8. Дмитриева Л.И., Щербак А.С. Топонимы Тамбовской области: культурно-социальный аспект / Отв. ред. Л.И. Дмитриева. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. 53 с.
9. Дудник Н.И. Региональные ландшафтные особенности Тамбовской области // Вестник ТГУ. 2002. Т. 7. Вып. 1. С. 119–124.
10. Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населённых пунктов / И. К. Инжеватов; 2-е изд., доп. и испр. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1987. 263 с.
11. Казаева Н.В. Эрзянская топонимия бассейнов рек Алатыря, Инсара и Суры (Республика Мордовия): Автореф. дис. ... к.ф.н. Саранск, 1996. 21 с.
12. Мокшанско-русский словарь / Под ред. Серебренникова Б.А., Фектистова А.П., Полякова О.Е. М.: Рус. яз., Дигора, 1998. 920 с.
13. Морозова М.Н. Мордовские элементы в топонимии Тамбовской области // Ономастика Поволжья II. Горький: Держинская тип., 1971. С. 207–210.
14. Попов А.И. К вопросу о мордовской топонимике // Филологические доклады. Саранск, 1948. т. 2. С. 203–230.
15. Реки Тамбовской области: Каталог / Под ред. проф. Н.И. Дудника. Тамбов: Рассказовская областная типография, 1991. 48 с.
16. Серебренников Б.А. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания. М. 1955. №6. С. 19–31.
17. Цыганкин Д.В. Из наблюдений над структурными особенностями топонимов на территории Мордовской АССР // Вопросы мордовского языкознания (Тр. / МНИИЯЛИЭ; Вып. 32). Саранск, 1969. С. 174–191.
18. Цыганкин Д.В. Мордовская микротопонимия (семантико-лексический и словообразовательный анализ) // Ономастика Поволжья. Горький, 1971. Вып. 2. С. 258–263.
19. Цыганкин Д.В. Лексико-семантическая характеристика отдельных пластов топонимической системы Мордовской АССР // Ономастика Поволжья. Саранск, 1986. Вып. 5. С. 4–20.
20. Цыганкин Д.В. Память земли. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1993. 160 с.
21. Цыганкин Д.В. Память, запечатленная в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск, 2005. 432 с.

22. Цыганкин Д.В. От Суры ... До Мокши: названия рек и озер республики Мордовия: этимологические разыскания. Саранск: Изд-во МордовГУ, 2010. 108 с.
23. Цыганкин Д.В. Мордовские языки глазами лингвиста-финно-угроведа: сб. избр. ст. Саранск, 2011. 244 с.
24. Щербак А.С. Мордовские элементы в топонимии Тамбовской области // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции/ Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна. Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. С. 216–220.
25. Щербак А.С. Атрибутивность составных топонимов // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной научной конференции. В 2 т. Т. 1. Кострома, 2020. С. 135–140.
26. Ahlqvist A. Ancient Lakes in the Former Finno-Ugrian Territories of Central Russia: An Experimental Onomastic-Palaeogeographical Study. *Slavica Helsingiensia* 27: The Slavicization of the Russian North: Mechanisms and Chronology, 2006. P. 11–49.
27. Maticsák S. A Mordvin Köztársaság településneveinek réndszere. Debrecen, 1995: 204 p.
28. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch, I-IV. Helsinki, 1990–1996.
29. Rahkonen P. Finno-Ugrian hydronyms of the River Volkhov and Luga catchment areas // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. 2011. № 93. P. 205–266.
30. Rahkonen P. South Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics. Jyväskylä: Bookwell Oy, 2013. 246 p.
31. Rédei K. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien, 1986. 109 p.

References

1. Babushkina R.V. *Onomastika Povolzh'ia III* [Onomastics of the Volga region III]. Ufa, 1973. P. 272–276.
2. Borisova O.S. *Adaptatsiia inoiazыchnoi leksiki v sisteme iazyka i vospriiatiia nositelei (na materiale leksiki russkogo i kitaiskogo iazykov kontsa XX – nachala XXI vv.)* [Adaptation of foreign language vocabulary in the system of language and native speakers' perception (based on the

- vocabulary of Russian and Chinese languages of the late XX – early XXI centuries): Abstract of PhD dissertation. Kemerovo, 2009. 25 p.
3. Gordova Iu.Iu. *Lingvisticheskie problemy regional'noi onomastiki v istoricheskoi perspektive (na materiale riazanskoj toponimii i antropimii)* [Linguistic problems of regional onomastics in historical perspective (based on Ryazan toponymy and anthroponymy)]: Abstract of PhD dissertation. Moscow, 2018. 46 p.
 4. Gordova Iu.Iu., Mel'nik V.I., Gordov A.V., Solodkova N.V. *Katalog toponimov Tambovskoi oblasti* [Catalog of toponyms of the Tambov region] (manuscript).
 5. Grebneva A.M. *Orientirovannye mikrotoponimy* [Oriented microtoponyms]. Onomastika Povolzh'ia. Saransk: OMSU Publ., 1986. P. 41–51.
 6. Deviatkina E.M. *K voprosu o finno-ugorskom substratе v gidronimii Tambovskoi oblasti* [On the Finno-Ugric substratum in the hydronymy of the Tambov region]. 2020 (manuscript).
 7. Dmitrieva L.I., Shcherbak A.S. *Slovar' gidronimov Tambovskoi oblasti* [Dictionary of hydronyms of the Tambov region]. Tambov: TSU Publ., 2000. 41 p.
 8. Dmitrieva L.I., Shcherbak A.S. *Toponimy Tambovskoi oblasti: kul'turno-sotsial'nyi aspekt* [The names of the Tambov region: the cultural and social aspect]. Tambov: TSU Publ., 2002. 53 p.
 9. Dudnik N.I. *Vestnik TGU* [Tambov State Univ. Bulletin], no 1(7) 2002. P. 119–124.
 10. Inzhevator I.K. *Toponimicheskii slovar' Mordovskoi ASSR: Nazvaniia naseleennykh punktov* [Toponymic dictionary of the Mordovian ASSR: names of localities]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. 263 p.
 11. Kazaeva N.V. *Erzianskaia toponimiia basseinov rek Alatyria, Insara i Sury (respublika Mordoviia)* [Erzya toponymy of the Alaty, Insar and Sura river basins (Republic of Mordovia)]: Abstract of PhD dissertation. Saransk, 1996. 21 p.
 12. *Mokshansko-russkii slovar'* [Moksha-Russian dictionary]. Moscow: Rus. yaz., Digora, 1998. 920 p.
 13. Morozova M.N. *Onomastika Povolzh'ia II* [Onomastics of the Volga region II]. Gor'kiy: Dzerzhinskaia tipografia, 1971. P. 207–210.

14. Popov A.I. *Filologicheskie doklady* [Filological reports]. V. 2. Saransk, 1948. P. 203–230.
15. *Reki Tambovskoi oblasti* [Rivers of the Tambov region]. Tambov: Rasskazovskaia oblastnaia tipografiia, 1991. 48 p.
16. Serebrennikov B.A. *Voprosy iazykoznaniiia* [Linguistic issues], 1955, no 6. P. 19–31.
17. Tsygankin D.V. *Voprosy mordovskogo iazykoznaniiia* [Issues of Mordovian linguistics], 1969, no 32. P. 174–191.
18. Tsygankin D.V. *Onomastika Povolzh'ia II* [Onomastics of the Volga region II]. Gor'kiy: Dzerzhinskaia tipografiia, 1971. P. 207–210.
19. Tsygankin D.V. *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga region], 1986, no 5. P. 4–20.
20. Tsygankin D.V. *Pamiat' zemli* [The memory of the land]. Saransk: Mordov. Publ. 160 p.
21. Tsygankin D.V. *Pamiat', zapechatlennaiia v slove: Slovar' geografiche-skikh nazvanii Respubliki Mordoviia* [Memory imprinted in the word: Dictionary of geographical names of the Republic of Mordovia]. Saransk, 2005. 432 p.
22. Tsygankin D.V. *Ot Sura. Do Mokshi: nazvaniia rek i ozer respubliki Mordoviia: etimologicheskie razyskaniia* [From Sura ... to Moksha: names of rivers and lakes in the Republic of Mordovia: etymological research]. Saransk: OMSU Publ. 2010. 108 p.
23. Tsygankin D.V. *Mordovskie iazyki glazami lingvista-finno-ugroveda* [Mordovian languages through the eyes of a Finno-Ugric linguist]. Saransk: OMSU Publ. 2011. 244 p.
24. Shcherbak A.S. *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga region]: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Arzamas, Sarov: Interkontakt, 2016. P. 216–220.
25. Shcherbak A.S. *Onomastika Povolzh'ia* [Onomastics of the Volga region]: materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. V. 1. Kostroma, 2020. P. 135–140.
26. Ahlqvist A. *Slavica Helsingiensia 27: The Slavicization of the Russian North: Mechanisms and Chronology*, 2006. P. 11–49.
27. Maticsák S. *A Mordvin Köztársaság településneveinek rendszere*. Debrecen, 1995: 204 p.

28. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch, I-IV. Helsinki. 1990–1996.
29. Rahkonen P. *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*, 2011, no 93. P. 205–266.
30. Rahkonen P. South Eastern Contact Area of Finnic Languages in the Light of Onomastics. Jyväskylä: Bookwell Oy, 2013. 246 p.
31. Rédei K. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien, 1986. 109 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Девяткина Екатерина Михайловна, старший научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков кандидат филологических наук

ФГБУН Институт языкознания РАН

пер. Большой Кисловский, 1 стр. 1, г. Москва, 125009, Российская Федерация

devyatkinaem@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Deviatkina Ekaterina Mikhailovna, Senior Researcher, Department of Ural-Altaic Languages, PhD

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1 bld. 1, Bolshoy Kislovsky lane, Moscow, 125009, Russian Federation

devyatkinaem@gmail.com

SPIN-code: 8697-6352

ORCID: 0000-0002-4014-5373

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-63-72

УДК 81'373.46

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОПОЛЯ «ВЗЛОМ» В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Долгоновская Л.Я., Новикова И.Н.

Статья посвящена структурному анализу терминопля «взлом» в сфере информационной безопасности в английском и итальянском языках. Цель исследования: описать, сравнить основные структурные особенности изучаемых терминологических единиц и выявить наиболее продуктивные модели.

***Методы исследования.** Исследуемые терминологические единицы были определены методом сплошной выборки из научных журналов по информационной безопасности. Для процедуры анализа вышеуказанных единиц в качестве основного был выбран структурный метод.*

***Результаты исследования.** Сопоставительный анализ структурных элементов терминопля «взлом» в сфере информационной безопасности в английском и итальянском языках показал, что наиболее продуктивные модели в английском языке представлены атрибутивными словосочетаниями, а в итальянском языке отмечается широкое использование предлогов для построения многословных терминов. В структурных моделях английских терминов преобладает препозиция прилагательного по отношению к существительному, для итальянского, напротив, характерна постпозиция прилагательного.*

***Практическое применение результатов.** Результаты исследования могут использоваться при чтении курсов лекций по лексикологии английского и итальянского языков.*

***Ключевые слова:** информационная безопасность; терминопле; термины-словосочетания; структурный анализ; сопоставительный анализ.*

**STRUCTURAL FEATURES
OF TERMINOLOGICAL FIELD “HACKING”
IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY IN ENGLISH
AND ITALIAN (COMPARATIVE ANALYSIS)**

Dolgonovskaya L. Ya., Novikova I. N.

*The article is dedicated to the structural analysis of terminological field “hacking” in information security in the English and Italian languages. **The aim of the work** is to describe, compare the main structural features of the analyzed terminological units and highlight the most productive types.*

***Methods of work.** The terminological units under study were selected using the continuous sampling method from certain scientific journals on IT security. The structural method was applied as the main one to analyze the above-mentioned units.*

***The results of the study.** The comparative analysis of structural elements of the terminological field “hacking” in the field of information security in English and Italian has showed that the most productive models in English are attributive word combinations, but in Italian a wide use of prepositions is common for constructing multi-words terms. In the structural models of English terms adjectives are mostly found in pre-position, while postposition of adjectives is widely used in Italian multi-words terms.*

***Practical implications.** The results of the research can be used while giving lectures on English and Italian lexicology.*

***Keywords:** information security; terminological field; multi-words terms; structural analysis; comparative analysis.*

Каждая терминосистема – неоднородное образование с достаточно сложной структурой. Структурные особенности любой терминосистемы являются важным фактором при изучении, систематизации и использовании ее терминологических единиц. Термины применяются для обозначения понятий и для определения их значений используются логические приемы и правила систематизации, классификации и выявления связей между понятиями.

Системность терминов освещается в трудах К.Я Авербуха, М.Э. Ахметова, М.Н. Володина, С.В. Гринева, В.П. Даниленко, Т.Л. Канделаки, В.М. Лейчика, В.А Татарина, А.А. Реформатского и др.

В.М. Лейчик в своих работах подчеркивает, что вопросы анализа и оптимизации формальной структуры термина нельзя считать решенными прежде всего потому, что далеко не все современные способы терминообразования рассмотрены в достаточной степени, а также, потому что применение исключительно лингвистических методов лексикологического и словообразовательного анализа не позволяет давать исчерпывающие рекомендации по достижению оптимальной структуры и оптимальной длины термина [6, с. 26].

Л.Я. Долгоновская отмечает, что структурные составляющие терминологических единиц имеют определенные значения, известные специалистам определенных областей знаний. [4, с. 137].

Анализируемая терминология в сфере информационной безопасности представлена разноструктурными лексическими единицами. В синтаксическом аспекте термины классифицируются по структурным типам (простые, аффиксальные, сложные и словосочетания с дальнейшим более детальным подразделением вплоть до структурных моделей) [3].

Согласно классификации С.В. Гринева выделяются два основных вида лексических единиц:

1. термины-слова (однословные единицы);
2. термины-словосочетания (многословные единицы)

Состав однословных терминов довольно разнороден, их можно разделить на три основных структурных типа:

- простые;
- аффиксальные;
- сложные [2].

В настоящем исследовании за основу берется данная классификация при анализе терминополья «взлом» в сфере информационной безопасности в английском и итальянском языках. Анализ исследуемого материала показал, что среди однословных единиц в английском и итальянском языках встречаются преимуществен-

но аффиксальные и сложные слова. Также следует отметить, что итальянский язык помимо исконных итальянских терминов часто оперирует английскими заимствованиями. Некоторые лингвисты убеждены, что в итальянском языке англоязычные термины занимают доминирующее положение по отношению к итальянским. Это объясняется несколькими факторами:

1. Итальянские варианты оказываются длиннее (из-за использования предложных сочетаний).
2. Специалисты уже привыкли работать с английскими терминами и не хотят пользоваться итальянскими.
3. Английские термины отличаются коммуникативной лабильностью.
4. Зачастую английские термины обладают прозрачной семантикой, что не всегда проявляется у соответствующих им итальянских терминов [8].

Рассмотрим аффиксальные термины в английском и итальянском языках. К данному типу относятся аффиксальные слова, образованные с помощью суффиксов:

-ware: spyware, ransomware

-ing: phishing, sniffing

Данные термины используются как в английском, так и в итальянском языках – они являются интернациональными.

Следующая группа представлена сложными словами, состоящими из двух и более корней. Как отмечает Э.А. Зоидзе, одним из самых продуктивных способов словообразования в современном английском языке является словосложение, а именно контаминация, блендинг [5, с. 84–85]. Собственно, сложные слова в английском языке также представляют интерес для исследователей, поскольку графически они не только могут быть оформлены различными способами (как единая лексема (*dishwasher*), через дефис (*shoe-shop*) или отдельно (*writing table*)), но и мотивированность всей лексемы может быть непрозрачной, т.е. значение сложного слова может не складываться из семантики его компонентов [7]. В ходе анализа было выявлено, что к данному структурному типу относятся следующие лексические единицы в ан-

глийском и итальянском языках: *cyberthreat*, *backdoor*, *keylogger*, что подчеркивает их интернациональный характер.

Наряду с вышеупомянутыми группами в данной работе значительное количество терминов представлено в виде словосочетаний, входящих в группу многословных терминов. Словосочетание представляет собой синтаксическую конструкцию, образующуюся на основе подчинительных связей: согласования, управления и приыкания. В словосочетание полностью переносятся все те отношения, те общие и частные, более конкретные значения, которые возникают при подчинительной связи: эти отношения представляют собой значения словосочетаний [1, с. 34]. Поскольку большинство терминов представлены терминами-словосочетаниями (от 60 до 90% терминов в зависимости от предметной области), то следует описать, что они собой представляют. Терминосочетание состоит из главного (чаще всего существительное) и зависимого слова (прилагательное, причастие или существительное). Структурный анализ данных терминологических единиц позволил выявить характерные модели, присущие английскому и итальянскому языкам. В английской терминологии чаще всего встречается атрибутивный вид связи (отношение между определяемым словом и определением) без помощи предлога. Например, *passive attack*, где *attack* – главное, а *passive* – зависимое слово.

Самые продуктивные структурные модели английского языка представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Самые продуктивные структурные модели в английском языке

N + N	Adj + N	Adj + N + N
birthday attack	blended threat	advance fee fraud
dictionary attack	passive attack	brute force attack
fork bomb		Evil Twin attack
identity theft		watering-hole attack
logic bomb		
vampire tap		
virus hoax		

В итальянском языке наблюдается широкое использование предлогов при образовании словосочетаний. Рассмотрим значение некоторых предлогов. Целесообразно отметить, что склонение имен существительных в итальянском языке, изменяющихся лишь по числам, осуществляется с помощью предлогов (*di, a, da, in, su* и др.). Средний род как таковой отсутствует. Имени обычно сопутствует артикль – определенный (*il, la, lo, l', i, gli, le*), развившийся из латинского местоимения *ille*, или неопределенный (*un, una, uno, un*), развившийся из латинского числительного *unus*. Многие предлоги сливаются с определенным артиклем в одно целое.

Прилагательные, в свою очередь разделяются на два класса: к первому относятся прилагательные с разными окончаниями для мужского и женского рода (*attacco – атака, minaccia – угроза*), ко второму – с общим окончанием для обоих родов (*grande – большой, большая*). Наиболее продуктивные структурные модели словосочетаний наглядно показаны в Таблице 2.

Таблица 2.

**Наиболее продуктивные структурные модели словосочетаний
в итальянском языке**

сущ + предлог + сущ/прил	сущ + прил
attacco a dizionario	attacco passivo
attacco del compleanno	bomba fork
attacco di forza bruta	bomba logica
attacco Evil Twin	minaccia cibernetica
attacco watering-hole	minacce combinate
controllo di accesso	
spine a vampiro	
truffa alla nigeriana	
uomo nel mezzo	

На наш взгляд, наиболее интересными для анализа представляются многокомпонентные (2 и более терминов в составе словосочетания) англоязычные терминологические словосочетания. Их особенность проявляется в неполной эквивалентности соответствующих им итальянских терминов.

birthday attack (N + N)

attacco del compleanno (S + prep + S)

* полная эквивалентность; в итальянском варианте проявляется характерная особенность языка: используется сложный предлог *del* (слияние предлога *di* + определенного артикля *il*) для связи элементов терминосочетания; в английском языке слово «*birthday*» очевидно разбивается на два компонента, тем не менее это слово употребляется как единое целое, в данном случае, существительное);

brute force attack (Adj + N + N)

attacco di forza bruta (S + prep + S + Agg)

* частичная эквивалентность; в английском языке связь элементов беспредложная; в итальянском языке для связи элементов используется предлог *di*, выражающий принадлежность.

Таким образом, выделены такие структурные типы терминов: однословные, представленные аффиксальными и сложными типами, и многословные, включающие в себя термины-словосочетания. Проанализировав аффиксальные и сложные термины, можно сделать вывод, что они универсальны в английском и итальянском языках, т.к. происходит полное заимствование из английского языка. По этой причине представленные в работе однословные термины абсолютно идентичны по структуре и узусу. Сопоставительный анализ многословных терминов показал, что в итальянском языке, в отличие от английского, наблюдается широкое использование предлогов как связующих элементов словосочетания, что подчеркивает их сложную структуру. Для английского языка характерен атрибутивный тип словосочетаний. Следует также подчеркнуть, что в многословных итальянских терминах отмечается частичное заимствование, и при этом, в большинстве случаев главное слово является интернационализмом, что обеспечивает прозрачность семантики (*attacco del compleanno*, где *attacco* – главное слово).

Список литературы

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.

2. Гринев-Гриневи́ч С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
3. Гринев С.В., Сорокина Э.А. Основы семиотики. М.: Флинта, Наука, 2012. 256 с.
4. Долгоновская Л.Я. Структурные особенности англоязычной терминологии информационной безопасности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2017. Т. 14. № 1. С. 137–139.
5. Зойдзе Э.А. К вопросу о соотношении контаминации и словосложения и о современных тенденциях словообразования в английском языке // Актуальные вопросы современной лингвистики: Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 85-летию МГОУ и 70-летию ИЛиМК / Отв. ред. М.Н. Левченко. М.: МГОУ, 2017. С. 83–88.
6. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 254 с.
7. Матвеева Е.Е. Специфика акцентуальной структуры сложных слов в английском языке (на материале BBC World News) // Современные гуманитарные исследования. М., 2019. № 1 (86). С. 65–68.
8. Молнар А.А. Особенности формирования терминосистемы информационных технологий // Вестник МГЛУ. 2011. № 620. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobe> (дата обращения: 05.10.2020).

References

1. Valgina N.S. *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Contemporary Russian syntaxis]. Moscow: Vysshaya shkola, 2003. 416 p.
2. Grinev-Grinevich S.V. *Terminovedenie* [Terminology studies]. Moscow: Academy, 2008. 304 p.
3. Grinev S.V., Sorokina E.A. *Osnovy semiotiki* [Semiotics basics]. Moscow: Flinta, Nauka, 2012. 256 p.
4. Dolgonovskaya L.Ya. Strukturnye osobennosti angloyazychnoj terminologii informacionnoj bezopasnosti [Structure peculiarities of English information security terminology]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. Khabarovsk, 2017. V. 14. № 1. P. 137–139.

5. Zoidze E.A. K voprosu o sootnoshenii kontaminacii i slovoslozheniya i o sovremennyh tendenciyah slovoobrazovaniya v anglijskom yazyke [On the correlation of contamination and word composition in English]. *Aktual'nye voprosy sovremennoj lingvistiki: Materialy 4-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 85-letiyu MGOU i 70-letiyu ILiMK* [Topical issues of modern linguistics: Materials of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 85th anniversary of MGOU and the 70th anniversary of ILiMK] / ed. M.N. Levchenko. Moscow: MGOU, 2017. P. 83–88.
6. Lejchik V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology studies: subject, methods, structure]. Izd. 2-e, ispr. i dop. Moscow: LCI Publ., 2007. 254 p.
7. Matveeva E.E. Specifika akcentual'noj struktury slozhnyh slov v anglijskom yazyke (na materiale BBC World News) [Specifics of the accentual structure of English complex words]. *Sovremennye gumanitarnye issledovaniya*. Moscow, 2019. No 1 (86). P. 65–68.
8. Molnar A.A. Osobennosti formirovaniya terminosistemy informacionnyh tekhnologij [Formation specifics of information technology term system]. *Vestnik MGLU*. 2011. No 620. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobe>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Долгоновская Лилия Яковлевна, ассистент

*Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы «Московский городской
педагогический университет»*

*2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4, к. 1, г. Москва, 129226,
Российская Федерация
dolgonovskaya@list.ru*

Новикова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук,
старший преподаватель

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия»
ул. Новочеремушкинская, 69, г. Москва, 117418, Российская Федерация
irkaminskaya@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Dolgonovskaya Lilia Yakovlevna, Assistant

*Moscow City Pedagogical University
4, building 1, 2nd Agricultural proezd, Moscow, 129226, Russian Federation
dolgonovskaya@list.ru*

Novikova Irina Nikolaevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer
*Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya Str., Moscow, 117418, Russian Federation
irkaminskaya@yandex.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-73-84

УДК 811.11-112

ТРАГЕДИЯ И. ГЕТЕ «ФАУСТ» В ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК

Емельянова М.В., Кузнецова Т.Н.

Цель. *Статья посвящена лингвистическим особенностям перевода трагедии И. Гете «Фауст» на чувашский язык, выполненном чувашским языковедом и переводчиком Н.А. Андреевым-Урхи. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ перевода и оригинала, определяется качество перевода произведения. Цель исследования заключается в комплексном анализе перевода трагедии И. Гете «Фауст» на чувашский язык, рассмотрении лингвистических особенностей перевода произведения.*

Материалы и методы. *Материалом исследования послужили лексические единицы, крылатые выражения, пословицы и поговорки, встречающиеся в произведении И. Гете «Фауст». Основными методами данной работы являются сравнительно-сопоставительный и лингвистический.*

Результаты. *Анализ рассмотренных лингвистических особенностей перевода трагедии И. Гете «Фауст» доказывает, что переводчик подбирал лексические соответствия понятные для чувашского народа, употреблял в переводе живую диалектную речь, т.е. диалект верховых чувашей, что делает данное произведение более близким и родным для чувашского читателя.*

Область применения результатов. *Полученные результаты могут найти свое применение в учебных курсах по общему и сравнительному языкознанию, типологии языков, теории художественного перевода, а также на практических занятиях по иностранному языку.*

Ключевые слова: перевод; сравнительно-сопоставительный анализ; текст оригинала; язык перевода; лингвистические особенности; диалектизмы; крылатые выражения; пословицы; поговорки.

GOETHE'S TRAGEDY FAUST IN CHUVASH LITERATURE: LINGUISTIC PECULIARITIES OF TRANSLATION INTO CHUVASH

Emelianova M.V., Kuznetsova T.N.

Purpose. *The article is devoted to the linguistic peculiarities of the translation of Goethe's tragedy Faust into Chuvash by the Chuvash linguist and translator N.A. Andreev-Urhi. A comparative analysis of the translation and the original is carried out, along with evaluation of the translation quality. The purpose of the research is conducting a complex analysis of translation of Goethe's tragedy Faust into Chuvash, including consideration of the linguistic peculiarities of the translation.*

Materials and methods. *The research material is lexical items, winged expressions, proverbs and sayings of Goethe's work. The main methods of this work are comparative and linguistic ones.*

Results. *The analysis of considered linguistic peculiarities of the translation of Goethe's tragedy Faust proves that the translator managed to find lexical items being understandable for the Chuvash people and used a living dialect speech in translation, i.e. the dialect of the upper Chuvash people, which makes this work closer and more authentic for the Chuvash reader.*

Practical implications. *The results of the study can find application in training courses on general and comparative linguistics, language typology, literary translation theory, as well as practical foreign language training.*

Keywords: *translation; comparative analysis; original text; translation language; linguistic peculiarities; dialectism; winged expression; proverb; saying.*

Издание трагедии И. Гете «Фауст» на чувашском языке сыграло большую роль в культурной жизни чувашского народа, однако многочисленные попытки перевести эту трагедию были безуспешны или не были доведены до конца. Примечательно, что Н.А. Андреев-Урхи приложил все усилия, чтобы приблизить чувашский текст к подлиннику. Благодаря его трудолюбию, таланту, поэтическому дару и владению несколькими языками удалось перевести трагедию И. Гете на чувашский язык, что дает богатый материал для проведения научных исследований в области филологии. Переводные поэтические тексты служат для осуществления сложного коммуникативного процесса: духовного общения между автором и читателями, воспитанными в другой культуре и в лоне другого языка [4]. Важным методом исследования в лингвистике перевода служит сопоставительный анализ перевода, т.е. анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала [2].

В чувашском варианте трагедии И.В. Гете «Фауст» часто встречаются диалектизмы, которые подчеркивают специфику разговорной речи какого-нибудь определенного народа, проживающего на территории Чувашской республики.

Лексические диалектизмы – эквиваленты слов, используемые жителями конкретной местности [3]:

- 1) минтер (подушка) – ɟытар (диал.):
Erst senkt sein Haupt aufs kühle Polster nieder –
Пу̇сне ч̇п̇-ч̇р ɟытар ɟине хурсам̇р
(Его склоните нежно к изголовью);
- 2) к̇рш̇ (сосед) – пускил (диал.):
Herr Nachbar, ja! –
Çапла, пускил̇м
(Так, так, сосед!);
- 3) аслашш̇ (дедушка) – маçак (диал.):
Dem Ahnherrn fromm die welke Hand geküßt –
Маçак̇н тун̇ аллине в̇л чунтун̇
(Сухую руку деда целовала);

- 4) иккен (оказывается) – нихак (диал.):
Das Spionieren, scheint, ist deine Lust. –
Ку вӑрттӑн шӑриласси –
*Сан тӑн ёҫӑ **нихак***
(Шпионство, видно, страсть твоя?).

Грамматические диалектизмы – это слова, образованные с помощью суффиксов, которые не существуют в литературном языке [3]:

- 1) пӑлетӑп (знаю) – пӑлеп (диал.):
Zwar weiß ich viel, doch möchte ich alles wissen. –
*Нумай **пӑлеп**, татах пӑлес килет*
(Хоть много знаю я, но все хотел бы знать);
- 2) килеҫҫӑ (идут) – килеҫ (диал.):
Weh! Weh! Sie kommen. Bitttrer Tod! –
***Килеҫ!** ҫитет вилес самант!*
(Идут! Настал час смертный мой!);
Он от цепей тебя освободит);
- 3) мӑншӑн (почему) – ма-ке (диал.):
Was hilft es, fliehn? Sie lauern doch mir auf.
***Ма-ке** тарас? Мана кӑтет хурал унтах... –*
(Зачем бежать? Меня там стража ждет...);
Laß mich! Nein, ich leide keine Gewalt!
***Ма-ке** вӑйнах? Ан тив манна!*
(К чему насилье? О, оставь мою волю!);
- 4) хӑвӑн (свой) – ху (диал.):
Nun gut, es sei dir überlassen!
Zieh diesen Geist von seinem Urquell ab –
Сана ирӑк паратӑн пӑтӑмпе:
*Ил ун чунне **ху** аллуна*
(Тебе позволено: иди
И завладай его душою).

В вышеназванных примерах наблюдается применение суффиксов, окончаний, нарушающих норму чувашского литературного языка: сокращение слов, отсутствие в словах гласной или нескольких букв можно часто заметить в разговорной речи.

Примеры диалектизмов, приведенные Н.А. Андреевым-Урхи на языке перевода, показывают, что здесь встречается диалект верхних чувашей, характерный для жителей Аликовского района Чувашской республики. Жители других районов республики (низовые чуваша), несмотря на диалектические особенности, понимают содержание данного произведения. Диалект не меняет содержание и смысл произведения, а раскрывает особенности разговорной речи жителей конкретной территории.

В трагедии «Фауст» можно заметить много крылатых выражений, пословиц, поговорок, которые могут заставить задуматься любого переводчика.

Фраза «*Остановись, мгновенье, ты прекрасно!*» (*Werd ich zum Augenblicke sagen: Verweile doch! Du bist so schön!*), ставшая крылатой, появилось благодаря произведению И. Гете «Фауст». Многие люди слышали, вспоминали ее в какой-либо ситуации, в общественной жизни или литературе.

При рассмотрении переводов данного выражения на русском и чувашском языках следует отметить, что Э. Губер, А. Фет, А. Соколовский, а также чувашский переводчик Н.А. Андреев-Урхи эквивалентом глагола *verweilen* (*остановиться, пребывать*) выбрали *остановись, чарӑнсам* (чув.). Переводчик Н. Холодковский после глагола *продлись* добавляет *постой* для обозначения временного приостановления. В чувашском переводе также используется слово *тӑхта* (*постой, подожди*), которое показывает задержку в движении. Остальные переводчики применяют следующие варианты перевода: *помедли, продлись, не уходи, останься* и др.

И если я скажу мгновенью:

Тебе я рад! остановись! (Э. Губер, 1838)

Когда услышишь ты хоть раз,

Что я скажу: «помедли час,

Прекрасен ты, постой». (А. Струговщиков, 1843)

И когда мгновенью я скажу:

«Остановись! Прекрасно ты!» (А. Фет, 1889)

Если я скажу когда-нибудь пришедшему мгновению:

«Остановись! – ты так прекрасно!» (А. Соколовский, 1902)

Когда воскликну я: «Мгновенье,

Прекрасно ты, продлись, постой!» (Н. Холодковский, 1939)

Едва я миг отдельный возвеличу,

Вскричав, «Мгновение, повремени!» (Б. Пастернак, 1955)

Иртсе пыран шух вӑхӑта:

«Самант, илемлӗ эсӗ, чарӑнсам, тӑхта!»

Вара эп калӑттӑм саманта:

Ытла илемлӗ эсӗ, тӑсӑлсам, тӑхта! (Н.А. Андреев-Урхи).

Сравнительно-сопоставительный анализ пословиц и поговорок на разных языках показывает, что эти народы имеют много общего, и это способствует их лучшему взаимопониманию и сближению. Следует подчеркнуть, что многие немецкие и чувашские пословицы и поговорки многозначны. Многозначность делает их трудными для толкования и сравнения, поэтому трудности при переводе немецких пословиц и поговорок возникают всегда. Если даже учитывать все особенности языков, сложно переводить на другой язык то, что считается частью культуры определенного народа [9]. Для иноязычного читателя пословица кажется чем-то новым, поэтому смысл не всегда раскрывается полностью. Значит, для того, чтобы носитель другого языка понял значение пословицы, нужно подобрать эквивалент на языке перевода:

Ein Sprichwort sagt: Ein eigner Herd,

Ein braves Weib sind Gold und Perlen wert. –

Ват ҫын ҫапла каланӑ: «Ӑшӑ пӑрт тата

Ыр арӑм ылтӑнна чӑн ахахран паха»

(Пословица гласит: жена своя и кров

Дороже всех на свете нам даров).

Все эти пословицы на трех языках имеют общий смысл, это можно проследить при сопоставительном анализе: общие имена существительные *der Herd – пӑрт* (очаг, дом), *das Weib – арӑм* (жена), *das Gold – ылтӑн* (золото), *die Perle – ахах* (жемчужина). В русском переводе пословицы слова *das Gold – ылтӑн* (золото) и *die Perle – ахах* (жемчужина) заменены одним общим именем существительным *дар*.

Ein Dienst ist wohl des andern wert. –
Чӑн, ҫӑкӑрна тӑвар хире-хирӗҫле
(Что же, за услугу я готов служить);
Alles nach seiner Art. –
Кама кам килӗшет
(У всякого свой вкус).

В данных пословицах на немецком и чувашском языках нет общих эквивалентов, их объединяет только общий смысл. Переводчик подобрал соответствующую пословицу на чувашском языке, ссылаясь на смысл переводимой пословицы.

Выражению *Ihr habt weiches Holz zu spalten* подобрали эквивалент на чувашском языке *Утне кура турти*, Н. Холодковский перевел *С волками жить – по-волчьи выть*, а А. Соколовский – *Вам придется рубить мягкое дерево*. Если рассмотреть все три варианта перевода, то дословным является только перевод А. Соколовского, только у него имеются общие с оригиналом лексические единицы: *weiches Holz – мягкое дерево, spalten – рубить*.

В выражении *Vom Himmel durch die Welt zur Hölle* – *Ҫӗл нӗлтрен ҫӗр витӗр тамӑка* (через землю с неба в ад) основными лексическими единицами, сохранившимися на языке перевода, являются *Himmel – нӗлт* (небо), *Hölle – тамӑк* (ад), а слово *die Welt* заменено чувашским словом *ҫӗр* (земля). Данная лексическая трансформация не меняет значение выражения, т.к. эти слова являются близкими по значению.

Wie Himmelkräfte auf und nieder steigen
Und sich die goldenen Eimer reichen! –
Епле ҫӗлти вӑй-хаватсем вӗҫсе ҫӳреҫҫӗ,
Пӗрне-пӗри ҫут ылтӑн куркана сийлеҫҫӗ!
(Как силы вышние в сосудах золотых
Разносят всюду жизнь божественной рукою...)

Словосочетание *die goldenen Eimer* (золотое ведро) в чувашском переводе заменено *ылтӑн курка* (золотой ковш), лексические единицы *ведро* и *ковш* обозначают сосуд для наполнения жидкости, т.е. имеют синонимичное значение.

Переводчик В.А. Иванов считает трагедию И. Гете «Фауст» педагогическим произведением [8], сопоставляя оригинал с его переводами на русском и чувашском языках, он доказывает это: Гете пытался хотя бы на малом клочке немецкой земли улучшить общественный уклад жизни и сделать его образцом для всей страны, а после этого неудавшегося переустройства ведая делами просвещения в герцогстве. Жизненные переживания, итог шестидесятилетней творческой деятельности, заветные мечты и светлые догадки вложены им в знаменитую трагедию «Фауст». Гетевский Фауст – ученый, искатель истины, герой оптимистической трагедии [1].

*O glücklich, wer noch hoffen kann,
Aus diesem Meer des Irrtums aufzutauchen! –
Суя пĕлĕ ултавĕнчен тухма
Кам шанчăк сұхатман – телейлĕ!
(О счастлив тот, кому дана отрада, –
Надежда выбраться из непроглядной тьмы!).*

В названных строках И. Гете восклицает, что знания нужны человеку как воздух. Перевод на чувашский язык отличается введением слова пĕлĕ (знание), хотя в немецком и русском текстах оно отсутствует.

В трагедии «Фауст» И. Гёте восхваляет деятельность просветителя и искренне благодарит его: ведь именно он «сеет разумное, доброе, вечное»:

*Vor jenem droben steht gebückt,
Der helfen lehrt und Hilfe schickt. –
Кам вĕрентет ыр ёс тума сывна,
Пуç тайăпăр пурте савна.
(Склонитесь лучше перед тем,
Кто учит всех и благ ко всем).*

Данные предложения на трех языках представляют собой сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, образованные с помощью союзных слов *der, kam, кто*. Сопоставительный синтаксический анализ показывает, что в чувашском

предложении придаточная часть стоит на первом месте, а потом идет главное предложение, а в оригинале и русском переводе сохранена одинаковая структура сложноподчиненного предложения: главное предложение, а затем придаточное. Переводчик выбирает наиболее оптимальный для своей индивидуальности способ разрешения проблем и противоречий, которые могут возникнуть в процессе перевода [7].

Действительно, важные изречения И. Гете и их переводы на русский и чувашский языки являются хорошим материалом для образовательных и воспитательных целей. Сопоставительное рассмотрение трагедии «Фауст» с ее переводами дает возможность выделить, какими средствами пользуются переводчики, чтобы точно передать какую-нибудь фразу или образ на языке перевода, чтобы внутренняя жизнь переводного выражения соответствовала внутренней жизни оригинального.

Результаты проведенного анализа доказывают, что при переводе трагедии «Фауст» Н.А. Андреев-Урхи использовал разные способы передачи содержания на языке перевода, в том числе нелитературные слова и формы слов, допуская оправданные контекстом отступления от норм литературного языка. Осознанное ненормативное употребление живой диалектной речи делает данное произведение более близким и родным для чувашского читателя. Проанализированные примеры перевода трагедии «Фауст» подтверждают, что особенность передачи содержания произведения заключается в том, чтобы найти лексические соответствия, наиболее популярные и близкие для чувашского народа.

Список литературы

1. Иванов В.А. Трагедия «Фауст» как педагогическое произведение в сопоставлении ее с переводами на русский и чувашский языки // Педагогическая ориентация обучения иностранному языку в средней школе. Чебоксары: Чеб. книжное изд-во, 1991. С. 18–29.
2. Исаев Ю.Н., Емельянова М.В., Кузнецова Т.Н. Описание обычаев чувашского народа на немецком языке (на примере поэмы К.В. Ива-

- нова «Нарспи») // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 244–249.
3. Кузнецова Т.Н. Диалекты чувашского языка в переводах произведений немецкой литературы: Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары: Изд-во Чувашск. гос. ун-та, 2018. С. 425–428.
 4. Кузнецова Т.Н. Трукова А.И. Немецкая поэзия: лингвистические и стилистические особенности перевода на чувашский язык // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 1. С. 136–144.
 5. Латышев Л.К. Технология перевода. М.: Просвещение, 2000. 280 с.
 6. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 298 с.
 7. Трукова А.И. Поэтический дискурс и перевод // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 290–294.
 8. Яковлева Т.Н. История чувашско-немецкой литературных взаимосвязей // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 253–259.
 9. Яковлева Т.Н., Трукова А.И. Народная мудрость в произведении И.В. Гете «Фауст»: особенности перевода // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., 2014. С. 252–256.

References

1. Ivanov V.A. Tragediya «Faust» kak pedagogicheskoe proizvedenie v sopostavlenii ee s perevodami na russkiy i chuvashskiy yazyki [*Faust as a pedagogical work in comparison with its translations into Russian and Chuvash*]. *Pedagogicheskaya orientatsiya obucheniya inostrannomu yazyku v sredney shkole* [Pedagogical orientation of teaching a foreign language in secondary school]. Cheboksary: Cheb. knizhnoe izd-vo, 1991. P. 18–29.
2. Isaev Yu.N., Emelianova M.V., Kuznetsova T.N. Opisanie obychaev chuvashskogo naroda nanemetskom yazyke (na primere poemu K.V. Ivanova «Narspi») [Description of the customs of the Chuvash people

- in German (on the example of the poem *Narspi* by K.V. Ivanov)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018. № 4. P. 244–249.
3. Kuznetsova T.N. *Dialekty chuvashskogo yazyka v perevodakh proizvedeniy nemetskoj literatury: Sbornik nauchnykh trudov molodykh uchenykh i spetsialistov* [Dialects of the Chuvash language in translations of German literature: Collection of scientific works of young scientists and specialists]. Cheboksary: Izd-vo Chuvashsk. gos. un-ta, 2018. P. 425–428.
 4. Kuznetsova T.N. Trukova A.I. Nemetskaya poeziya: lingvisticheskie i stilisticheskie osobennosti perevoda na chuvashskiy yazyk [German poetry: linguistic and stylistic features of translation into the Chuvash language]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2017. V. 9. № 1. P. 136–144.
 5. Latyshev L.K. *Tekhnologiya perevoda* [Translation technology]. Moscow: Prosveshchenie, 2000. 280 p.
 6. Min'yar-Beloruchev R.K. *Teoriya i metody perevoda* [Theory and methods of translation]. Moscow: Moskovskiy Litsey, 1996. 298 p.
 7. Trukova A.I. Poeticheskiy diskurs i perevod [Poetic discourse and translation]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2015. № 4. P. 290–294.
 8. Yakovleva T.N. Istoriya chuvashsko-nemetskiy literaturnykh vzaimosvyazey [The history of the Chuvash-German literary interrelations]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2010. № 1. P. 253–259.
 9. Yakovleva T.N. Trukova A.I. Narodnaya mudrost' v proizvedenii I.V. Gete «Faust»: osobennosti perevoda [Folk wisdom in the work *Faust* by J. Goethe: translation peculiarities]. *Lingvistika, lingvodidaktika, perevodovedenie: aktual'nye voprosy i perspektivy issledovaniya sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 2014* [Linguistics, linguodidactics, translation studies: topical issues and research prospects collection. materials Intern. scientific-practical conf.]. P. 252–256.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Емельянова Маргарита Валентиновна, кандидат филологических наук, декан факультета иностранных языков

*Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
пр. Московский, 15, г. Чебоксары, Российская Федерация
marg_emel@yahoo.com*

Кузнецова Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков №1
*Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
пр. Московский, 15, г. Чебоксары, Российская Федерация
elre2007@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTORS

Emelianova Margarita Valentinovna, Candidate of Philological Sciences, Dean, Foreign Languages Department
*Chuvash State University named after I.N. Ulyanov
15, Moskovski ave., Cheboksary, Russian Federation
marg_emel@yahoo.com*

Kuznetsova Tatiana Nikolaevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Foreign Languages Department № 1
*Chuvash State University named after I.N. Ulyanov
15, Moskovski ave., Cheboksary, Russian Federation
elre2007@mail.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-85-106

УДК 81-119

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ПОЛИМЕМАНТОВ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ

Зимарева О.Л., Величко М.А., Артамонова М.В.

Предметом исследования данной статьи является семантическая организация полисемантов в ментальном лексиконе. В статье рассматривается тема кластеризации семантики многозначных слов. *Цель* исследования заключается в представлении связи между изучением семантической сети и развитием образного мышления, способствующего совершенствованию языкового навыка. Для работы с лексемами использованы компонентный анализ, кластерный метод организации семантического знания, графо-семантическое моделирование семантики слова для визуализации эпидигматических связей; для развития образного мышления применены объяснительно-иллюстративные методы с целью усвоения и закрепления формирующихся знаний.

Результатом исследования послужили следующие выводы: следствием изучения и анализа способов группировки признаков и семантических связей значений полисеманта становится понимание принципов их формирования, что способствует развитию языковой способности; при работе с испытуемыми было показано, что работа с графо-семантическими моделями позволяет структурировать семантические знания и развивает потенциал дальнейшего использования, трактовки и прогнозирования переносных значений; экспериментально был показан прирост семантической сети за счет анализа семантической структуры. Таким образом, значение представляет собой совокупность групп признаков, связанных между собой на основе общей составляющей. Гибкий характер значения не только способствует успешной коммуникации, но и позволяет развивать объем семантической структуры многозначного слова.

Лексико-семантический анализ способствует развитию образного мышления за счет формирования понимания природы того, как возникают новые значения.

***Результаты** данного исследования могут быть применены при обучении студентов и аспирантов языковых вузов по направлениям «Лингвистика», «Теория языка».*

***Ключевые слова:** образное мышление; многозначность; семантическая сеть; когнитивная семантика; кластерный анализ; семантические признаки.*

SEMANTICS CLUSTERING OF POLYSEMANTS IN FIGURATIVE THINKING DEVELOPMENT

Zimareva O.L., Velichko M.A., Artamonova M.V.

*The **subject** of research of this article is the polysemantic word organization in the mental lexicon. The article focuses on polysemous word semantics clustering. The **purpose** of the study is to present the connection between studying of the semantic network and the development of imaginative thinking that contributes to the improvement of language skills. Working with lexemes, we used the component analysis, cluster method of semantic knowledge organization, graph-semantic modeling of word semantics for visualization of epidigmatic connections, as well as the explanatory and illustrative methods that were used for acquisition and consolidation of the emerging knowledge to develop imaginative thinking.*

*The **study results** are as follows: the study and analysis of ways of grouping features and semantic links of polysemant meanings leads to understanding of the principles of their formation, which contributes to the development of language ability; when working with the subjects, it was shown that working with graph-semantic models allows us to structure semantic knowledge and develops the potential for further use, interpretation and prediction of figurative meanings; the growth of the semantic network was experimentally shown by analyzing the seman-*

tic structure. Thus, a meaning is a set of groups of features that are related to each other based on a common component. The flexible nature of the meaning not only contributes to successful communication, but also develops the scope of the semantic structure of a polysemous word. Lexical and semantic analysis contributes to the development of figurative thinking by forming the understanding of how new meanings arise.

The results of this study can be used in teaching university undergraduate and postgraduate students with such specialties as “Linguistics” and “Theory of the Language”.

Keywords: *visual thinking; polysemy; semantic network; cognitive semantics; cluster analysis; semantic features.*

Введение

В основе данной работы по исследованию семантической структуры многозначных слов лежит тезис о том, что значение представляет собой единство формы и содержания и «формируется лишь в сознании говорящего» [2; 3; 9, с. 7; 13; 15]. Другими словами, значения лексем не выходят за пределы сознания человека, вся роль в формировании лексических сем принадлежит человеку как участнику коммуникации, наблюдателю и носителю опыта и знаний. В пользу этого также выступала А. Вежбицкая, утверждая, что необходимо искать языковые универсалии не в окружающей нас действительности, а в своей голове [4, с. 189]. Учитывая тот факт, что человеком практически не осознается сам процесс обработки получаемой информации, очевидно, что вопрос внутренней организации семантической структуры полисемантов и интерпретации их значений в процессе декодирования до сих пор остается открытым. Несмотря на это, возможно использование методики моделирования семантики слов в качестве дидактического метода развития образного мышления. Под образным мышлением мы понимаем способность человека решать языковые задачи, оперируя образами составляющих компонентов лексем. **Целью** данной статьи, таким образом, является представление одного из способов развития образного мышления в процессе изучения семантической составляю-

щей многозначных лексем студентами языковых вузов (на примере английского и русского языков).

Семантическая структура многозначного слова

Одной из распространенных версий о том, что лежит в основе многозначного слова, является мысль о том, что слово представляет собой результат систематизирующей и классифицирующей мыслительной деятельности человека, а семантическая структура многозначного слова представлена на языковом уровне в виде готового списка значений. В частности, А.Л. Пумпянский полагает, что в условиях речевой коммуникации носитель языка «перебирает» значения многозначного слова с целью «подобрать» необходимое в той или иной ситуации значение. «Абстрактное, обобщающее человеческое мышление, способное в единичном воспринимать общее, а в общем единичное, обладает уникальной способностью выбирать из многозначности тот однозначный вариант языковой единицы, который необходим в каждом конкретном случае процесса коммуникации» [11, с. 125]. Однако человеческая память не содержит готового набора значений, из которого необходимо выбрать нужное. Подобное устройство памяти привело бы к снижению эффективности речевой коммуникации, т.к. каждый раз, «перебирая» значения, носитель языка сталкивался бы с необходимостью заново анализировать все значения, что требует определенное количество времени. Следует отметить, что в структуре многозначного слова может насчитываться до 25 значений (не учитывая их многочисленные актуализации), в которые не входят случаи употребления сленга или авторской метафоры (Напр.: И может быть – на мой закат печальный блеснёт любовь улыбкою прощальной (А.С. Пушкин). Возникает вопрос, каким образом мозгу удастся в короткие сроки интерпретировать незнакомую информацию, которая закодирована в сообщении.

Другая проблема состоит в том, что согласно недавним исследованиям [14] переносные значения полисемантов и первые значения тех же лексем носители языка часто воспринимают как разные сло-

ва, т.е. связь между значениями сложно уловить. Это обуславливает **актуальность** нашего исследования. Мы полагаем, что при рассмотрении и моделировании семантических связей полисемантов у студентов развивается не только образное мышление, позволяющее с помощью средств языка передать многие оттенки значения, но и формируется способность создавать новые значения на базе имеющихся. Это значительно расширяет языковой потенциал человека и выводит студентов языковых вузов на более высокий уровень владения языком. Согласно концепции Дж. Лакоффа, наше мышление метафорично по своей сути [6], но навыки структурирования и интерпретации абстрактных значений необходимо развивать, особенно при изучении второго иностранного языка.

*Кластерная семантическая структура слова
и методика построения графо-семантической модели*

В отношении многозначных слов мы придерживаемся теории об экономичном способе оперирования значениями полисемантов, в основе которой лежит предположение, что каждое многозначное слово представлено на языке уровне в свернутом компактном виде как комбинация инвариантных и дифференциальных признаков, предназначенных для быстрой идентификации слова в условиях коммуникации. Так, полисемант «Seed» включает следующий перечень признаков: *an object, small, round, with a protective covering, contains something inside // a source/starting point of a state/feeling of a human being // a competitor, distributed for a play, so that the best don't meet at the beginning* [5, с. 139]. Семантические компоненты могут быть реализованы в таких значениях как *seed of life* (зерно/основа жизни), *seed of love* (зародившееся зерно любви), *a seed of a family* (предок), *a top seed* (выдающийся игрок – основное «зерно»), *a seed of a bubble* (пузырек воздуха). На первый взгляд, значения действительно можно принять за омонимы, однако, компонентный анализ показывает, что связь существует на признаковом уровне. Мы полагаем, что семантические компоненты формируют своего рода кластеры, составляющие которых в определенной ситуации

могут быть актуализированы в контексте. Следует отметить, что для понимания основной идеи слушающему достаточно активации нескольких признаков из представленного набора. Именно поэтому мы полагаем, что необходимо уходить от рассмотрения общих линейных значений или формирования инвариантов, учитывая то, что не все признаки могут быть актуальны в речевой ситуации. Необходимо наглядно представлять семантическую структуру как сеть признаков, что позволит понять природу развития слова и способы формирования значений, т.е. получить способность анализировать смысловую сторону речи и с помощью средств образного мышления доносить свои мысли более точно.

В пользу компактного хранения информации в мозгу высказывался знаменитый нейропсихолог А.Р. Лурия. Он утверждал, что за словом всегда стоит множество связей [7, с. 31–39], имея в виду не только семантические, но и эмоциональные, ассоциативные, связанные с предшествующим опытом. Он говорил, что изначально в мозгу человека понимание объекта содержится в развернутом виде как совокупность признаков, на которые мозг разбивает полученный им образ или информацию, но затем по мере взросления понимание объекта обретает «свернутый характер». Компактному хранению информации также способствует удержание в сознании некоего образа объекта, который служит основой для интерпретации многих значений, в том числе и переносных. Так, полуторагодовалый ребенок способен отличить собаку от кошки. Очевидно, что он оперирует не значениями слов, т.к. в данном возрасте только формируется способность говорить, а образами, которыми он окружен. Устойчивая и развитая сеть образных признаков постепенно дополняется семантическим аспектом. Известно, что в норме зрительный образ – яркий, приближающийся к эйдетическому у одних людей и размытый у других – легко может быть вызван одним словесным обозначением соответствующего предмета. Со временем он претерпевает некоторые изменения, либо превращаясь в более обобщенный, либо начиная проявлять более выраженные отличительные признаки [8, с. 239]. Другими словами, с одной формой

может быть связан и некий образ, помогающий идентифицировать объект, и сжатый набор семантических компонентов. Зачастую мы наблюдаем картину неструктурированного языкового мышления, когда при анализе метафорических значений в контексте проявляются несвойственные предмету признаки или образы, т.к. связи с первым значением студенты младших курсов не видят или интерпретируют неправильно. Данная проблема особенно актуальна при выполнении упражнений на словообразование в английском языке.

Мы полагаем, что ментальный лексикон устроен по принципу семантической сети. При внимательном рассмотрении значений, входящих в семантическую структуру, очевидно, что они располагаются не хаотично, а группируются особым образом. Критерий, который лежит в основе этого распределения, выводит нас на понятие кластерного моделирования семантики многозначных слов.

Кластерное моделирование семантики полисемантов является одним из эффективных способов представления организации семантической структуры путем группировки признаков на основе определенного критерия, что позволяет не только наглядно представить структуру многозначного слова, но и объяснить принципы его формирования. Толкование полисемии с позиции кластерного устройства имеет ряд преимуществ, среди которых необходимо выделить тот факт, что у среднего носителя языка отсутствует абсолютная память. Но если предположить, что в памяти индивида множество признаков разделены на группы и автоматически тянут за собой сеть других ассоциативных признаков, то компактный характер удержания значений в одной структуре полисеманта становится очевидным. Один семантический компонент может быть связан с множеством слов-признаков и необходимость удерживать один и тот же признак в разных значениях отпадает. К примеру, в структуре полисеманта «Голова» признаки *часть чего-либо, передняя* (актуализированное в таких значениях, как *голова молотка, голова поезда, голова строя, головка молотка, голова медузы*) повторяется до десяти раз, учитывая только словарные примеры. Если же представить структуру в виде семантической сети взаимосвязанных

признаков, то данный компонент займет центральную позицию кластера и станет его основой, вокруг которого и будут группироваться значения, в которых он актуализирован.

Также известно, что знание того или иного полисеманта сводится к нескольким центральным значениям, включающим главное и несколько ближайших значений. Однако, встретившись со словом, явно несущим новое значение, мозгом автоматически удаётся его интерпретировать в общих чертах, не имея подходящего готового значения в ментальном лексиконе. Это можно объяснить наличием в сознании человека базовых центральных компонентов, к которым наличествует самый короткий путь, т.к. они чаще всего актуализируются в речи. Данные компоненты не только помогают мозгу идентифицировать новое знание, но и выполняют классифицирующую функцию. Это, в свою очередь, указывает на тот факт, что необязательно помнить все значения. Таким образом, выявление инвариантных признаков в процессе семантического анализа полисемантов позволит сместить ориентир интерпретации переносных значений в сторону более устойчивых структур, привязывая возникающий образ к более устойчивым компонентам.

Следует отметить, что структура самого кластера является гибкой и открытой системой, способной развиваться за счет получения новой информации. Такое устройство ментального лексикона позволяет расширяться семантической структуре полисеманта и со временем включать новые значения. Таким образом, семантические данные могут быть отображены в виде сети признаков и проанализированы визуально, что способствует более ясному толкованию и пониманию как внутрискластерного устройства многозначного слова, так и семантических отношений между признаками.

Основной функцией кластерного анализа является распределение объектов или их признаков на группы или кластеры. Одним из главных преимуществ использования такого подхода является учет нескольких параметров для разбиения объектов на кластеры. Благодаря построению кластерного объединения появляется возможность прогнозирования вектора развития полисеманта в случае,

когда показатели имеют настолько разнообразный вид, что их тяжело отследить, имея на руках его списочный аналог [15]. Математическая модель кластеризации в современной лингвистике только начинает появляться. В частности, данный метод был применен и описан в диссертационной работе, автор которой пытается с помощью кластерного метода построить классификацию английских глаголов (*verbs of putting*) на основе прототипических компонентов [1]. В семантике полисемантов кластерное моделирование применяется впервые.

Для иллюстрации вышеописанного кратко рассмотрим анализ полисеманта «Голова», который в русском языке является одним из наиболее частотных. Его *ipm* (*instances per million words*) составляет 709,4 по данным Национального корпуса русского языка (<http://dict.ruslang.ru>).

Семантическая структура полисеманта включает в себя около 25–28 семантических компонентов (в зависимости от того, какой признак учитывается толковыми словарями) и может быть разделена на три основных кластерных объединения.

Первый кластер включает семантические компоненты, которые большинство словарей соотносят с первым номинативно-непроизводным значением, «голова» (1): *часть тела человека/животного, верхняя, вмещает головной мозг, имеет твердую оболочку, состоит из лица*. Это наиболее частотный кластер, компоненты которого далее подвергаются реформатированию в метонимические и абстрактные метафорические переносы, поскольку отвлеченные образы заложены в конкретном осязаемом объекте. Признаки кластера главного значения актуализируются в таких словосочетаниях, как «болит голова», «понурить голову», «отрицательно покачать головой» и прочие. Следует отметить, что для опознавания на уровне речи мозгу достаточно двух-трех идентифицирующих компонентов *часть тела человека, верхняя, важная*. Если речь идет о животном, то признаки сдвигаются в сторону *часть животного, передняя, важная*.

Также к первому кластеру относится метонимическое значение «голова» (2), обозначающее «животное», образованное по класси-

ческой схеме «часть-целое» и обогащающее данный кластер дополнительным признаком *единица счета (скота)* (Напр.: «всех быков делят на партии по десять голов...») (Чехов, Холодная кровь). Также в первый кластер включены признаки *ум, рассудок*. Значение «ум/рассудок» (3) образовано по схеме «целое – содержимое целого». Поскольку мозг является основным органом когнитивной деятельности человека, такие мыслительные и познавательные способности человека как ум и рассудок ассоциируются с головой (Напр.: «ясная/светлая голова»). Данное значение находится на границе между метонимией и метафорой, т.к. именно оно лежит в основе образования метафорического значения «голова» (4) – «человек как носитель большого ума, способный мыслить». С другой стороны, значение «человек» (4) может быть рассмотрено как метонимия, образованная от первого кластера по схеме «часть-целое» (голова человека – человек), но впоследствии получившая развитие в метафорическом ключе. Данное значение является центральным для второго кластера, объединенного семей *человек*, и включает ряд следующих значений:

- кластерное объединение «Человек» включает в себя около 17 наиболее употребительных актуализаций (см. Таблицу 1) и основано на таких признаках как *человек, важный, способный мыслить, является носителем идей, способный руководить, направляющий деятельность, старший*. Необходимо отметить, что языковая форма «Глава» имеет свою развитую семантическую структуру, которая пересекается с кластером полисеманта «Голова» на основе признаков *человек, важный, способный руководить* и чаще актуализируется в речи (глава бюро/отдела/района). Однако, в структуре полисеманта «Голова» данный кластер продолжает существовать и не исчезает, т.к. компоненты активно участвуют в декодировании таких значений, как «головной центр», «головная база», «головной отряд», «головной голос» и пр., что указывает на более широкие границы семантической сети одного полисеманта.

- в основе третьего кластера лежит метонимическое значение «голова» (8) – «передняя часть чего-либо движущегося, основанная на схеме «часть человека/животного – часть чего-либо». Подобно тому, как голова является наиважнейшей частью человека, т.к. содержит мозг, так и часть чего-либо, относящаяся к данному объединению признаков, является всегда важной. Рассмотрим, какие метафорические значения входят в третий кластер.

Так, значение «голова демонстрации / пехотной колонны / эскадры / железнодорожного состава» (9) является передней частью, первыми рядами чего-либо (Напр.: Разведчиков заметили, десятка два верхоконных отделились от головы проходившей колонны и вскачь погнались к ним (А.Н. Толстой, Хмурое утро)). Подобно тому, как голова человека является важной частью тела, так и голова демонстрации/колонны или эскадры важна, т.к. направляет движение вперед. Более того, в данном значении необходимо выделить функциональный компонент *часть чего-либо движущегося*. Следует отметить, что семантический признак *передний* отмечается в главном значении толковыми словарями как передняя часть животного. Можно отметить, что этот признак связан с семой *лицо* человека, которая находится в передней части головы. Данные признаки мы также находим в значении «головная часть ракеты».

Таким образом, признаки третьего кластера актуализируют около 10 наиболее употребляемых значений, основанных на семантических компонентах *часть чего-либо, передняя/верхняя, направляющая движение вперед, круглая*.

Ниже приведена Таблица 1, в которой сведены три кластерных объединения признаков многозначного слова «Голова».

Признак *верхний*, который входит как в кластер первого значения, так и в третий актуализируется в зависимости от точки восприятия говорящего. Так, например, в значении «головка соцветия» будет актуализирован признак *верхний* в процессе роста, но если растение сорвать и положить, к примеру, на стол, данный признак становится не актуальным и заменяется на сему *передний*.

Таблица 1.

«Кластерное устройство семантики многозначного слова «Голова»

Голова: кластерное объединение						
I кластер	II кластер				III кластер	
Первое значение (НЗ)	Человек				Часть чего-либо	
	Ум, рас-судок	Человек как носитель ума, рассудка, идей	Руководитель	Должность руководителя	Часть чего-либо	Целая часть
Инвариантные признаки, лежащие в основе разделения на группы						
<i>часть тела человека/ животного, верхняя, передняя, круглая, включает мозг, состоит из лица, имеет твердую оболочку</i>	<i>способность человека мыслить, важная</i>	<i>человек, имеет ум/ рассудок/ идеи, способен мыслить, важный</i>	<i>человек, направляет деятельность, руководит, старший, способный мыслить, важный</i>	<i>обязанность, служебная, административная/ военная, выборная, важная</i>	<i>часть, важная, главная, передняя/ верхняя, направляющая движение вперед, часто верхняя</i>	<i>целая, круглая</i>
Иллюстративный материал						
- голова человека/ животного	-Человек с головой; -Совсем без головы; -В голову ничего не идет; -Из головы вылетело; -Из головы не идет; -У него что-то с головой.	-светлая голова; -умная голова; -горячая голова; -ясная голова; -Вы одной головой хотите писать! - почти шипел Обломов. - Вы думаете, что для мысли не надо сердца? (И. Гончаров, Обломов)	-Сам себе голова; -Всему делу голова; - Торопчин, брат, голова – глянет на человека и сквозь шапку все его размышления выяснит. (Лаптев, «Заря»)	-Глава района/школы/ администрации/города/села/отдела; - Парниками мой папаша управляет, он у нас голова сельского хозяйства. (Ажаев, Далеко от Москвы)	- голова кометы, голова соцветия, головка молотка, голова пехотного строя, - голова железнодорожного состава, - голова демонстрации, - голова эскадры.	Самолёт, содрогаясь, висел над глазурованной равниной облаков, выпирающей там и тут слепящие под солнцем сахарные головы. (www.guscoprogra.ru)

Основываясь на центральных кластерных семантических признаках, мы можем выделить ведущие семантические признаки лексемы «Голова», не входящие в кластер первого значения: *часть вытянутого объекта, верхняя/передняя, иногда округлая, важная; важный человек, способный руководить.*

В соответствии со сформированным в сознании семантическим кластером и принципам языковой экономии данная модель осуществляет векторную в семантическом понимании связь между всеми семантическими компонентами полисеманта «Голова». На Рисунке 1 представлена внутривидовая организация полисеманта в виде семантически связанной сети признаков. Структура лишена экспрессивных, культурных ассоциаций и отражает семантику полисеманта «Голова» современного русского языка согласно толковым словарям.

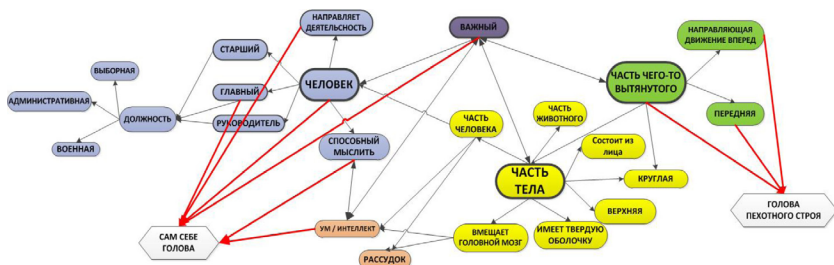

Рис. 1. Семантическая сеть полисеманта «Голова», выведенная на основе компонентного и кластерного анализов, с примерами актуализации семантических компонентов в значениях

Экспериментальное исследование

Первый этап эксперимента был проведен в конце 2019 г. и показал, что в среднем носитель языка может воспроизвести 2–3 значения, что возможно говорит об объеме семантической сети. Эксперимент был проведен на примере 6 полисемантов универсальной группы «Растение» и описан в статье [10]. Результаты показаны на Графике 1.

Второй этап проводился спустя месяц, в течение которого студентов разделили на две группы: экспериментальную и контрольную. В экспериментальной группе (16 женщин и 4 мужчин в возрасте 18–21 года) со студентами обсуждали разбор семантической структуры многозначных слов с последующим построением графо-семантических моделей, а также рассматривали употребление значений в контексте.

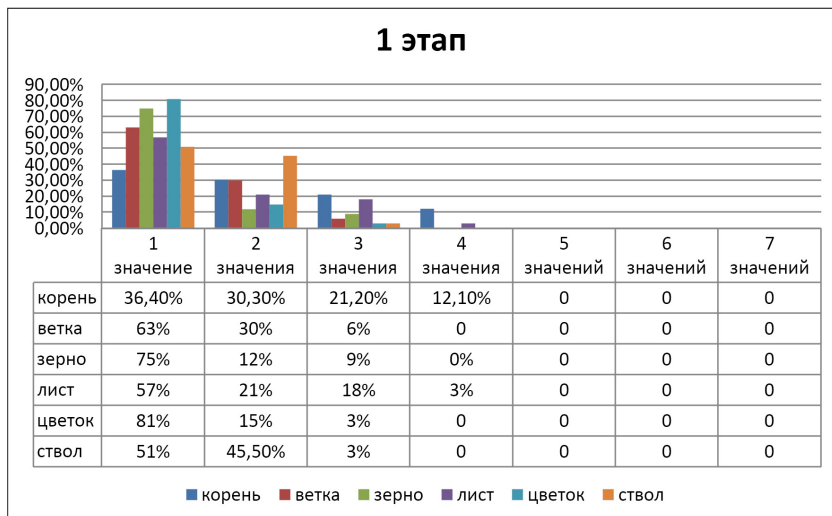

График 1. Результаты проведения 1 этапа эксперимента

Ниже приведен пример заданий по работе с графо-семантической моделью:

1 вариант:

- 1) выпишите все имеющиеся значения полисеманта;
- 2) опишите образ, который возникает у вас при предъявлении формы слова / первого значения;
- 3) объясните, как данное метафорическое значение связано с первым значением. По словарю определите семантические компоненты, которые были трансформированы / переосмыслены в переносном значении;
- 4) постройте графическую модель связей признаков в значениях;
- 5) ответьте на вопрос: сколько групп признаков вам удалось выделить? объясните.

2 вариант:

- 1) дается готовая графическая модель семантической структуры; проанализируйте ее; определите основные компоненты и ведущие кластеры признаков;

- 2) преподаватель дает сочетания слов в контексте или устойчивых фразах, студенты определяют, какие семантические компоненты актуализируются в каждой фразе/предложении;
- 3) студентам предлагается описать или нарисовать возникающий образ при предъявлении метафорического значения (выделить основные признаки, которые актуализируются в речи).

По итогам обучения был проведен повторный сбор данных, который показал следующие результаты (График 2). Экспериментальная группа показала увеличение объема семантической структуры, в то время как результаты контрольной группы практически дублировали 1 этап (в некоторых случаях даже уменьшение объема вследствие нежелания повторять тест).

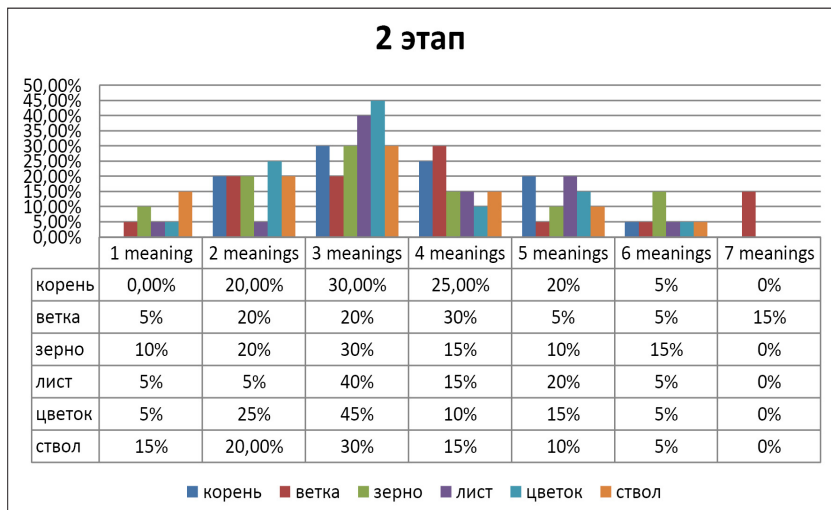

График 2. Результаты проведения 2 этапа сбора данных после применения методики (экспериментальная группа)

Таким образом, вычислив средний процент (см. График 3), мы видим рост объема семантической структуры слова в среднем до 3–5 значений.

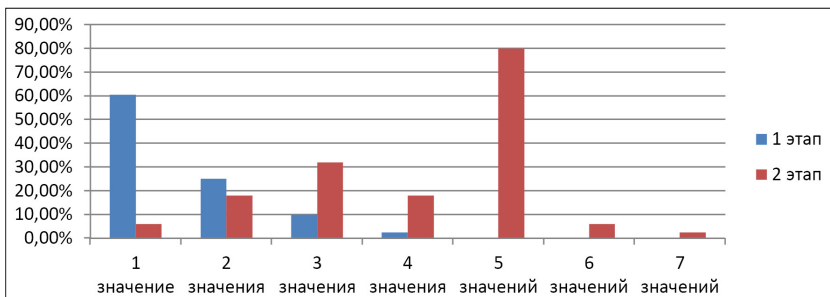

График 3. Средний процент результатов 1 и 2 этапов эксперимента (экспериментальная группа)

Результаты исследования и их обсуждение

Таким образом, можно заключить, что при анализе графо-семантических моделей слов формируется понимание, что значения хранятся не хаотично, а в виде сетевых структур. Также нарабатывается навык быстрого обнаружения семантических связей, что ведет к способности не только понимать переносные значения, но и создавать новые связи. Более того, развивается образное мышление, т.к. зачастую семантических связей для удержания кластера недостаточно, что вынуждает нас прибегнуть к помощи сформированных образов. Образы помогают развиваться семантической сети, т.к. имеют больший потенциал для порождения значений, чем семантические компоненты.

Одним из значимых факторов развития кластерной сети многозначного слова является столкновение познающего сознания с метафорой. Само мышление основывается на заложенном в метафоре потенциале, проявляющем себя в многочисленных образах, на которые носитель языка «навешивает» уже ему знакомые ярлыки и, таким образом, кластеризует новые объекты и понятия в ментальном лексиконе [5, с. 41–49]. Не говоря об экономичности метафорического мышления, сравнение и включение объектов в имеющуюся систему образных и семантических связей часто служит единственным способом понимания чужого высказывания, т.к. в этот момент посредством анализа имеющейся в сознании кластерной сети складывается общее понимание объекта.

По причине того, что в начале актуализируются интегральные признаки, к которым в сознании всегда наличествует самый быстрый доступ и ведут самые устойчивые нейронные связи, значение слова с полным основанием можно трактовать как неустойчивое, нежесткое, контекстное, но опирающееся на минимум идентифицирующих семантических признаков. В этой связи актуальным является определение базовой конфигурации семантических признаков, необходимых и достаточных для декодирования конкретной речевой ситуации. В пользу этого высказывается Б.Ю. Норман, рассматривая лексическое значение как комбинацию сем, центральную часть которого занимают понятийные (существенные) признаки, а периферия образуется за счет различных сем образного восприятия, эмоциональной оценки, стилистической и экспрессивной окраски и пр. [12, с. 166–173], возникающих в зависимости от цели говорящего. Соответственно, значение не является «застывшей структурой», в которой каждому признаку отведено постоянное место. Это, с одной стороны, говорит о ее преимуществах сетевой модели, но с другой, указывает на трудности, возникающие при ее моделировании.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) Кластерный подход имеет преимущество, т.к. за счет гибкой системы мозг способен подстраиваться под нужды говорящего, комбинируя каждый раз «новые» значения, в определенном контексте придавая слову разные оттенки понимания, которые часто носитель не способен вербализовать, но интуитивно ощущает.

2) Изучение аспектов семантического анализа позволяет видеть за формой слова не только явный знакомый образ, но и семантические связи. Это позволяет использовать компонентный анализ в дидактических целях.

3) Развитие образного мышления на основе лексико-семантического анализа позволяет упорядочить семантические связи ментального лексикона и развить потенциал дальнейшего использования, трактовки и прогнозирования переносных значений на базе главных.

4) Экспериментально удалось оказать прирост семантической сети за счет работы над разбором семантической структуры. Подобная работа совершенствует языковую способность и позволяет развить языковую догадку на основе хранящихся в ментальном лексиконе данных.

5) Значение представляет собой группу признаков, связанных между собой на основе общей составляющей (опыта, образа, ситуации и пр.), но не имеет устойчивой раз и навсегда закрепленной формы, гибкий характер которой не только способствует успешной коммуникации, но и позволяет развивать объем семантической структуры.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование не имело спонсорской поддержки

Список литературы

1. Айрапетян Р.Р. Прототипическая, фреймовая и кластерная семантические модели группы англоязычных глаголов «Verbs of putting»: Автореф. дисс. ... ст. канд. филол. н. Пятигорск, 2014. 29 с.
2. Архипов И.К. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. ст. СПб.: Studia Linguistica 6, 1998. С. 5–22.
3. Архипов И.К. Когнитивный и логический анализ в лексикографической практике // Человеческий фактор в языке: учеб.-метод. пособие (материалы к спецкурсу). СПб.: Невский ин-т яз. и культуры, 2001. С. 39–57.
4. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 185–206.
5. Зимарева О.Л. Исследование многозначного слова в свете инвариантной теории и антропоцентрического подхода (на примере лексико-семантической группы «Растение»): Дисс. ... ст. канд. филол. н. Уфа, 2017. 196 с.

6. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
7. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 320 с.
8. Лурия А.Р. Нейропсихология памяти. М.: Педагогика, 1974. 312 с.
9. Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте. Монография. СПб: РГПУ, 2005. 325 с.
10. Песина С.А., Зимарева О.Л., Баклыкова Т.Ю. Экспериментальное исследование семантической структуры слова в свете антропоцентрического подхода // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. №3(4). С. 34–38.
11. Пумпянский А.Л. О принципе языковой многозначности // Вопросы языкознания. 1983. №1. С. 122–130.
12. Норман Б.Ю. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.
13. Langacker R.W. A view of linguistics semantics // Topics in cognitive linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1988. P. 49–90.
14. Lopukhina A., Laurinavichyute A., Lopukhin K. and Dragoy O. The Mental Representation of Polysemy across Word Classes // Frontiers in Psychology. 2018. 9 (Feb). P. 192.
15. Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg. New York: Academic Press, 1978. P. 27–63.

References

1. Ayrapetyan R.R. *Prototipicheskaya, freymovaya i klasternaya semanticheskie modeli gruppy angloyazychnykh glagolov «Verbs of putting»* [Prototype, frame and cluster semantic models of English ‘Verbs of putting’]: Avtoref. diss. ... st. kand. filol. n. Pyatigorsk, 2014. 29 p.
2. Arkhipov I.K. Problemy yazyka i rechi v svete prototipicheskoy semantiki [Language and speech problems in the light of prototype semantics]. *Problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*. St. Petersburg: Studia Linguistica 6, 1998. P. 5–22.
3. Arkhipov I.K. *Kognitivnyy i logicheskiy analiz v leksikograficheskoy praktike* [Cognitive and logical analysis in lexicographical practice].

- Chelovecheskiy faktor v yazyke: ucheb.-metod. posobie. Saint-Petersburg: Nevskiy in-t yaz. i kul'tury, 2001. P. 39–57.
4. Vezhbitskaya A. *Semantika, kul'tura i poznanie: obshchechelovecheskie ponyatiya v kul'turospetsifichnykh kontekstakh* [Semantics, culture and cognition: humanitarian concepts in culture concepts]. Thesis. 1993. Issue 3. P. 185–206.
 5. Zimareva O.L. *Issledovanie mnogoznachnogo slova v svete invariantnoy teorii i antropotsentricheskogo podkhoda (na primere leksiko-semanticheskoy gruppy «Rastenie»)* [Polysemous word study in the light of invariant theory and anthropocentric approach (on the lexico-semantic group 'Plant')]: Diss. ... st. kand. filol. n. Ufa, 2017. 196 p.
 6. Lakoff Dzh. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 792 p.
 7. Luriya A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1979. 320 p.
 8. Luriya A.R. *Neyropsikhologiya pamyati* [Neuropsychology of memory]. Moscow: Pedagogika, 1974. 312 p.
 9. Pesina S.A. *Polisemiya v kognitivnom aspekte* [Polysemy in cognitive aspect]. Monografiya. St. Petersburg: RGPU, 2005. 325 p.
 10. Pesina S.A., Zimareva O.L., Baklykova T.Yu. *Eksperimental'noe issledovanie semanticheskoy struktury slova v svete antropotsentricheskogo podkhoda* [Experimental study of semantic word structure in the light of anthropocentric approach]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. 2019. №3(4). P. 34–38.
 11. Pumpyanskiy A.L. *O printsipe yazykovoy mnogoznachnosti* [On language polysemy principle]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1983. No 1. P. 122–130.
 12. Norman B.Yu. *Teoriya yazyka. Vvodnyy kurs* [Language theory: introduction]. Moscow: Flinta: Nauka, 2004. 296 p.
 13. Langacker R.W. A view of linguistics semantics. *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, 1988: 49-90.
 14. Lopukhina A., Laurinavichyute A., Lopukhin K. and Dragoy O. The Mental Representation of Polysemy across Word Classes. *Frontiers in Psychology*. 2018. 9 (Feb). P. 192.

15. Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality. Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg. New York: Academic Press, 1978. P. 27–63.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Зимарева Ольга Леонидовна, доцент кафедры лингвистики и перевода института гуманитарного образования, кандидат филологических наук

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

*ул. Ленина 38, Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
olgalatushkina87@mail.ru*

Величко Мария Александровна, старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода института гуманитарного образования

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

*ул. Ленина 38, Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
marya-velichko@yandex.ru*

Артамонова Мария Валерьевна, доцент кафедры лингвистики и перевода института гуманитарного образования, кандидат филологических наук

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

*ул. Ленина 38, Магнитогорск, 455000, Российская Федерация
maria_art@inbox.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Zimareva Olga Leonidovna, Associate Professor, Linguistics and Translation Department, Institute of Humanity Education
*Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin Str., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation*

olgalatushkina87@mail.ru
SPIN-code: 5902-7134
ORCID: 0000-0001-7589-0042
Scopus Author ID: 57193738778

Velichko Mariia Aleksandrovna, Senior Lecturer, Linguistics and Translation Department, Institute of Humanities
Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin Str., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
marya-velichko@yandex.ru
SPIN-code: 5596-3327
ORCID: 0000-0002-6316-4286

Artamonova Maria Valerievna, Associate Professor, Linguistics and Translation Department, Institute of Humanities
Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin Str., Magnitogorsk, 455000, Russian Federation
maria_art@inbox.ru
SPIN-code: 9472-8596
ORCID: 0000-0002-2547-4988
Researcher ID: AAJ-8174-2020
Scopus Author ID: 57209692942

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-107-118

УДК 81-25

ОСНОВНЫЕ ТИПЫ АББРЕВИАЦИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Качалова К.Г., Рудометова А.Ю., Капитонова Н.С.

В данной статье рассматриваются основные типы аббревиации в китайском языке, особенности их образования и тенденции их использования. В статье уделяется внимание различиям китайской разговорной и письменной речи, а также влиянию подобных различий на возникновение аббревиации в китайском языке. Рассматривается влияние закона речевой экономии на образование усеченных форм.

Цель статьи рассмотреть основные типы аббревиации, охарактеризовать их и выявить способы их образования. Материалом исследования послужили примеры усеченных языковых единиц, используемых в современном китайском языке в различных ситуациях речевого общения. Теоретической базой послужили труды таких ученых как Ли Сяогэ, Д.Н. Ушакова, Н.Ю. Шведова и другие.

Метод или методология проведения работы. Методом исследования является метод сплошной выборки. Научная новизна статьи состоит в том, что проблематика появления аббревиатур в китайском языке мало изучена.

Область применения результатов. Практическая значимость статьи заключается в том, что данный материал можно использовать на практических занятиях по письменному и устному переводу по китайскому языку, а также для более углубленного изучения современного китайского языка.

Результаты. В результате выявлены не только общие закономерности аббревиации, но и свойственные именно китайскому языку специфичные способы образования усечения слов.

Ключевые слова: аббревиатура; типы аббревиатур; китайский язык.

MAIN TYPES OF ABBREVIATIONS IN CHINESE

Kachalova K.G., Rudometova A.U., Kapitonova N.S.

This article describes the main types of abbreviations in Chinese, particularities of their formation and the tendency of their usage. The difference of informal conversation and written speech in Chinese and the similar differences in the origin of Chinese are introduced in the article. The influence of necessity to abbreviate words in speech is described in the article.

***The purpose** of the article is to view the main types of abbreviation, to describe them and to deduce the methods of its formation. The examples of abbreviations used in modern Chinese in different situations of communication are the material of the investigation. Works of such scientists as Li Xiaoge, D.N. Ushakova, N.Yu. Shvedova and others are theoretical foundation of the article.*

***Methodology.** The method of investigation is the continuous sampling method. Scientific novelty of the article is that this theme of Chinese abbreviations is poorly known.*

***Practical implications.** The practical significance of the article is that this material can be used in the classes of written and oral translation of the Chinese language and also in-depth study of modern Chinese language.*

***Results.** In the conclusion not only general regularity of abbreviation but specific ways of formation of apocopic words in the Chinese language are identified.*

***Keywords:** abbreviation; types of abbreviation; Chinese.*

Одним из важных законов языка является закон речевой экономии. Человек всегда старается сократить объём передаваемой информации, чтобы сэкономить свое время и усилия, используя различного вида усечение слов и выражений, что приводит к появлению сложносокращенных слов – аббревиатур. Сейчас аббревиация является одним из ведущих способов словообразования не

только в русском и английском языках, но и во всех других, в том числе и в китайском.

Термин «аббревиатура» с латинского языка обозначает «сокращать». Аббревиатура представляет собой слово существительное, состоящее из усечённых сегментов слов, которые входят в синонимичное словосочетание, опорный компонент которого может быть целым, не усечённым словом [8, с. 252].

В аморфном китайском языке отношения между словами внутри предложения выражаются определенным порядком объединенных грамматически и семантически слов, поэтому китайское предложение состоит из синтагм, а не из синтаксических сочетаний, как русское. Такой способ построения предложения в китайском языке делает аббревиацию более специфичной, что определяет ее особенности.

В китайском языке также сохраняются сильные различия между разговорной и письменной речью, как грамматические, так и лексические, что также влияет на частоту употребления различного рода сокращений. Тенденция к сокращению слов чаще проявляется в разговорной речи или же в специальной лексике. В китайском языке сложносокращенные слова используются в основном в разговорной письменной речи и в терминологии. В официальных документах они используются значительно реже. При сокращении слов необходимо сохранить смысловой компонент слова, несущий основную информацию, опустив при этом части слова, несущие дополнительное значение. Формируя аббревиатуру, необходимо сокращать количество иероглифов, учитывая их смысловое значение.

Аббревиатуры китайского языка можно разделить на следующие типы:

1. аббревиатуры 简称 jiǎnchēng;
2. аббревиатуры усечённого типа;
3. аббревиатуры обобщенного типа;
4. аббревиатуры с буквами 字母词 zìmǔcí;
5. аббревиатуры с цифрами 数字密码 shùzì mìmǎ.

Каждый тип аббревиации в китайском языке имеет свои особенности построения.

Первый тип аббревиаций, свойственный китайскому языку, 简称 jiǎnchēng (переводится как «аббревиатура») представляет собой сложносокращенные слова. Исходное словосочетание семантически делится на несколько частей, после этого выбираются один или несколько иероглифов, которое наиболее точно передают исходное значение слова. Далее отобранные иероглифы сочетаются по грамматическим правилам, а остальные части пропускаются. Этот тип сокращений в китайском языке является наиболее понятным при переводе, так как сохраняет в себе семантические свойства целого словосочетания. Это наиболее распространённый в языке тип сокращения, который может подразделяться на несколько способов [3, с. 454].

Первый способ аббревиации такого типа – сокращения, представляющие собой начальные элементы исходного словосочетания, построенные по схеме:

АБ ВГ = АВ. Если исходное словосочетание представляет собой три и более элемента, то при сокращении берутся первые слоги каждой составляющей. Например, 北京大学 *Běijīng dàxué* (Пекинский университет) сокращается до 北大 *Běi dà*. В данном словосочетании слово 北京 *Běijīng* (Пекин) сокращаясь до 北 сохраняет свое исходное значение, так же, 大学 *dàxué* сокращаясь до 大 оставляет за собой значение «университет». По данной схеме образуется достаточно большое количество аббревиатур китайского языка, например, 浙江大学 *Zhèjiāng dàxué* (Чжэцзянский университет) сокращается до 浙大 *Zhèdà*.

Вторым способом сокращений аббревиатур 简称 jiǎnchēng являются аббревиатуры, состоящие из конечных слов исходного сочетания по схеме АБ ВГ = БГ, например, слово 调号 *diàohào*, переводящееся как «обозначение тональности», представляет собой сокращение слов 声调 *shēngdiào* (тон) и 符号 *fúhào* (знак).

Еще одним распространенным способом образования сокращений типа 简称 jiǎnchēng являются аббревиатуры, включающие начало и конец исходного сочетания слов по схеме АБ ВГ = АГ. Этот способ сокращений применяется в словосочетании 中国银行 *Zhōngguó Yínháng* (китайский банк), в котором слово 中国 *Zhōngguó*

переводиться как «*Kumai*», а 銀行 *yínháng* – «банк», сокращенный вариант этого словосочетания – 中行 *Zhōng háng*.

И последним способом сокращений типа 简称 *jiǎnchēng* являются аббревиатуры, включающие конец первого сочетания слов и начала последнего сочетания слов, то есть по структуре АБ ВГ = БВ. Например, словосочетание 观展 *guānzhǎn* (посещать выставку) образовано от слов 参观 *cānguān* (посещать) и 展览 *zhǎnlǎn* (выставка).

Вторым типом аббревиаций в китайском языке являются аббревиатуры усеченного типа. В подобных аббревиатурах сокращаются первичного словосочетания, сохраняя или начальные элементы, или конечные, например, словосочетание 香港中文大学 *Xiānggǎng zhōngwén dàxué* (Китайский университет Гонконга в Шэньчжэне), в котором 香港 *Xiānggǎng* переводится как «Гонконг», 中文 *zhōngwén* – «китайский язык», а 大学 *dàxué* – «университет», сокращается до 中文大学, теряя один из компонентов исходного словосочетания. Таким образом, встречая подобную аббревиатуру нужно иметь представление об объекте, название которого сокращается, чтобы не упустить усеченную часть словосочетания при переводе. Другими примерами этого типа сокращений является 神话能源 *shénhuá néngyuán* (добыча угля и энергетика), которое сокращается до 能源 *néngyuán*. Или же 总参谋部 *Zǒng cān móu bù* (генеральный штаб) сократится до 总参 *Zǒng cān*.

Третий тип аббревиации, свойственный китайскому языку, представляет собой обобщенный тип. Обобщенные сокращения выражают общий признак первичного сочетания слов, например, словосочетание 弟妹 *dì mèi* (младшие брат и сестра), в котором 第 представляет собой уже сокращенное слово 弟弟 *dì dì* (младший брат), а 妹 – уже сокращенное 妹妹 *mèi mèi* (младшая сестра), таким образом общим признаком является принадлежность к родственникам младшего возраста. По этому типу сокращаются слова 父亲 *fù qīn* (родной отец) и 母亲 *mǔ qīn* (родная мать), образуя слово 双亲 *shuāng qīn* (оба родителя).

Четвертый тип – это аббревиатуры с буквами, записываемые либо буквами иностранных алфавитов, преимущественно латин-

ского, либо с их участием. Необходимо добавить, что такие заимствования произносятся по-английски. В настоящее время это новый способ словообразования, который развивался в течение 20 лет. Подобные аббревиатуры свободно используются как самостоятельные лексические единицы. Это заимствованные аббревиатуры слов или словосочетаний английского языка и несокращённые иностранные слова, вошедшие в китайский язык в буквенной записи знаками латинского алфавита, либо китайские слова и словосочетания, записываемые в китайском языке с помощью китайской фонетической азбуки пиньинь. Этот тип аббревиации включает в себя несколько подтипов [1].

1. Заимствованные аббревиатуры из букв. Примером подобной аббревиации будет *NBA* – *National Basketball Association* (буквальный перевод: 美国国家篮球协会) «Национальная баскетбольная ассоциация». Так как в официальных источниках КНР запрещается использование иностранных аббревиатур, она используется только в разговорной речи.

2. Аббревиатуры, включающие в себя буквы и иероглифы. К такому типу аббревиации относится словосочетание *≡B*, где *≡* *sān* переводится как «три», а *B* обозначает английские слова «*baby*», «*beauty*» и «*beast*», представляющие собой самые часто появляющиеся персонажи рекламы: ребенок, симпатичная девушка и животное. Использование принципа *3B* (*baby, beauty, beast*) является распространенным явлением в мировой рекламной индустрии, и в данном примере аббревиации переведена на китайский язык и записана иероглифами только цифра 3.

Еще одним примером подобной аббревиации является выражение *开P kāiP* (*устраивать вечеринку*), которое представляет собой сложение китайского глагола *开 kāi* (открывать, начинать) и сокращение *P* заимствованного из английского языка слова *party* (вечеринка).

3. Транслитерация аббревиатур из букв на китайском языке. Транслитерация – перевод одной графической системы алфавита в другую [4]. Например, всемирно известный экзамен английского языка – *Test of English as a foreign language* или же *TOEFL* [*ˈtəʊfəl*]

на китайском языке его звучание будет схоже с английским 托福 [tuo fu]. Другой пример, заболевание СПИД – *Acquired immune deficiency syndrome* – синдром приобретенного иммунного дефицита – AIDS [edz] - 艾滋 [ai zi]. Другими словами, происходит передача букв одной письменности буквами другой [3, с. 458].

Транслитерация ориентирована не на определённый язык, а на определённую систему графики. Поэтому транслитерация не обязана ограничиваться средствами какого-либо одного национального алфавита, в ней могут быть специальные буквы и диакритические знаки.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова указывается, что транслитерация происходит от латинских слов *trans* (через) и *littera* (буква), и дается точное ее определение: «Написание путем передачи букв одного алфавита буквами другого алфавита» [7, с. 672].

Стоит заметить, что количество проникших в китайский язык буквенных слов настолько велико, что на данный момент в Китае издан ряд словарей, дающих объяснения аббревиатурам. Также периодически издаются справочники различного типа, которые содержат аббревиатуры, используемые в других странах. Достаточно легко найти расшифровку всех необходимых слов и выражений, употребляющихся в средствах онлайн общения, и на форумах в Интернете [5, с. 59].

В китайском языке, как и в любом другом, существуют свои сокращения и сленговые выражения. Но в отличие от всех других языков, в китайском используются особый вид сленговых сокращений, называемых цифровым языком – 数字密码shùzì mǎ, в переводе «цифровые коды», представляющие собой *аббревиатуры с цифрами*. Данный тип сокращений встречается не только в китайском языке, но и в русском и английских языках, однако именно китайцы выделяют этот тип как часть интернет-сленга, который плотно вошел в современную письменную речь.

Возникновение сочетаний, в состав которых вошли цифры, главным образом обусловлено возросшей популярностью интернета и омонимией, свойственной китайскому языку. Данный вид сокраще-

ний встречается только на просторах интернета и в смс-сообщениях и используется главным образом ради юмора, выражения эмоциональной привязанности и повышения экспрессивности высказывания. Такие сообщения представляют собой набор из нескольких цифр, реже иероглифа и цифрового знака, которые выступают в роли омонимов некоторых слогов китайского языка. Произношение цифры китайского языка схоже с несколькими часто встречающимися словами, однако это произношение не полностью совпадает по звучанию и тональности, что позволяет записывать целые фразы.

Например, *цифра* — *yī* в китайском языке имеет значение «один», однако помимо своего исходного значения так же используется вместо слова *一* *тyīqíè* (*весь, целиком*). Кроме того, в подобный усеченных словосочетаниях цифра — *yī* может читаться как *yāo*, что позволяет ей выступить в качестве замены слова *要* *yào* (*хотеть, нужно*). Самым известным цифровым омофоном в китайском языке является слово *四* *sì* (*четыре*), созвучное со словом *死* *sǐ* (*умереть*), однако цифра 4 в составе словосочетания так же выступает заменой словам *谢* *xiè*, *时* *shí*, *速* *sù*, *是* *shì* и другим.

В связи с широким использованием интернет-лексики, количество подобных словосочетаний, записывающихся цифровыми сообщениями, возрастает, поэтому совпадение звучания цифрового кода и реального звучания подразумеваемого словосочетания может быть весьма условным.

В китайском языке насчитывается около 320 различных цифровых аббревиаций, например, *667 liùliùqī* обозначает *遛遛去* *liù liù qù* (*пойдем прогуляемся*), *7456 qīsǐwǔliù* подразумевает *气死我啦* *qì sǐ wǒ la* (*бесит до смерти*).

Что касается других языков, например, *то* в русском и английском языках используются следующие упрощения: «*щас*» или «*ща*» вместо «*сейчас*» в русском языке, «*2you*» или «*2и*» вместо «*to you*» в английском.

В китайском языке это происходит за счет использования других иероглифов, за счет цифроязыка, а также благодаря латинским буквам. Например, *Буквами ZF* (政府 *Zhèngfǔ*) обозначается *правитель-*

ство, чтобы обойти интернет-фильтры цензуры [6, с. 60]. Или же 大侠 dàxiá (большая молодежь) – продвинутый пользователь.

Иным видом интернет сокращений является марсианский язык (火星文 huǒxīng wén) – условное название способа кодирования китайского письменного языка. Этот прием применяется молодыми китайцами в интернете с 2000-х годов, изначально он представлял собой шутку, позже стал использоваться китайцами как способ обойти цензуру. Чтобы закодировать слово, китайцы случайным образом объединяют, разделяют и перестраивают традиционные китайские иероглифы, пиньинь, японскую письменность, английский язык и эмодзи. Китайская молодежь начала использовать «марсианский язык» для того чтобы скрыть личную информацию от родителей и учителей, так как в Китае родители редко относятся к дневникам подростков как к их личным материалам. Сообщения на «марсианском» помешали многим китайским мамам узнать, о чем думают их дети, а учителям читать записки, переданные одноклассникам во время урока [2].

Например, «*b 要+装*» «偶ㄗㄗAKS» – «*He притворяйся, а то мама рассердится*». Для понятия подобных фраз необходимо пояснение каждого элемента. Так буква *b* здесь это инициаль слога *bù* (不), означающего «не», а *ou* (偶) представляет собой аффектированное произношение *wǒ* (我), обозначающее «моя». Знаки «ㄗ ㄗ» используются в значении «мама», здесь «ㄗ» является начальным звуком в слогах *mā* (妈), *mèi* (妹). «AKS» обозначает словосочетание *qì sǐ nǐ* (气死你 заставлять кого-либо сердиться, а «U» означает «ты». Марсианский язык сложен в понимании и освоении, а также на некоторых интернет-платформах он не способен пройти нормы цензуры, в чем и заключается цель его использования. Пик его использования приходился на время популярности онлайн-игры Audition Online и сервисе Tencent QQ, однако в последние годы частота его использования начала снижаться.

Повсеместное использование различного рода сокращений объясняется необходимостью передачи максимального количества информации за единицу времени, а также для избегания цензурных запретов и скрытия информации от нежелательных глаз.

Таким образом, в китайском языке аббревиация широко распространена, при этом сам процесс аббревиации характеризуется как общими закономерностями, так и специфическими чертами. В китайском языке при аббревиации словосочетаний в качестве основных элементов выступают иероглифы (слоги), при этом сочетания усекаются с учетом семантического значения слов, либо передаются в соответствии со звучанием отдельных иероглифов, так как в китайском языке одна аббревиатура соответствует только одному исходному сочетанию.

Список литературы

1. Буквенные слова современного китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 15.03.2020).
2. Карпенко А. Марсианский язык: как китайцы обходят цензуру в интернете. [Электронный ресурс]. URL: <https://ekd.me/2017/09/marsianskij-yazyk-kak-kitajcy-obxodyat-cenzuru-v-internete/> (дата обращения: 15.03.2020).
3. Ли Сяогэ. Сопоставление аббревиатур в русском и в китайском языках // Вестн. Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8, № 2. С. 454–463.
4. Сагеева Я.П. Китайские сложнокращенные слова как особая часть китайской лексики // Молодой ученый. Серия: Филология, лингвистика. 2015. № 11(91). С. 1681-1683.
5. Синишина О.О. Интернет-лексика в современном китайском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия: 13. Востоковедение. 2014. № 3. С. 57–63.
6. Транскрипция. Транслитерация // Myfilology.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://myfilology.ru/yazykoznanie/185/> (дата обращения: 20.04.2020).
7. Ушакова Д.Н. Толковый словарь русского языка. М.: Вече, Мир книги, 2001. 703 с.
8. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. Том I. Фонетика, ударение, интонация, словообразование, морфология. М.: Наука, 1980. 789 с.

References

1. *Bukvennyye slova sovremennogo kitajskogo jazyka* [Literal words of modern Chinese]. URL: <https://kartaslov.ru/>
2. Karpenko A. *Marsianskij jazyk: kak kitajcy obhodjat cenzuru v internete* [The Martian language: how the Chinese circumvent the Internet censorship]. URL: <https://ekd.me/2017/09/marsianskij-yazyk-kak-kitajcy-obxodyat-cenzuru-v-internete/>
3. Li Xiaoge. Sopotavlenie abbreviatur v russkom i v kitajskom jazykah [Comparison of abbreviations in Russian and in Chinese]. *Vestn. Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika*. 2017. V. 8, № 2. P. 454–463.
4. Sageeva Y.P. Kitajskie slozhnosokrashhennyye slova kak osobaja chast' kitajskoj leksiki [Chinese clipping compounds as a special part of Chinese vocabulary]. *Molodoj uchenyj. Serija: Filologija, lingvistika*. 2015. № 11(91). P. 1681–1683.
5. Sinishina O.O. Internet-leksika v sovremennom kitajskom jazyke [Internet vocabulary in modern Chinese]. *Vestn. Mosk. un-ta. Serija: 13. Vostokovedenie*. 2014. № 3. P. 57–63.
6. *Transkripcija. Transliteracija* [Transcription. Transliteration]. Myfilology.ru. [Electronic resource]. URL: <https://myfilology.ru//yazykoznanie/185/>
7. Ushakova D.N. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Defining dictionary of the Russian language]. Moscow: Veche, Mir knigi, 2001. 703 p.
8. Shvedova N.Yu. *Russkaja grammatika. Tom I. Fonetika, udarenie, intonacija, slovoobrazovanie, morfologija* [Russian grammar. Volume I. Phonetics, stress, intonation, word-building, morphology]. Moscow: Nauka, 1980. 789 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Качалова Кристина Геннадьевна, студент ГЛ-45, факультет социально-гуманитарный, кафедра лингвистика и иностранные языки
Донской Государственный Технический Университет
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344003, Российская Федерация
kris_kachalova@list.ru

Рудометова Анастасия Юрьевна, старший преподаватель кафедры лингвистика и иностранные языки
*Донской Государственный Технический Университет
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344003, Российская Федерация
nastasiacom@bk.ru*

Капитонова Нина Сергеевна, доцент кафедры лингвистика и иностранные языки, кандидат филологических наук
*Донской Государственный Технический Университет
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344003, Российская Федерация
neonilak@inbox.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kachalova Kristina Gennadevna, student GL-45, Social and Human Faculty, Department of Linguistics and Foreign Languages
*Don State Technical University
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 3440003, Russian Federation
kris_kachalova@list.ru*

Rudometova Anastasia Yurevna, Senior Lecturer, Department of Linguistics and Foreign Languages
*Don State Technical University
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 3440003, Russian Federation
nastasiacom@bk.ru*

Kapitonova Nina Sergeevna, Associate Professor, Department of Linguistics and Foreign Languages, Ph. D. in Philology
*Don State Technical University
1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 3440003, Russian Federation
neonilak@inbox.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-119-132

УДК 811.1

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ГОВОРЕНИЮ В ПЕРИОД ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Кудинова О.А.

Цель. Статья посвящена изучению теоретических вопросов обучения устной речи и разработке методов использования Интернет-технологий в процессе обучения устной речи.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляют теоретическое изучение и обобщение научно-методической литературы, а также Интернет-ресурсы, связанные с темой исследования; используются общенаучные методы – анализ и обобщение.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что автор выявляет зависимость качества образовательного процесса и его эффективность от правильной организации использования Интернет-технологий на уроке, которые упрощают процесс получения знаний. Автор делает предположение, что использование Интернет-технологий способствует формированию речевых навыков и умений – ядра коммуникативной компетенции.

Область применения результатов. Результаты исследования помогут оптимизировать использование информационных технологий на занятиях по иностранному языку при обучении устной речи в высшей школе.

Ключевые слова: Интернет-технологии; обучение говорению; изучение иностранных языков; аудио и видео подкасты; высшая ступень образования.

MODERN INTERNET TECHNOLOGIES AS A MEANS OF TEACHING SPEAKING WHILE DISTANCE LEARNING

Kudinova O.A.

Purpose. The article is devoted to the study of theoretical questions of teaching Speaking and the development of methods for using Internet technologies in the process of teaching Speaking.

Methodology. *The research is based on the theoretical study and synthesis of scientific and methodological literature, as well as Internet resources related to the research topic; general scientific methods – analysis and generalization are used.*

Results. *The results of the study are as follows: the author explicates the dependence of the quality of educational process and its effectiveness on the correct organization of the use of Internet technologies in the classroom which simplify the process of knowledge acquisition. The author suggests that the use of Internet technologies contributes to the formation of speech habits and skills – the core of communicative competence.*

Practical implications. *The results of the study will help optimize the use of information technologies for language teaching lessons in higher education.*

Keywords: *Internet technologies; teaching speaking; learning foreign languages; audio and video podcasts; high stage of education.*

COVID-19 изменил отношение к образованию и изучению языков в частности. Многие студенты и другие люди, стремящиеся изучать иностранные языки, стараются найти удобные инновационные подходы к обучению, которые будут соответствовать их потребностям и отвечать требованиям жизни в рамках дистанционного формата обучения. В результате они готовы искать методы, которые будут менее трудоемкими, более интересными и эффективными.

В современном обществе воспитание личности, способной продуктивно и эффективно работать, является одной из важнейших задач. Именно поэтому учитель иностранного языка должен использовать соответствующие педагогические средства и технологии, которые будут направлены на формирование у учащихся интереса, любознательности, самостоятельности, настойчивости в учебном процессе. Интенсивное использование Интернет-технологий на уроках английского языка является одним из педагогических средств, направленных на развитие познавательной активности учащихся.

В настоящее время традиционные образовательные средства занимают ведущее место в обучении иностранному языку, но благодаря использованию различных информационно-коммуникационных технологий учебную среду можно разнообразить видео, звуком и анимацией. Все эти факторы повышают мотивацию студентов к учебной деятельности и любознательность, повышают интерес к изучению иностранного языка. Повышение мотивации влияет на развитие речевых навыков студентов [2; 3; 10; 14].

В исследовании уделяется внимание интересу студентов к Интернет-технологиям на уроках английского языка, особенно стоит упомянуть видео- и аудиоподкасты. Важно подчеркнуть, что качество образовательного процесса и его эффективность зависят от правильной организации использования Интернет-технологий на занятиях, которые могут упростить процесс получения знаний и облегчить формирование речевых навыков и умений, которые составляют основу коммуникативной компетенции.

В XXI в. трудно представить нашу жизнь без гаджетов с выходом в Интернет. Технологии проникли во все сферы нашей жизни, особенно в образование, создали плодотворную почву для того, чтобы люди учились всему, чему хотят и везде, где хотят. Гибкость и доступность становятся все более актуальными. Преподаватели должны быстро реагировать на ситуацию и реорганизовывать учебный процесс, сохраняя качество курса.

Необходимо создать совершенно новый подход к обучению, т.к. есть несколько препятствий, с которыми преподаватели столкнулись в процессе карантинного обучения. Во-первых, не все студенты готовы правильно выполнять свои задания без таких мотивационных факторов, как тесты, викторины или не могут не жульничать, зная, что никто не сможет проверить этот факт. Таким образом, крайне важно следить за студентами, чтобы убедиться, что учебный материал изучается, и в то же время поощрять их к тому, чтобы они преуспевали, не оказывая на них большого давления.

Конечная цель исследования – продемонстрировать, что использование Интернет-технологий является эффективным инструментом при обучении говорению.

Современные студенты привыкли воспринимать информацию, знания и факты преимущественно посредством визуальной коммуникации и ярких образов, которые будут запоминающимися и легкими для понимания.

В настоящее время учителя испытывают трудности в обучении устной речи на английском языке. Литература поднимает вопрос о различных методах обучения основным видам речевой деятельности, составляющим понятие «устная речь», т. е. говорению и аудированию [9]. Современные университеты ставят перед собой задачи, определяющие актуальность развития устной речи. Образование направлено на формирование поликультурной личности студентов, владеющих системой знаний об иностранном языке как на уровне понимания, так и на уровне свободного общения.

Сегодня традиционные средства обучения занимают ведущее место в обучении иностранному языку, но благодаря использованию различных информационно-коммуникационных технологий, таких как видео, звук и анимация можно разнообразить образовательную среду. Все это непосредственно способствует повышению познавательной активности студентов, повышению мотивации в учебной деятельности, повышению интереса к изучению языка и иноязычной речи, поэтому использование всех ранее упомянутых технологий оказывает большое влияние на эмоциональную сферу студентов. В свою очередь, повышение мотивации и познавательной активности оказывает благотворное влияние на развитие устной речи учащегося.

Проанализировав методическую литературу, мы убедились, что методика обучения разговорной речи с использованием Интернет-технологий недостаточно развита. Учебная литература в основном посвящена изучению языка с использованием информационных и компьютерных технологий, но вопрос обучения с использованием Интернет-технологий до конца не изучен.

Устная речь – это форма речевой деятельности, которая включает в себя понимание устной речи и произнесение речевых высказываний в звуковой форме (говорение). Обучение устной речи – одна

из самых сложных задач в процессе обучения английскому языку, т.к. устная речь – это широкое понятие, включающее в себя такие основные виды речевой деятельности, как чтение, аудирование, говорение, диалогическая и монологическая речь [1].

В процессе обучения устной речи возникает особая трудность, связанная с тем, что учащемуся необходимо овладеть и использовать языковой материал как средство общения, а не только для распознавания и идентификации. В дополнение к знанию синтаксической и морфологической структуры, учащийся должен уметь пользоваться сложной системой построения предложений, которая иногда не совпадает с обычными правилами построения предложений на родном языке.

Для того чтобы мотивировать познавательный интерес учащихся, преподаватель должен учитывать развитие учебных умений студентов, а также уровень их интеллектуального развития и интересов. В процессе изучения английского языка в университете можно изучить не только основы языка, но и понять, как вести беседу, читать тексты различного уровня сложности на предложенные темы, пересказывать и анализировать.

Г.А. Орлов дает свою характеристику устной речи. По его мнению, речь не является визуально наблюдаемой, мгновенной, эфемерной; она требует от говорящего меньше усилий, чем от пишущего, и обычно разворачивается достаточно свободно и быстро (средний темп английской разговорной речи превышает 160 слогов в минуту). Речь (как результат) записывается только в виде мысленного, вербального и речевого образа в памяти слушателя; результат может быть использован неучастниками данного коммуникативного акта только в том случае, если он записан с помощью технических средств (или дословного воспроизведения участниками коммуникативного акта [4, с. 66].

Таким образом, при обучении устной речи на английском языке, как и на любом другом языке, необходимо учитывать особенности каждого вида речевой деятельности. Только с учетом всех особенностей обучение устной речи в школе будет эффективным.

Современный мир характеризуется стремительным обновлением происходящих процессов во всех сферах общественных отношений, а следовательно, и в сфере образования. Интернет становится главным средством обмена и распространения цифровой информации и одной из основных платформ для установления международных отношений. Этим объясняется возрастающая роль Интернет-технологий в системе образования, где процессы информатизации также происходят под влиянием социальных тенденций. В связи с этим к результатам освоения студентами образовательных программ стали предъявляться новые требования [6].

Интернет-технологии способствуют интеграции национальной системы образования в инфраструктуру мирового сообщества. С каждым годом все большее значение приобретает организация совместных проектов студентов из разных регионов, обмен опытом между преподавателями и учеными. Благодаря глобальной сети мы имеем доступ к различным информационным центрам стран, что в свою очередь развивает возможности для самообразования. В то же время меняются и формы взаимодействия студентов, преподавателей и образовательной среды.

Для того чтобы внедрение Интернет-технологий в образование было успешным, на данный момент необходимо разработать качественно новые методики и программы, необходимо работать с педагогами по популяризации Интернета. Многие учителя убеждены, что они не готовы использовать Интернет-технологии. Однако, по словам Г. Дьюдни и Н. Хокли, большинство из них имеют по крайней мере основные навыки, такие как навигация и поиск информации в Интернете, работа в социальных сетях, общение на форумах, набор текста в базовом текстовом редакторе. Практика показывает, что этого достаточно для организации работы в Интернете со студентами [7, p. 28].

Интернет-технологии предоставляют широкие возможности для межкультурной коммуникации. К таким возможностям относятся устное и письменное общение по электронной почте, блоги, форумы, чаты, организация Интернет-конференций [5].

Исходя из всего вышесказанного, можно понять, что Интернет-технологии обладают огромным потенциалом для студентов. Развитие технологий ведет к развитию образовательных возможностей. В настоящее время новые информационно - коммуникационные технологии и различные социальные серверы могут быть использованы для повышения эффективности обучения на уроках английского языка. К таким Интернет-технологиям как средству оптимизации учебного процесса относятся:

1. Подкасты

Подкастинг (англ. podcasting, broadcasting – повсеместное, широкоформатное вещание) – процесс создания и распространения аудио-или видеотрансляций (т.е. подкастов) во всемирной паутине. Обычно каждый подкаст имеет свою конкретную тему и периодичность издания. Подкасты являются хорошей альтернативой телевидению, т.к. они просты в использовании, бесплатны и доступны в любое удобное для пользователя время. Все типы подкастов можно разделить на несколько групп:

- аутентичные подкасты – файлы, содержащие запись речи носителя языка.
- подкасты для преподавателей – подкасты, которые преподаватель создает для учеников сам.
- студенческие подкасты – подкасты, которые студенты записывают чаще всего с помощью преподавателя.

Подкасты показывают реальные ситуации общения, они насыщены живой разговорной речью, знакомят учащихся с историей, культурой, современной жизнью, традициями, обычаями и обычаями стран, изучаемого языка. Это только доказывает методологическую целесообразность использования подкастов на занятиях.

Использование видеоподкастов на уроках английского языка предоставляет большие возможности для изучения этого языка, т.к. данная Интернет-технология имеет ряд преимуществ:

- 1) предлагаемый видеоматериал является актуальным и достоверным;

2) видеоподкасты позволяют создавать реальные коммуникативные ситуации для развития устной речи и стимулировать ранее нетренированную речь;

3) информация поступает сразу по двум каналам (звуковому и графическому), что позволяет студентам, лучше запомнить ее;

4) преподаватель экономит время на подготовку к занятиям, т.к. некоторые обучающие видеоподкасты уже разработаны: они сопровождаются заданиями, глоссарием, параллельными текстовыми версиями и интерактивными упражнениями.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что видеоподкасты следует использовать на уроках английского языка для оптимизации учебного процесса. Они помогают в совершенствовании навыков говорения, аудирования, приобщении учащихся к особенностям культуры и традиций страны изучаемого языка.

2. Веб-проекты

Веб-проект – это результат объединения проектной методологии с возможностями Интернета.

Эта Интернет-технология является сложным типом задачи. При использовании этой технологии преподаватель должен обладать высоким уровнем предметной и информационной компетентности. Данный вид заданий требует от студента навыков и умений работы с информацией и информационными технологиями. При обучении английскому языку использование заданий на основе электронных ресурсов требует от студентов наличия соответствующего уровня владения языком для работы с аутентичными Интернет-ресурсами [12].

3. Форумы

Данный вид Интернет-технологии представляет собой электронную конференцию с отсроченным доступом к материалам.

Форум – это средство организации и проведения специально организованной самостоятельной деятельности участников форума с координацией преподавателя. Основная цель этой технологии направлена на достижение учебных задач в общении на английском языке и обсуждение различных вопросов, носящих как образовательный, так и неакадемический характер.

4. Мультимедийный черновик

От английского multimedia scrapbook – «мультимедийный черновик» – это еще одна Интернет-технология, которая представляет собой коллекцию мультимедийных ресурсов. Альбом содержит ссылки на текстовые сайты, аудиофайлы, видеоклипы, графическую информацию и анимационные виртуальные туры, которые сегодня очень популярны. Студенты могут легко скачать и использовать файлы на определенную тему в качестве информационного и иллюстративного материала при изучении определенной темы.

5. Фильмы, сериалы и телепередачи

Многие специалисты утверждают, что подростку практически невозможно запомнить материал без визуальной поддержки [15]. «Их осмысление ориентировано на яркие образы, фрагментарность, лаконичность и необычную, пленительную компоновку материала» [11, с. 5646]. Таким образом, фильмы и телепередачи помогут студентам лучше понять активный словарный запас, выучить слова и словосочетания с интересом и большим энтузиазмом.

Согласно этому методу, студенты внимательно смотрят фильм или эпизод дома и выполняют несколько заданий, посвященных новым словосочетаниям и словам: необходимо искать определения данных единиц, а не их перевод. Это помогает понять смысл той или иной лексической единицы и познакомиться с контекстом ее употребления. Выполняя задания по заполнению пробелов, вы фиксируете в памяти лексику и наблюдаете, как она работает в контексте.

Упражнения могут быть основаны на анализе только лексики, словосочетаний и других слов по конкретной теме или могут носить более содержательный характер, например, задания на заполнение пропусков, мини-сообщение о режиссере, краткое изложение содержания фильма, составление предложений с активной лексикой, описание главных героев.

Прежде всего, важно отметить, что студенты испытывают меньшее напряжение и стресс во время изучения иностранного языка во время просмотра фильмов. Это помогает им погрузиться в атмос-

феру новой реальности, созданной надлежащим образом, проникнуться традициями и обычаями страны изучаемого языка. Визуализация является важной частью процесса обучения. По данным ряда работ Д.А. Рукосуева можно утверждать, что визуализация играет ключевую роль в восприятии и запоминании нового материала [13]. Следовательно, это процесс передачи информации с помощью образов для повышения уровня понимания и соотнесения визуальной формы с любым объектом, предметом или процессом [8].

Учащиеся лучше запоминают слова и словосочетания, и даже повторный просмотр не вызывает большой усталости. Кроме того, фильмы и телепередачи предоставляют студентам менее формальный подход к учебному процессу, что помогает еще лучше мотивировать студентов. Этот опыт показывает, что можно изучать язык с удовольствием и энтузиазмом.

COVID-19 изменил многое в жизни людей по всему миру и, несомненно, сильно повлиял на сферу образования. Популярность внедрения инновационных технологий возросла задолго до пандемии, но именно COVID-19 показал важность готовности как преподавать, так и учиться онлайн.

Во всей учебной программе должны быть учтены такие моменты, как: дистанционное обучение, в ходе которого структура уроков может быть изменена с целью достижения значительного прогресса. В этом случае авторы рассматривают использование Интернет-технологий и фильмов на иностранном языке как превосходную альтернативу студенческим книгам.

Преподавание разговорной речи на занятиях по иностранному языку является одним из важнейших аспектов преподавания английского языка в целом. Помимо понимания иноязычного материала, сегодня студенты должны уметь в полной мере выражать свои мысли на различные темы, демонстрируя при этом свои эмоции, желания и чувства. Проанализировав возможности использования Интернет-технологий для развития навыков устной речи в университете, мы пришли к выводу, что использование таких технологий на уроках английского языка помогает в формировании у студентов

устной речи, повышает мотивацию к изучению предмета и делает занятия гораздо интереснее, повышая межкультурную компетентность.

Однако для того, чтобы все это действительно произошло, преподаватель английского языка должен найти наиболее эффективные Интернет-технологии, весь материал должен быть тщательно обработан преподавателем.

Таким образом, Интернет-технологии при правильном и корректном использовании развивают устные навыки владения английским языком, повышают уровень словарного запаса и грамматики учащихся, улучшают произношение, оказывают влияние на их психологическое и социальное развитие, помогая студентам стать более разносторонними личностями.

Список литературы

1. Колкер Я.М. Практическая методика обучения иностранному языку. М.: Академия, 2000. 264 с.
2. Кудинова В.И., Храменко Д.С., Титова О.А., Головина И.В. От слова к речи: учебно-методическое пособие. Тула: Имидж-Принт, 2018. 50 с.
3. Кудинова О.А. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции с использованием инновационных технологий // Инновационный потенциал урока английского языка: от теории к практике (From Reflection to Action): материалы Международной научно-практической конференции для преподавателей английского языка. 20-22 сентября 2013 г. Тула: Гриф и К, 2013. С. 132–136.
4. Орлов Г.А. Современная английская речь: Учеб. пособие для вузов по спец. «Англ. яз. и лит.». М.: Высш. шк., 1991. 240 с.
5. Полат Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров. М.: Академия, 1999. 224 с.
6. Титова О.А., Кудинова В.И., Родионова И.В., Головина И.В. Инновационные технологии в преподавании иностранных языков: учебно-методическое пособие. Тула: Имидж-Принт, 2019. 54 с.

7. Dudeney G., Hockly N. How to Teach English with Technology. Pearson Education Limited, 2008. 192 p.
8. Isayeva E. The new generation of students: psychological particularities, learning motivation and the difficulties during the learning process of the 1st year student // Medical Psychology in Russia: online scientific journal, 9 March 2015. URL: <https://medpsy.ru> (дата обращения: 18.11.2020).
9. Kudinova O.A., Khrumchenko D.S., Kudinova V.I., Davydova M., Akimtseva Y.V. Analytical reading as a way to improve professional competence of EFL learners: linguistic aspects & teaching methodology. ICERI2018 Proceedings, pp. 9043–9048.
10. Kudinova O.A., Kudinova V.I., Fiction literature as a means of developing critical thinking and both universal and general cultural competences of undergraduates // ICERI2020 Proceedings, pp. 4877–4885.
11. Mammadova N., Pogrebnyaya A. The use of the instagram platform and text messengers in the context of contemporary education // EDU-LEARN19 Proceedings, pp. 5646–5650.
12. Podcast in English. URL: <https://podcastsinenglish.com/pages1/level1.shtml> (дата обращения: 11.11.2020).
13. Rukosuyeva D. The particularities of knowledge perception with the use of methods of visualization // Youth and science: the materials of XI Russian scientific conference of students, post-graduates and young scientists with international participation. 2010. Vol. 1, pp. 136–138.
14. Sanchez A.V., Ruiz M.P. Competence-Based Learning. A proposal for the assessment of generic competences. Bilbao: University of Deusto Press, 2008. 335 p.
15. Shved O.V. Visual communication in the modern world // Literature, language and culture influences by globalization: Monograph, 2015. Vol. 7. Vienna: “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, pp. 70–82.

References

1. Kolker Ya.M. *Prakticheskaya metodika obucheniya inostrannomu yazyku* [Practical methods of teaching a foreign language]. Moscow: Akademiya, 2000. 264 p.

2. Kudinova V.I., Hramchenko D.S., Titova O.A., Golovina I.V. *Ot slova k rechi* [From word to speech]. Tula: Imidzh-Print, 2018. 50 p.
3. Kudinova O.A. Formirovanie inoyazychnoj kommunikativnoj kompetencii s ispol'zovaniem innovacionnyh tekhnologij [Formation of foreign language communicative competence using innovative technologies]. *Innovacionnyj potencial uroka anglijskogo yazyka: ot teorii k praktike (From Reflection to Action): materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii dlya prepodavatelej anglijskogo yazyka. 20-22 sentyabrya 2013 g* [Innovative potential of an English lesson: from theory to practice (From Reflection to Action): materials of the International scientific-practical conference for teachers of English. September 20-22, 2013]. Tula: Grif i K, 2013. P. 132–136.
4. Orlov G.A. *Sovremennaya anglijskaya rech'* [Modern English speech]. Moscow: Vyssh.shk., 1991. 240 p.
5. Polat E.S. *Novye pedagogicheskie i informacionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya* [New pedagogical and information technologies in the education system]. Moscow: Akademiya, 1999. 224 p.
6. Titova O.A., Kudinova V.I., Rodionova I.V., Golovina I.V. *Innovacionnye tekhnologii v prepodavanii inostrannyh yazykov* [Innovative technologies in teaching foreign languages]. Tula: Imidzh-Print, 2019. 54 p.
7. Dudeney G., Hockly N. *How to teach English with technology*. Pearson Education Limited, 2008. 192 p.
8. Isayeva E. The new generation of students: psychological particularities, learning motivation and the difficulties during the learning process of the 1st year student. *Medical Psychology in Russia: online scientific journal*, 9 March 2015. URL: <https://medpsy.ru>
9. Kudinova O.A., Khramchenko D.S., Kudinova V.I., Davydova M., Akimtseva Y.V. Analytical reading as a way to improve professional competence of EFL learners: linguistic aspects & teaching methodology. *ICERI2018 Proceedings*. P. 9043–9048.
10. Kudinova O.A., Kudinova V.I. Fiction literature as a means of developing critical thinking and both universal and general cultural competences of undergraduates. *ICERI2020 Proceedings*. P. 4877–4885.

11. Mammadova N., Pogrebnaya A. The use of the instagram platform and text messengers in the context of contemporary education. *EDU-LEARN19 Proceedings*, 2019. P. 5646.
12. Podcast in English. URL: <https://podcastsinenglish.com/pages1/level1.shtml>
13. Rukosuyeva D. The particularities of knowledge perception with the use of methods of visualization. *Youth and science: the materials of XI Russian scientific conference of students, post-graduates and young scientists with international participation*. 2010. Vol. 1. P. 136–138.
14. Sanchez A. V., Ruiz M. P. Competence-Based Learning. A proposal for the assessment of generic competences. Bilbao: University of Deusto Press, 2008. 335 p.
15. Shved O.V. Visual communication in the modern world. Literature, language and culture influences by globalization: Monograph, 2015. Vol. 7. Vienna: “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, pp. 70–82.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кудинова Ольга Андреевна, ассистент кафедры английского языка
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
пр. Ленина, 125, г. Тула, Тульская область, 300026, Российская Федерация
walwow@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kudinova Olga Andreevna, Assistant Lecturer, Department of the English Language
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University
125, Lenin Ave., Tula, Tula Region, 300026, Russian Federation
walwow@bk.ru
SPIN-code: 1297-4253
ORCID: 0000-0001-9731-8389

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-133-142

УДК 811.134.2; 811.161.1

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСПАНСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЙ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Литвиненко Т.Е.

В статье анализируется проблема вариативности формы и содержания паремиологических высказываний в российском и испанском интернет-дискурсах.

Цель. Работа направлена на выявление языковых механизмов порождения высказываний, восходящих к устойчивым единицам лингвокультуры, а также на интерпретацию понятийной структуры преобразованных паремий, возникающих при реализации коммуникантами креативной функции языка.

Метод и методология проведения работы. В ходе исследования материала были использованы методы семантического, концептуального и интертекстуального анализа, осуществляемого в рамках сравнительно-сопоставительного изучения традиционных и новых паремий различных лингвокультур.

Результаты. Анализ материала показал, что в большинстве случаев лингвокреативный потенциал единиц испанского и русского фразефонда находит выражение в метафорическом сдвиге в когнитивной структуре паремий, в рекомбинации фреймовых компонентов отраженных ими ситуаций и в формировании новых ментальных образований (блендов), интегрирующих фрагменты моделей мира разных эпох. На знаково-семиотическом уровне такие высказывания квалифицируются как интертексты.

Область применения результатов. Результаты и основные выводы статьи могут быть использованы в исследованиях, связанных с проблемами эволюции национального фразефонда, влияния языка традиционной культуры на современные фольклорные

жанры, а также с проблемами интернет-коммуникации, словесного творчества и интертекстуальности.

Ключевые слова: креативная функция языка; паремия; концептуальная метафора; интертекст.

SPANISH AND RUSSIAN PAROEMIA AS SOURCE OF CREATIVITY: A COMPARATIVE STUDY

Litvinenko T.E.

The article analyzes the problem of variability in the form and content of paroemias in Russian and Spanish Internet discourses.

Purpose. *The work is aimed at identifying the linguistic mechanisms of generating utterances that go back to stable units of culture, as well as interpreting the conceptual structure of the transformed paroemias that arise when communicants implement the creative function of language.*

Methodology. *During the study of the material, the methods of semantic, conceptual, and intertextual analysis, carried out in the framework of a comparative study of traditional and new paroemias of various linguistic cultures, were used.*

Results. *The analysis of the material showed that in most cases the creative potential of units of the Spanish and Russian phraseological corpus is reflected in a metaphorical shift in the cognitive structure of paroemias, in the recombination of frame components of the situations reflected by them and in the formation of new mental formations (blends) that integrate fragments of models of the world from different eras. At the semiotic level, such utterances are classified as intertexts.*

Practical implications. *The results and main conclusions of the article can be used in further research on the problems of the national phraseology evolution, the influence of the language of traditional culture on modern folklore genres, as well as the problems of Internet communication, verbal creativity and intertextuality.*

Keywords: *creative function of language; paroemia; conceptual metaphor; intertext.*

Изменения условий существования человека 21 в., вынужденно противостоять новым угрозам, приспосабливаться к непредсказуемым реалиям и адаптироваться к рискованным «нормальностям» бытия, находит свое непосредственное отражение в коммуникативных практиках говорящего, применяемых им в современных медиапространствах. Транслируя знания о меняющейся картине мира и, в силу этого, о меняющихся средствах и способах ее вербального представления, участник коммуникации активизирует индивидуальный языковой опыт, обновляя и расширяя его благодаря присущим ему лингвокреативным способностям [1; 4]. Между тем, остается очевидным, что любое проявление личного творчества невозможно без опоры на язык как на коллективное достояние, чье использование предполагает неизбежную интеграцию единичного, общего и особенного.

Рассматривая с этих позиций языковую коммуникацию, к сфере *общего* могут быть отнесены не только собственно «словарь и грамматика», включая и фразеологические единицы, но и универсальные типы дискурсов, в том числе, и фольклорный, восходящий к основам лингвокультуры. Сфера *особенного* в этом случае может быть представлена культурно-специфическими языковыми средствами, в частности, особым фразеофондом и паремиями, объективирующими национальную картину мира. Наконец, к *единичному* следует отнести различные варианты устойчивых выражений, возникающие в результате преобразования паремий коммуникантом как лингвокреативной личностью.

Отметим, что в иных терминах результат творческой переработки пословиц и поговорок дает возможность квалифицировать получившиеся высказывания как интертексты, «цитирующие» единицы традиционной культуры. При этом, подобно воспроизводимым образцам новые единицы сохраняют такие свойственные фольклору черты, как анонимность (утрата авторства) и вариативность (полиморфизм), а также широко понимаемую дидактическую направленность, связанную с фиксацией и передачей социально-значимых знаний и опыта [5; 9].

Обращение к испанскому и русскому медиапространствам показывает, что наблюдаемый в последнее время «всплеск» творческой активности, выражающийся в появлении значительного числа вариантов паремий, был спровоцирован резким сдвигом в повседневности, вызванным пандемией коронавируса *COVID-19*.

Сопоставление испанских и русских паремий продемонстрировало, что наряду с общей причиной их возникновения, давшей толчок интертекстуальным рекомбинациям заданных и новых когнитивных структур, их объединяет игровой характер высказываний [11], направленный на узнавание источника цитирования, выявление произведенных трансформаций и создание/разрушение эффекта обманутого ожидания.

(1 исп.) *En boca tapada no entran virus ← En boca cerrada no entran moscas* [цитаты по: 14].

(2 исп.) *Nadie sabe lo que tiene, hasta que se lo detectan ← Nadie sabe lo que tiene, hasta que lo pierde.*

(1 рус.) *На чужой вай-фай рот не разевай ← На чужой каравай рот не разевай* [цитаты по: 15].

(2 рус.) *А ВОЗ и ныне там... ← А воз и ныне там...*

Кроме этого, паремии на обоих языках связывает явная комическая направленность, обусловленная адаптивной семантикой таких высказываний, нацеленных на преодоление тревожных состояний.

(3 исп.) *No es más rico el que más tiene, sino el que menos papel higiénico necesita ← No es más rico el que más tiene, sino el que menos necesita.*

(3 рус.) *Век живи, век лечись ← Век живи, век учишь.*

К сказанному можно добавить, что и те, и другие паремии сохраняют свою сентенциальную сущность:

(4 исп.) *Más vale mascarilla en la boca que toser a la loca ← Más vale quedar hoy con gana que estar enfermo mañana.*

(4 рус.) *Мал вирус, да вреден ← Мал, да удал.*

А также эстетические характеристики – ритм и (иногда) рифму:

(5 исп.) *Aunque la mona se vista de seda, en casa se queda ← Aunque la mona se vista de seda, mona se queda.*

(5 рус.) *Двое паишут, семеро на карантине пляшут.* ← *Двое паишут, семеро руками машут.*

В целом же весь инвентарь Covid-паремий может быть представлен в качестве средств репрезентации интертекстуального фрейма [6], организующего поведение человека в условиях витальной угрозы [об этом: 2]. При таком подходе к слотам или, точнее, к их комбинациям в структуре фрейма следует отнести ряд признаков, соответствующих фрагментам описываемой ситуации [12]. В том числе:

- длительность пандемии, предполагающая ограничение социальных контактов, необходимость лечения, вакцинации и пр.:

(6 исп.) *Hasta el cuarenta de mayo, no visites al yayo* ← *Hasta el cuarenta de mayo, no te quites el sayo.*

(7 исп.) *Hasta el cuarenta de mayo, no te quites el pijama* ← (ibid.)

(8 исп.) *No hay cuarentena que dure 100 años, ni cuerpo que la resista* ← *No hay mal que dure 100 años, ni cuerpo que lo resista.*

Ср. также (3 рус.),

(6 рус.) *До свадьбы доживет, до тика – нет* ← *До свадьбы заживет.*

(7 рус.) *Самоизоляцию пережить – не поле перейти* ← *Жизнь прожить – не поле перейти.*

(8 рус.) *Обещанной вакцины три года ждут.* ← *Обещанного три года ждут.*

- Необходимость контролировать ситуацию до самого конца:

(9 исп.) *No cantes victoria hasta el fin de la cuarentena* ← *No cantes gloria hasta el fin de la victoria.*

(9 рус.) *Хорошо чихает тот, кто чихает последним* ← *Хорошо смеется тот, кто смеется последним.*

- Непредсказуемость эпидемиологической обстановки, обусловленная скоростью распространения коронавируса:

(10 исп.) *El bien viene andando, el coronavirus, volando* ← *El bien viene andando, el mal, volando.*

(10 рус.) *Вирус не воробей, вылетит – не поймаешь* ← *Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.*

- Важность соблюдения самоизоляции и социальной дистанции. См. (5 исп.), (6 исп.), (7 исп.), (7 рус.), а также:

(11 исп.) *Más vale viejo encerrado que, pronto, enterrado* ← *Más vale viejo asentado, que mozo desatinado.*

(12 исп.) *Más vale estar solo, que contagiado* ← *Más vale estar solo, que mal acompañado.*

(13 исп.) *Dime con quién andas, y te diré que no te acerques* ← *Dime con quién andas, y te diré quién eres.*

(11 рус.) *Друг познается на социальной дистанции* ← *Друг познается в беде.*

(12 рус.) *В магазин поспешишь – людей заразишь* ← *Поспешишь – людей насмешишь.*

(13 рус.) *Виртуальный друг лучше новых двух* ← *Старый друг лучше новых двух.*

• Необходимость использования средств индивидуальной защиты. См. (4 исп.), а также:

(14 исп.) *Al mal tiempo, mascarilla y guantes* ← *Al mal tiempo, buena cara.*

(14 рус.) *Любишь кататься – люби и масочки носить* ← *Любишь кататься – люби и саночки носить.*

(15 рус.) *Мал санитайзер, да дорог* ← *Мал золотник, да дорог.*

Не имея возможности полностью рассмотреть многомерную структуру данного фрейма, отметим, что сопоставление его испанских и русских актуализаторов указывает на широкую вариативность отраженной в них семантики. При этом многие такого рода высказывания также характеризуются свойственной им формальной дублетностью [10], обусловленной наличием у них общего интертекстуального источника. Так, к одной и той же указанной паремии восходят примеры (6 исп.) и (7 исп.). Различные варианты обнаруживаются у (5 исп.): *Aunque la mona se vista de seda, si tose... ¡coronavirus!* и у (14 исп.): *Al mal tiempo, buena casa.* К одной, но по-разному представленной основе отсылают единицы *На бога надейся, а руки помой; На карантин надейся, а сам не плошай;* и др.

Что же касается когнитивных механизмов образования [7; 13] приведенных высказываний, то их лингвокреативный потенциал находит свое непосредственное выражение в метафорическом сдви-

ге, произошедшем при наложении двух ментальных пространств и их интеграции в единое новое пространство или бленд [8].

Так, паремия *En abril, contagios mil*, восходящая к двум концептуальным структурам: пространству *coronavirus*, чьим репрезентантом становится имя *contagios*, и пространству, отраженному в испанской пословице *En abril, aguas mil*, возникает в результате их интеграции на ментальном и на знаковом уровнях. При этом, в процессе слияния двух пространств образуется метафора «*enfermedad es líquido*», позволяющая интерпретировать болезнь как жидкость, наводняющую все вокруг [об этом также: 3].

Аналогичным образом и ранее упомянутая паремия (6 исп.), отразившая креативные способности ее создателя в языковой игре, связанной с числительным *cuarenta* и этимологически близком ему имени *cuarentena* «карантин», может быть рассмотрена как результат интеграции подобных пространств. Первое из них, объективируемое запретом *no visites al yayo* «не навещай дедушку», замещает пространство, выраженное указанием *no te quites el sayo* «не снимай накидку», при общем компоненте *hasta el 40 de mayo* «пока не наступит сороковое мая (т. е. девятое июня и не станет по-настоящему тепло)», может быть представлено как компонент концептуальной метафоры «*distanciamiento social es una medida preventiva*», с общим для двух пространств значением «мера предосторожности».

Примером действия такого рода механизмов в русской коммуникации может служить паремия *He tak страшен ковид, как его маляют*, отсылающая, как и во всех прочих случаях, к пространству *coronavirus* и к интегрированному с ним пространству, описываемому фразой-источником приведенного высказывания. Элиминация в интертексте имени *черт* и замена его репрезентантом иного референтного поля позволяет рассматривать их в качестве элементов метафоры «*болезнь – это зло*» при сохранении специфической аксиологии высказывания, присущей оригиналу.

Подводя итог проведенному анализу, отметим, что единицы, эволюционно связанные с испанским и русским фразеофондом, обнаруживают ряд общих черт, обусловленных их интертекстуальной природой,

идентичным механизмом образования и референцией к универсальному концептуальному пространству *coronavirus*. Их объединяет метафорического характера высказываний, общность коммуникативных функций, включая адаптивную, информационную, и, собственно, креативную, а также сфера реализации – национальные медиа.

Различаясь в своих истоках, обращенных к разным культурам и их носителям, такие единицы не только свидетельствуют о продолжении традиции создания значимых смыслов и образов, но и указывают на то, что творчество помогает преодолеть любые популяционные трудности.

Список литературы

1. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: УГПИ, 1996. 215 с.
2. Литвиненко Т.Е. «Конец света» как интертекстуальный фрейм // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 8–13.
3. Литвиненко Т.Е. Метафоры интертекста // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 175–181.
4. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта, Наука, 2006. 344 с.
5. Anscombe J.-C. Reflexiones críticas sobre la naturaleza y el funcionamiento de las paremias. *Paremia*. 1997. N 6. pp. 43–54.
6. Eco U. *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 273 p.
7. Fauconnier G. *Ten Lectures on Cognitive Construction of Meaning. Distinguished Lectures in Cognitive Linguistics*. Leiden: Brill Books, 2018. 226 p.
8. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. N.Y: Basic Books, 2002. 440 p.
9. García-Page M. Fraseologismos oracionales. *Contextos*. 1995. No 13. pp. 72–92.
10. Sevilla Muñoz J. Tendencias actuales de la investigación paremiológica en España // *La investigación paremiológica en España*. Atenas: Ta kalós kéimena, 2008. pp. 11–54.

11. Tristán Pérez A. La fraseología y la fraseografía. Estudios de fraseología y fraseografía del español actual. Madrid: Iberoamericana, 1998, pp. 297–305.
12. Ungerer F., Schmid H.-J. An introduction to cognitive linguistics. L: Routledge, 2006. 400 p.
13. Vega M. de. Levels of embodied meaning: From pointing to counterfactuals. Symbols and embodiment: debates on meaning and cognition. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2008. pp. 285-308.
14. <https://eldesmarque.com/actualidad/coronavirus/1385087-refranes-espanoles> (дата обращения: 18.10.2020).
15. <https://shuhutok.ru/anecdots/39517> (дата обращения: 21.10.2020).

References

1. Gridina T.A. *Jazykovaja igra: stereotip i tvorcestvo* [Language game in the artistic text]. Ekaterinburg: UGPI, 1996. 215 p.
2. Litvinenko T.E. «Konec sveta» kak intertekstual'nyj frejm [«Doomsday» as an intertextual frame]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2013. № 3. P. 8–13.
3. Litvinenko T.E. Metafory interteksta [Metaphors of the intertext]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2008. № 20. P. 175-181.
4. Norman B. Yu. *Igra na granjah jazyka* [Playing on the edges of language]. Moscow: Flinta, Nauka, 2006. 344 p.
5. Anscombe J.-C. Reflexiones críticas sobre la naturaleza y el funcionamiento de las paremias. *Paremia*. 1997. № 6. P. 43–54.
6. Eco U. *The Role of the Reader: Explorations in the Semiotics of Texts*. Bloomington: Indiana University Press, 1979. 273 p.
7. Fauconnier G. *Ten Lectures on Cognitive Construction of Meaning. Distinguished Lectures in Cognitive Linguistics*. Leiden: Brill Books, 2018. 226 p.
8. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. N.Y: Basic Books, 2002. 440 p.
9. García-Page M. Fraseologismos oracionales. *Contextos*. 1995. № 13. P. 72–92.
10. Sevilla Muñoz J. Tendencias actuales de la investigación paremiológica en España. La investigación paremiológica en España. Atenas: Ta kalós keímena, 2008. P. 11–54.

11. Tristán Pérez A. La fraseología y la fraseografía. Estudios de fraseología y fraseografía del español actual. Madrid: Iberoamericana, 1998. P. 297–305.
12. Ungerer F., Schmid H.-J. An introduction to cognitive linguistics. L: Routledge, 2006. 400 p.
13. Vega M. de. Levels of embodied meaning: From pointing to counterfactuals. Symbols and embodiment: debates on meaning and cognition. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2008. P. 285–308.
14. <https://eldesmarque.com/actualidad/coronavirus/1385087-refranes-espanoles>.
15. <https://shuhutok.ru/anecdots/39517>.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Литвиненко Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры романо-германской филологии
Иркутский государственный университет
ул. Ленина, 8, г. Иркутск, 664025, Российская Федерация
kafedra_rgf@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Litvinenko Tatiana Evgenievna, Doctor of Philology, Professor of the
Department of Romance and German Philology
Irkutsk State University
8, Lenin Str., Irkutsk, 664025, Russian Federation
kafedra_rgf@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-143-163

УДК 81'42

ДИСКУРС МЮЗИКЛА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Маник С.А., Григорян А.А.

Цель. Статья посвящена малоизученному вопросу определения и описания характерных особенностей дискурса мюзикла. Предметом исследования выступают известные американские мюзиклы 70-х гг. XX в. «Jesus Christ Superstar» (1970) и «Sweeney Todd: The Demon Barber of Fleet Street» (1979). Авторы ставят целью раскрыть и проиллюстрировать специфические черты дискурса мюзикла, выделить его в качестве отдельного вида музыкального и театрального дискурса.

Методология проведения работы. Обозначив предпосылки появления жанра «мюзикл», авторы выделяют ключевые аспекты музыкального и театрального дискурса, предлагают определение дискурса мюзикла и описывают его основные характеристики на материале двух американских мюзиклов разных тематик и жанров.

Результаты. Результаты работы заключаются в том, что авторы предлагают определение дискурса мюзикла и выделяют его характерные особенности (сочетание разных жанров театрального искусства в рамках одного мюзикла, жанровое разнообразие, специфика цели, лингвистические характеристики, роль экстралингвистических факторов, экспрессивность и образность, условность, связность и цельность, интертекстуальность и интермедialность, незавершенность и т.п.).

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере дискурсных исследований, а также на практических занятиях по анализу текста и семинарах по литературоведению.

Ключевые слова: мюзикл; театральный дискурс; музыкальный дискурс; дискурс мюзикла; характерные черты дискурса мюзикла.

DISCOURSE OF MUSICAL: DEFINITION AND SPECIFIC FEATURES

Manik S.A., Grigoryan A.A.

Purpose. *The article deals with the insufficiently studied issue of defining and describing peculiar features of the discourse of musical. The subject of the analysis is widely known musicals of the 1970s «Jesus Christ Superstar» (1970) and «Sweeney Todd: The Demon Barber of Fleet Street» (1979). The authors aim to reveal and illustrate specific characteristics of the discourse of musical, distinguish its being a type of musical and theatrical discourse.*

Methodology. *On determining the prerequisite to the emergence of the genre “musical”, the authors highlight the key aspects of musical and theatrical discourses, provide the definition of the discourse of musical and describe its main features as exemplified by two American musicals and different themes and genres.*

Results. *The findings of the paper constitute the fact that the authors suggest the definition of the discourse of musical and lay emphasis on its peculiar features (combination of various genres of theatre art within a musical; genre variations; specific character of objective; linguistic peculiarities; role of extra-linguistic factors; expressiveness figurativeness; integrity and unity; conventionality; intertextuality and intermediality; incompleteness, etc.).*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of discourse researches, as well as during the practical classes of text analysis and seminars on literature studies.*

Keywords: *musical; theatrical discourse; musical discourse; discourse of musical; peculiar features of discourse of musical.*

Введение

Мюзикл представляет собой уникальное направление театрального искусства, которое сформировалось сравнительно недавно (40-е гг. XX в.) под влиянием фольклора и джаза, но заняло особое

место в американской и мировой культуре. Несмотря на популярность и значимость данного жанра в современном театре, его исследованию уделяется незаслуженно мало внимания. Безусловно, в постановке и будущем успехе мюзикла играют важную роль не только музыкальное сопровождение, режиссерские, сценические и актерские решения, но также его либретто, которое может послужить хорошим и интересным материалом для изучения лингвистами. Обращение научной общественности к рассмотрению дискурса и его различных типов растет с каждым годом, однако языковой материал мюзиклов обделен вниманием ученых-филологов, несмотря на широкое распространение этого жанра театрального искусства. Таким образом, актуальность работы обусловлена малоизученностью феномена «дискурс мюзикла» и связана с необходимостью формулирования понятия и определения его характерных особенностей, ввиду особой популярности жанра «мюзикл» в современном театре, а также интересом к исследованию различных видов дискурса с научной точки зрения.

Теоретическую основу для написания работы составили труды в области изучения мюзикла (Э. Кампус, С. Ситрон, К. Коволки), дискурса (В.Г. Бороботько, Е.О. Менджеричская, В.И. Карасик, Т.А. ван Дейк, Н.Д. Арутюнова, К. Хаузенблас, Ю.С. Степанов, М.Л. Макаров, Ю.Н. Караулов), театрального дискурса (А.С. Шевченко, А. Уберсфельд., П. Пави, Н.Н. Мошникова, К. Руйтенберг), музыкального дискурса (А.М. Черемисин, Г.К. Жукова, А.А. Чернобров, А. Мур), семиотики театра (У. Эко, К. Элам, Г.Е. Крейдлин, Е.В. Илова), семиотики музыки (Н.Б. Мечковская, Б.В. Асафьев, М.Г. Арановский) и невербальной коммуникации (Ф.И. Карташкова, Е.А. Вансяцкая, А. Мейерабиан, И.Н. Горелов, В.А. Лабунская, В.И. Дубинский, Р. Бирдвистел, Э. Холл, И.И. Аминов, К.А. Добрикова и др.).

Целью данного исследования является формулирование малоизученного понятия «дискурс мюзикла» и выявление его характерных особенностей на материале дискурса известных мюзиклов 70-х гг. XX в. «Jesus Christ Superstar» (1970) и «Sweeney Todd: The Demon Barber of Fleet Street» (1979).

Материалы и методы

Настоящая работа основывается на анализе дискурса мюзиклов «Jesus Christ Superstar» и «Sweeney Todd: The Demon Barber of Fleet Street» и выделении отличных черт дискурса мюзикла от дискурса театрального и музыкального. Рассматриваемые мюзиклы являются богатым материалом для исследования ввиду их культового статуса в рамках мировой театральной культуры, их популярности на протяжении последних тридцати лет и актуальности тематики.

Как и многие другие произведения жанра «мюзикл», оба рассматриваемые сочинения соединяют в себе черты различных жанров театрального искусства. Практически полное отсутствие диалогов в сочетании с вокальными номерами, выступающими в качестве основных двигателей сюжета, указывает на присутствие в мюзикле черт оперы. Хореография также играет ключевую роль в этих мюзиклах как в постановке массовых номеров с кордебалетом и хором, так и в сольных номерах, где важным является хореографически обусловленное расположение актеров и их жесты. Пьесовое начало в мюзикле характеризуется наличием нескольких параллельно развивающихся конфликтов.

В исследовании используется метод обобщения и описания, метод контекстного анализа, метод моделирования, метод сравнительно-сопоставительного анализа материала.

Результаты и обсуждение

Мюзикл уходит корнями к таким направлениям развлекательной направленности театрального искусства XIX в., как менестрель-шоу (minstrel show – короткие комические сценки, которые пародируют быт, музыку и танцы афроамериканцев); бурлеск (burlesque – сборник разнообразных эстрадных номеров, в основе которых лежит двусмысленность и вульгарность); водевиль (vaudeville – музыкальные, танцевальные и цирковые номера в произвольном порядке); оперетта (operetta – представление, соединяющее слова, сценическое действия, музыку и хореографию). Формирование и становления джаза в XX в., его большая популярность также оказали влияние на развитие театрального искусства. К

началу 1940-х гг. джазовые номера были включены почти во все музыкально-комедийные спектакли, что повлекло за собой изменение драматургической основы постановок: сюжет и герои становились все менее тривиальными и пошлыми. Таким образом через объединение джазовой музыки и комедийных скетчей возник мюзикл [15].

Традиционно датой рождения нового жанра считают март 1943 г., когда на Бродвее состоялась премьера спектакля «Oklahoma!» («Оклахома!») Ричарда Роджерса и Оскара Хаммерстайна. Он был воспринят публикой и критиками как нечто новое и необычное, как результат поиска новых сценических форм. Позже авторами для описания данного жанра был предложен термин «мюзикл».

Целесообразно подчеркнуть, что довольно сложно установить, что такое мюзикл (musical – англ. музыкальный, сокр. от musical comedy или musical play) и каковы его главные особенности. Все известные определения зафиксированы в справочниках и различных энциклопедических и терминологических словарях. Например, ресурс Мюзиклы.ru предлагает следующую дефиницию: «в современном понимании это драматическое произведение, в котором содержание передается с помощью слитых в единое целое доступных широкому зрителю музыки, песни и танца. От других разновидностей драматических произведений для музыкального театра (опера, оперетта, балет) мюзикл отличает в первую очередь синтетичность: ни вокальные, ни танцевальные номера, ни музыкальное сопровождение в мюзикле не являются самодостаточными – они лишь служат равноправными средствами передачи содержания» [10].

В свою очередь, на образовательном ресурсе School collection отмечается, что мюзикл – это «особый сценический жанр, где в неразрывном единстве сливаются драматическое, музыкальное, вокальное, хореографическое и пластическое искусства. На современном этапе – один из самых сложных и своеобразных жанров, в котором, в той или иной степени, нашли свое отражение чуть ли не все стили сценического искусства, существовавшие прежде» [11].

Каждое из известных определений мюзикла подчеркивает синтетичность жанра, обращая особое внимание на взаимодействие

хореографического, вокального и драматургического искусств, упоминая, однако, совершенно различные особенности жанра, что доказывает сложность однозначного определения жанра. На наш взгляд, мюзикл представляет собой синтетический жанр театрального и кинематографического искусства, включающий в себя элементы оперы, оперетты, классического и современного балета и пьесы; постановки этого жанра состоят из музыкальных номеров, сопровождающихся вокалом и/или хореографией и образующих единую художественную единицу.

Выделение дискурса мюзикла как отдельного вида театрального и музыкального дискурса базируется на теоретических воззрениях известных ученых о дискурсе. Принимая во внимание особенности жанра мюзикла, основывающегося не только на текстах либретто, но и на разнообразных театральных средствах художественного воздействия: от мимики актеров до тональности музыки, важно отметить, что данный дискурс охватывает не только лингвистические, но и внеязыковые, экстралингвистические факторы (прагматические, социокультурные, психологические и т.п.) [2; 5; 8] и не связывает понятие «дискурса» исключительно с текстом.

А.С. Шевченко справедливо описывает театральный дискурс как «знаково-символическую деятельность, осуществляемую в публичном коммуникативном пространстве и обладающую обязательными свойствами: целостностью, связностью, информативностью, коммуникативно-прагматической направленностью, а также факультативно – медийностью» [14]. Вместе с тем значительную роль при формулировании этого дискурса играет автор театрального произведения и исполнители [3; 4; 12; 16]. Так, А.М. Черемисин при описании музыкального дискурса привлекает внимание к феномену музыкально-коммуникативного события, состоящего из музыкального текста, записанного на нотной бумаге, озвучивания этого текста, движений тела и мимики исполнителя, и пространства, использующегося в ходе музыкального общения [1; 6; 7; 13].

Дискурс мюзикла, объединяя в себе черты музыкального и театрального дискурса, представляет собой отдельный вид дискурса,

поскольку это сложное художественное и коммуникативное явление, формирующееся в результате взаимодействия специфических лингвистических (текст либретто, пьесы или любого другого произведения, на котором основан мюзикл) и разнообразных экстралингвистических факторов, связанных с художественной составляющей мюзикла (игра актеров, декорации, идея создания произведения, тональность и темп музыкального сопровождения и т.д.), и обеспечением успешной реализации идеи (продюсирование, реклама и т.д.).

Принимая во внимание все отмеченные особенности музыкального и театрального дискурса, свойственные дискурсу мюзикла, важно выделить ряд характерных черт, отличающих именно этот вид дискурса:

1. Сочетание разных жанров театрального искусства в рамках одного произведения

В отличие от других видов театральной деятельности, мюзикл включает в себя, главным образом, элементы пьесы, оперы, оперетты, балета, водевиля и т.п., что делает его совершенно особым жанром. Например, «Jesus Christ Superstar», первая «рок-опера», сочетает в себе черты различных жанров театрального искусства. Практически полное отсутствие диалогов в сочетании с вокальными номерами, выступающими в качестве основных двигателей сюжета, указывает на присутствие в мюзикле черт оперы. Хореография также играет ключевую роль в этом мюзикле как в постановке массовых номеров с кордебалетом и хором («The Temple», «King Herod's Song» и т.д.), где преобладающим является стиль современного балета, так и в сольных номерах, в которых важным представляется хореографически обусловленное расположение актеров и их жесты. Пьесовое начало в мюзикле характеризуется наличием нескольких параллельно развивающихся конфликтов (конфликт между Иисусом и правителями Иерусалима, моральные конфликты Иуды и Понтия Пилата с самими собой, эмоциональный конфликт Марии Магдалины с самой собой и т.п.).

Мюзикл «Sweeney Todd: The Demon Barber of Fleet Street» также сочетает в себе черты двух жанров театрального искусства: оперы и

пьесы. Мюзикл по структуре, содержанию и реализации во многом напоминает оперу, что подтверждают многочисленные постановки в оперных театрах и непрекращающиеся споры о жанровой принадлежности произведения. Присутствие нерифмованных диалогов между ариями и ярко выраженные драматические конфликты, в свою очередь, отражают пьесовую сторону произведения. Особенностью данного мюзикла является также практически полное отсутствие хореографии в традиционном ее понимании: значимыми хореографическими элементами можно назвать только движения актеров, их расположение на сцене и взаимодействие между собой несмотря на то, что некоторые танцевальные элементы присутствуют в отдельных номерах.

2. Авторство произведения

Мюзикл может иметь как одного автора, так и нескольких (композитор и автор либретто). Количество авторов, их взаимодействие и личностные особенности играют важнейшую роль в создании мюзикла, и, следовательно, в формировании его дискурса. Так, например, мнение Тима Райса (Tim Rice), либреттиста «Jesus Christ Superstar», о фигурах Иисуса и Иуды и интерес к ним как к личностям послужили отправной точкой для написания либретто и формирования образов героев и общего посыла мюзикла. Райс считал библейский образ Иуды карикатурно злым и искусственным, поэтому в своем либретто он попытался очеловечить его, что привело к новой, нестандартной интерпретации классического евангельского персонажа и его мотивации.

3. Жанровое разнообразие

Существует большое разнообразие поджанров мюзикла: комедийные, романтические, рок-оперы, «музыкальные триллеры» и т.п. Например, мюзикл «Sweeney Todd: The Demon Barber of Fleet Street» стал во многом новаторским мюзиклом. Стивен Сондхайм был одним из первых, кто решил посвятить мюзикл мрачным и жестоким темам. Позже назвал свое произведение «музыкальным триллером», таким образом, став основателем нового жанра и вдохновителем многих других деятелей театра.

4. Наличие специфической цели

Исключительно передача какой-либо информации довольно редко является целью дискурса мюзикла. Гораздо чаще целями могут служить привлечение внимания к социальным, психологическим и политическим проблемам с помощью эмоционального воздействия на зрителя, самовыражение автора, режиссера, актеров и т.п., а также финансовая выгода.

Цель мюзикла «Jesus Christ Superstar» выходит за рамки самовыражения авторов, режиссеров, актеров и т.п. Райс и Ллойд Уэббер, несмотря на специфику выбранной ими темы, не задавались целью возвеличить и прославить образ Христа, а напротив стремились очеловечить библейских персонажей и побудить зрителей к размышлению об Иисусе и Иуде как о людях, чьи жизни оказались трагически оборваны. Все персонажи представлены в мюзикле похожими на обычных людей: четкое разделение на положительных и отрицательных героев отсутствует, у каждого персонажа есть свой внутренний конфликт (конфликт Иисуса с Богом, Иудой и властями Иерусалима; конфликт Иуды с Иисусом, Марией Магдалиной и самим собой; конфликт Понтия Пилата с самим собой и т.д.) и своя мотивация к поступкам, продиктованная определенными убеждениями и стремлениями.

Ведущей целью дискурса «Sweeney Todd: The Demon Barber of Fleet Street» является создание интересной и захватывающей истории об одержимости человека, что не раз подчеркивал в своих интервью и сам Сондхайм. Второстепенными целями также служат стремление автора к самовыражению и созданию принципиально нового поджанра мюзикла.

5. Высокая значимость лингвистических факторов

Либретто играет важнейшую роль в формировании дискурса мюзикла. Текст либретто является не только стихотворным произведением, с помощью которого сюжет получает развитие, но также служит инструментом создания персонажей, построения конфликта, одним из способов достижения цели дискурса конкретного мюзикла и средством самовыражения автора.

Так, образ Иисуса-человека, ставшего жертвой обстоятельств, формируется с помощью мотива в виде строки «He's a man – he's just a man» в речи других персонажей (арии «Judas' Death» и «I Don't Know How to Love Him») и с помощью открывающей арии-монолога «Heavens on Their Minds» Иуды (If you strip away / The myth from the man /... They think they've found the new Messiah / And they'll hurt you when they find they're wrong). Главный герой также описывается другими персонажами как человек, почитаемый и превозносимый толпой («the crowd crown him king» – в арии «This Jesus Must Die»; «There must be over fifty thousand / Screaming love and more for you / And every one of fifty thousand / Would do whatever you ask him to» – «Simon Zealotes/Poor Jerusalem» «This Jesus Must Die»). Положительные качества Иисуса, заслужившие ему славу, описываются с помощью немногочисленных в либретто эпитетов («A most amazing man; He had that look you very rarely find / The haunting, hunted kind» – «Pilate's Dream»). Иисус также раскрывается, как герой, не думающий о завтрашнем дне («Don't you mind about the future / Don't you try to think ahead / Save tomorrow for tomorrow / Think about today instead» – «What's the Buzz/Strange Thing Mistifying»), однако четко осознающий и предсказывающий, что его ждет («Peter will deny me in just a few hours / Three times will deny me - and that's not all I see / One of you here dining, one of my twelve chosen / Will leave to betray me» – «The Last Supper»). Иисус чувствует, как несправедливо с ним обходится жизнь и бог, и вступает в конфликт с ним и самим собой, что отражается в арии «Gethsemane» («I only want to say / If there is a way / Take this cup away from me / For I don't want to taste its poison / ... Could you ask as much from any other man? / Why I should die? / ... If I die, what will be my reward?»). Ария выражает посыл всего мюзикла и отражает страх смерти Иисуса, его отчаяние и сомнение в своем божественном происхождении и в том, под силу ли ему преодолеть все уготовленные испытания. Усталость и потерянности главного героя также помогает раскрыть использование Райсом мотива в виде строки «Tried for three years, seems like thirty» в ариях «Gethsemane», «The Temple» и строках «There's

too many of you; don't push me / There's too little of me; don't crowd me / Heal yourselves!» в арии «The Temple». Немаловажным является также сравнение Иисуса с рок-звездой, что подчеркивает его влияние на историю и умы людей по всему миру и отражается не только в названии мюзикла, но и в речи героев («Tell the rabble to be quiet; we anticipate a riot / This common crowd is much too loud / Tell the mob who sing your song / That they are fools and they are wrong»; «Sanna ho, sanna hey, Superstar» – «Hosanna»; «Jesusmania» – в арии «This Jesus Must Die», что может быть также отсылкой к феномену Битломании).

В либретто мюзикла преобладает современная лексика, встречаются сленгизмы, разговорные слова и фразы (с'mon; gonna; wanna; What's the buzz?; alright; blockhead; cash on the nail; a jaded mandarin и т.д.), что является одной из главных лингвистических особенностей «Jesus Christ Superstar». Такой выбор лексики позволяет достичь основной цели дискурса мюзикла, создать живых и правдоподобных персонажей, сближает их со зрителями, упрощает восприятие в целом и служит созданию общей атмосферы. Этим же целям служит упоминание современных реалий в контексте древней библейской истории (mass communication; PR; Mohamed и т.п.).

Также в либретто встречается и достаточно большое количество «библейской» лексики (messiah; hosanna; amen; thy; apostle; myrrh; doom; heaven; hell; gospel; priest; martyr; crucify и т.д.), что свойственно произведениям подобной тематики, которая связывает дискурс «Jesus Christ Superstar» с религиозным дискурсом и служит созданию общей атмосферы и отсылает к хронотопу мюзикла. Эти же функции выполняют цитаты Библии и аллюзии к ней («If your slate is clean, then you can throw stones / If your slate is not, then leave her alone» – «What's the Buzz/Strange Thing Mystifying»; «This is my blood you drink / This is my body you eat» – «The Last Supper»; «Prove to me that you're divine — change my water into wine»; «Prove to me that you're no fool — walk across my swimming pool» – «King Herod's Song»; «Pretty good wages for one little kiss» – «Judas' Death»; «I wash my hands» – «Trial Before Pilate/39 Lashes» и т.п.).

Также целесообразно отметить использование в либретто юридической лексики для создания негативного образа первосвященника Иудеи Каиафы и всего государства и характеристики его действий как благотворных для страны в его глазах («We have the papers, we need to arrest him / You know his movements, we know the law»; «This isn't bloody money, it's a fee» – «Damned for All Time/ Blood Money»; «Jesus, you must realize / The serious charges facing you»; «What more evidence do you need?» – «The Arrest»; «We have no law to put a man to death» – «Trial Before Pilate/39 Lashes»). Для отражения пренебрежительного и ироничного отношения первосвященника и его помощников к главному герою и его деятельности используется нарочито современная для того времени лексика («Jesus is cool»; «his half-witted fans»; «he's top of the poll»; «baptism thing»; «JC»; «Superstar»; «the hit»; «Did you know your messy death would be a record breaker?»).

Также интересно использование имен главных героев, которые употреблены в либретто и как обращения, и как устоявшиеся выражения и возгласы («Jesus! / You've started to believe / The things they say of you» – «Heavens on Their Minds»; «Christ, you know I love you» – «Simon Zealotes/Poor Jerusalem»; «You liar – you Judas»; «Christ, you deserve it!» – «The Last Supper» и т.п.).

В свою очередь, в дискурсе мюзикла «Sweeney Todd: The Demon Barber of Fleet Street» либретто также является не только двигателем сюжета, но и инструментом формирования правдоподобных и выразительных образов персонажей.

Так, одним из ключевых инструментов к пониманию и трактовке многих образов становятся их говорящие фамилии. Можно предположить, что под фамилией главного героя произведения Тодд (Todd) имеется в виду измененная форма немецкого существительного «Tod», переводящегося как «смерть». Действительно, жизнь героя и путь, выбранный им, непосредственно связаны со смертью: пережив гибель любимого человека, он сам начинает убивать. Стоит отметить, что существует версия о происхождении фамилии от среднеанглийского слова «todde», что в переводе означает «лис».

Однако, примечательно, что герой выбирает себе эту фамилию сам, и этот выбор, скорее всего, не случаен, что позволяет отдать предпочтение первой версии, подчеркивающей мотив мести и смерти.

Для успешного создания ярких и правдоподобных действующих лиц Сондхайм также прибегает к воссозданию на письме, а впоследствии и в речи актеров и особенностей речи различных героев. Акцент Миссис Лаветт, одной из главных героинь мюзикла, (“can’t ya sit?”, “’em”; “t’other”; “wot’s”; “wanderin’”; “me head” и т.д.) иллюстрирует невысокий социальный статус персонажа, недостаточную образованность и ее происхождение. Передача не только акцента, но и манеры речи значима для образа Миссис Лаветт. Часто героиня не может сконцентрироваться на чем-то одном, ее сознание мечется от одной мысли к другой, что так же лингвистически выражается в арии «The Worst Pies in London» («Do forgive me if me head’s a little vague — / Ugh! / What is that? / But you’d think we had the plague From the way that people — / Keep avoiding — / No you don’t! / Heaven knows I try, sir! / Ick! / But there’s no one comes in even to inhale — / Tsk! / Right you are, sir. Would you like a drop of ale?»). Для создания образа лживого и хитрого Пирелли в арии «The Contest» автор использует гипертрофированный итальянский акцент, который впоследствии оказывается фальшивым («wish-a»; «his-a»; «to pull-a the toot»; «zee victor» и т.п.).

Другим важнейшим инструментом создания являются различные средства речевой выразительности. Для описания жестокого и аморального Судьи Терпина используются метафоры, сравнивающие его с животным («a pious vulture of the law»; «a gesture of his claw» – «The Barber and His Wife»). Сюжетно значимым также является передача изменения в течение повествования восприятие посетителями пирогов Миссис Лаветт с помощью, эпитетов, описывающих ее продукцию («revolting»; «greasy»; «gritty» – о пирогах, сделанных из обычного, но дешевого мяса в арии «Worst Pies in London», «delicate»; «luscious»; «ambrosial» – о пирогах, сделанных из человеческого мяса в арии «God That’s Good!». Важным также является образ лезвий, которые Тодд использует в своей

работе. Они становятся не только инструментом для совершения мести главным героем (и соответственно двигателями сюжета), но и его истинными друзьями, что передается с помощью использования олицетворений в речи персонажа («These are my friend / ... See this one glisten / How he smiles in the light»; «Speak to me, friend / Whisper, I'll listen» – «My Friends»). Особое внимание следует уделить также созданию образа Лондона, города, где разворачивается действие мюзикла. Сквозь призму восприятия Тодда Лондон предстает ужасным местом, где царит несправедливость, и речь героя наполнена сравнениями и метафорами, сравнивающими жителей с животными («There's a hole in the world like a great black pit / The vermin of the world inhabit it / And its morals aren't worth / What a pig could spit / And it goes by the name of London. / At the top of the hole / Sit the privileged few, / Making mock of the vermin / In the lower zoo, / Turning beauty into filth and greed» – «No Place Like London»).

С созданием образа Лондона также связано использование другого распространенного приема в творчестве Сондхайма: наделение реплик противоположным или двойным значением. Так, в арии «No Place Like London») и Тодд, и Энтони исполняют одни и те же строки «No, there's no place like London» «I have sailed the worlds and seen its wonders», однако их смысл контрастен: Энтони смотрит на город с восторгом и ожиданием чего-то прекрасного, в то время как речи Тодда слышно ироническое отношение, ненависть и сожаление, связанное со страданиями, пережитыми там.

Важнейшей особенностью либретто «Sweeney Todd: The Demon Barber of Fleet Street» является использование Сондхаймом различных лингвистических юмористических элементов. Лингвистические инструменты помогают сохранить в мюзикле баланс между комедийным и трагичным. Особая роль в этом отведена иронии, и, как правило, арии, затрагивающие самые неприятные темы (убийство людей и последующее использование их плоти в качестве начинки для пирожков Миссис Ловетт) написаны с использованием множества шуток, каламбуров и игры слов. Несмотря на то, что жанром мюзикла является музыкальный триллер, темы убийства и

каннибализма часто высмеиваются героями и преподносятся автором в легкой манере. Для этого Сондхайм использует упомянутые выше юмористические инструменты: иронию («And what if none of their souls were saved? They went to their maker impeccably shaved» об убийстве Тоддом его клиентов в арии «The Ballad of Sweeney Todd»), каламбуров и игры слов (в арии «A Little Priest»: «LOVETT: It's priest. Have a little priest. TODD: Is it really good? LOVETT: Sir, it's too good at least» – Миссис Лаветт и Тодд представляют, как будут печь пироги из клиентов Тодда; «Mm, heavenly!» – Тодд комментирует одновременно вкус пирога и священника; «LOVETT: Then actor. It's compactor! TODD: Yes and always arrives overdone» – to overdo здесь используется как в значении «пережарить», так и в значении «переигрывать»).

6. Исключительная роль экстралингвистических факторов

Как и для многих других видов дискурса, связанных с искусством, внеязыковые факторы (декорации, интонация речи актеров, световое оформление и т.д.) являются одними из основополагающих элементов для дискурса мюзикла, без них невозможно его существование [9].

7. Экспрессивность и образность

Одна из главных целей мюзикла – воздействие на эмоции зрителя с помощью многочисленных художественных приемов, образов и символов, обладающих высокой степенью экспрессивности. Речь об этом шла ранее.

8. Взаимодействие с другими типами дискурсов

Дискурс мюзикла, как правило, не может быть единственным в рамках постановки. Во время создания мюзикла авторы обращаются к актуальным или вечным социальным, политическим и личностным проблемам, взаимодействуя с самыми разнообразными видами дискурсов. Также источник идеи и сюжета сценария могут быть вдохновлены самыми различными источниками, объединяя дискурс мюзикла с литературным, политическим дискурсом, дискурсом кино и т.п.

9. Условность

Дискурс практически любого мюзикла часто подразумевает неправдоподобность, условность и символичность его «мира», зако-

нов, действующих в нем, пространства и времени для осуществления максимального художественного взаимодействия на зрителя, достижения цели дискурса конкретного мюзикла, самовыражения автора, создания фантастического мира в рамках постановки и т.д.

10. Связность и цельность

Эта особенность характерна для большинства дискурсов различных видов художественной деятельности, в том числе и дискурса мюзикла, и подразумевает объединение всего произведения единой темой, хронотопом, художественными приемами и т.п., что позволяет сделать из произведения цельную художественную единицу.

11. Интертекстуальность и интермедиальность

Как и большинство других видов художественной деятельности, мюзикл часто взаимодействует и цитирует произведения литературы, кинематографа, живописи и т.п., а также делает аллюзии на них, без понимания которых зритель не может полноценно осознать смысл и посыл постановки или ее части.

12. Способность к интерпретации

Жанр мюзикла подразумевает возможность интерпретации произведения, что доказывает большое количество повторных постановок мюзиклов, отличных по многим аспектам от оригинала (различный подход к режиссуре, актерской игре, хореографии, аранжировке и т.п.), то есть дискурс конкретного мюзикла может служить ресурсом иных последующих дискурсов.

13. Важность публики

Дискурс мюзикла, как и многие другие виды художественного дискурса, подразумевает наличие публики – людей, являющихся главными адресатами. Зрители играют важную роль на всех этапах формирования дискурса мюзикла: от процесса создания постановки (направленность на определенную целевую аудиторию), до ее коммерческого и творческого успеха (заработок, спрос и т.п.). На этом этапе важную роль также играет оценка мюзикла критиками и театральным сообществом.

14. Незавершенность

Дискурс мюзикла, как и многие другие виды дискурса, позволяет зрителям по-своему интерпретировать или обдумывать его

посыл, то есть существование дискурса мюзикла продолжается за его пределами в сознании человека.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что мюзиклы и их либретто представляют богатый материал для изучения с лингвистической точки зрения. В ходе анализа удалось установить, что, несмотря на различие в жанровой принадлежности, тематике, направлении музыкального сопровождения, целях, личностей и количества авторов, образной системе и т.п., в основе формирования дискурсов большинства мюзиклов лежат одни и те же принципы и компоненты, по-разному интерпретируемые авторами.

Однако стоит отметить, что для каждого произведения ведущими и первостепенными являются различные составляющие дискурса мюзикла. Так, в дискурсе «Sweeney Todd: The Demon Barber of Fleet Street» наибольшее внимание уделяется лингвистической стороне (формированию образов, юмору, рифме и т.п.) и ее взаимодействию с экстралингвистическими факторами произведения (музыкальное сопровождение, игра актером и т.п.), в то время как дискурс «Jesus Christ Superstar» характеризуется, прежде всего, наличием специфических целей и тесным взаимодействием с религиозным дискурсом.

Представляется необходимым продолжить работу по изучению дискурса мюзикла, выделению характерных черт на материале других произведений.

Список литературы

1. Арановский М.Г. Музыкальный текст. Структура и свойства. М.: Композитор, 1998. С. 59-77. URL: <http://opentextnn.ru/old/music/Perception/index.html?id=4721> (дата обращения: 01.11.2020).
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Бороботько Л.А. Авторский метатекст как ориентирующая система в коммуникативном пространстве театрального дискурса: Дисс. ... ст. канд. фил. наук. М., 2015. 197 с.

4. Груздева М.М. Взаимодействие театрального и других дискурсов в СМИ (на примере функционирования тематических метафор) // Вестник Московского государственного университета. Серия 10: Журналистика. №1. М., 2019. С. 117–134.
5. Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
6. Жукова Г.К. Музыкальный смысл: Язык, речь, мышление, дискурс // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб, 2010. С. 96–102.
7. Клычкова М.А. Песенный (музыкальный) дискурс в работах зарубежных лингвистов // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: традиции и инновации. М., 2018. С. 261–265.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М: Гнозис, 2004. 390 с.
9. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика и театр // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово, 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnaya-semiotika-i-teatr> (дата обращения: 30.10.2020).
10. Мюзиклы.ru. URL: http://musicals.ru/about_genre/dictionary/musical (дата обращения 09.11.2020).
11. МЮЗИКЛ. URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/b2a15c03-fc5a-322b-2b1b-5f01767728e6/1010534A.htm> (дата обращения: 01.11.2020).
12. Суленёва Н.В. Интертекстуальность телевизионного постановочного дискурса в пространстве театральной режиссуры // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 19. № 9. Челябинск, 2008. С. 144–149.
13. Черемисин А.М. Музыкально-коммуникативное событие: факторы формирования музыкального дискурса: Дисс. ... ст. канд. филос. наук. Тамбов, 2004. 162 с.
14. Шевченко А.С. Театральный дискурс: структура, жанры, особенности лингвистической репрезентации (на примере русского, английского и бурятского языков): Автореф. дисс. ... ст. канд. фил. наук. СПб, 2012. 20 с.

15. Kowalke K.H. Theorizing the Golden Age Musical: Genre, Structure, Syntax // *A Music Theoretical Matrix: Essays in Honor of Allen Forte (Part V)*, ed. David Carson Berry, *Gamut* 6/2, 2013. P. 133–184.
16. Ruitenbergh C. Discourse, theatrical performance, agency: The analytic force of “performativity” in education // *Philosophy of Education*, 2008. P. 260–268.

References

1. Aranovskij M.G. *Muzikalnij tekst. Struktura i svoistva* [Musical text. Structure and features]. Moscow: Compositor, 1998: 59-77. URL: <http://opentextnn.ru/old/music/Perception/index.html?id=4721>
2. Arutunova N.D. Diskurs [Discourse]. *Lingvističeskij etziklopedičeskij slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990. P. 136–137.
3. Borobotko L.A. *Avtorskij metatekst kak orientirujushaya sistema v kommunikativnom prostranstve teatralnogo diskursa* [Author’s metatext as an orienting system in communicative space of theatrical discourse]: Diss. ... st. kand. fil. nauk. Moscow, 2015. 197 p.
4. Gruzdeva M.M. Vzaimodejstviye teatralnogo i drugikh diskursov v smi [Correlation of theatrical and other discourses in mass media]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 10: Journalism*. Moscow, 2019. P. 117–134.
5. Dejk T.A. van. *Yazik, poznanije, kommunikacziya* [Language, cognition, communication]. Moscow: Progress, 1989. 312 p.
6. Zukova G.K. Muzikalnij smisl: yazik, rech, mishlenije, diskurs [Musical meaning: language, speech, cognition, discourse]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gertsena. St. Petersburg*, 2010. P. 96–102.
7. Klichkova M.A. Pesennij (muzikalnij) diskurs v rabotah zarubeznych lingvistiv [Song (musical) discourse in works of foreign linguists]. *Aktualnije voprosi lingvistiki i lingvodidaktiki: traditcii i innovaczii* [Actual problems of linguistics and linguodidactics: traditions and innovations]. Moscow, 2018. P. 261–265.
8. Karasik V.I. *Yazikovoj krug: lichnost, kontzepti, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis, 2004. 390 p.

9. Kreidlin G.E. Neverbalnaya semiotika i teatr [Non-verbal semiotics and theatre]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kulturni i iskusstva*. Kemerovo, 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neverbalnaya-semiotika-i-teatr>
10. Muzikli.ru [Musicals.ru]. URL: http://musicals.ru/about_genre/dictionary/musical
11. *Muzikl* [Musical]. URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/b2a15c03-fc5a-322b-2b1b-5f01767728e6/1010534A.html>
12. Sulenova N.V. Intertekstualnost televizionnogo postanovochnogo diskursa v prostranstve teatralnoj rezhisuri [Intertextuality of televised staged discourse in theatre production]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Issue 19. №: 9. Chelyabinsk, 2008. P. 144–149.
13. Cheremisin A.M. *Muzikalno-kommunikativnoye sobitije: faktori formirovaniya muzikalnogo diskursa* [Musical and communicative event: factors of musical discourse formation]: Diss. ... st. kand. filosof. nauk. Tambov, 2004. 162 p.
14. Shevchenko A.S. *Teatralnij diskurs: struktura, ganri, osobennosti lingvisticheskoj reprezentatsii* [Theatrical discourse: structure, genres, peculiarities of linguistic representation]. St. Petersburg, 2012. 20 p.
15. Kowalke K.H. Theorizing the Golden Age Musical: Genre, Structure, Syntax. A Music Theoretical Matrix: Essays in Honor of Allen Forte (Part V), ed. David Carson Berry, *Gamut* 6/2, 2013. P. 133–184.
16. Ruitenbergh C. Discourse, theatrical performance, agency: The analytic force of “performativity” in education. *Philosophy of Education*, 2008. P. 260–268.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Маник Светлана Андреевна, доцент кафедры зарубежной филологии, доктор филологических наук
Ивановский государственный университет
ул. Тимирязева, 5, г. Иваново, 153025, Российская Федерация
Svetlana_manik@yahoo.com

Григорян Ашот Арамович, профессор кафедры зарубежной филологии, доктор филологических наук
Ивановский государственный университет
ул. Тимирязева, 5, г. Иваново, 153025, Российская Федерация
yerkat@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Manik Svetlana Andreevna, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Doctor of Philology
Ivanovo State University
5, Timiryazev Str., Ivanovo, 153025, Russian Federation
Svetlana_manik@yahoo.com

Grigoryan Ashot Aramovich, Professor of the Department of Foreign Philology, Doctor of Philology
Ivanovo State University
5, Timiryazev Str., Ivanovo, 153025, Russian Federation
yerkat@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-164-182

УДК 811.221.18

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НЕЧЛЕНИМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Моргоева Л.Б.

Цель. Статья посвящена изучению коммуникативной природе нечленных предложений в осетинском языке, их структурной организации и семантической зависимости от контекста. Система нечленных синтаксических конструкций имеет тесную связь с морфологией и устойчивыми оборотами живой речи. Автор ставит целью рассмотреть структурные особенности нечленных конструкций и их семантическую вариативность в контекстном употреблении.

Метод или методология проведенной работы. Используются методы сравнительного и структурного анализа и обобщения.

Результаты. Для выявления особенностей контекстной семантики нечленных предложений осетинского языка критически проанализированы их типологические классификации, существующие на сегодняшний день. В ходе исследования был выявлен ряд проблем, связанных с определением статуса нечленных предложений в системе осетинского синтаксиса, терминологическим аппаратом, установлением категориальных признаков нечленности синтаксических конструкций и их морфологическим составом. Сопоставительный анализ различных подходов показал общность групп, входящих в систему нечленных предложений осетинского языка, в числе которых указательные, вопросительные и побудительные конструкции с утвердительной и отрицательной семантикой. Спорным остается включение в состав нечленных предложений конструкций с эмоционально-оценочной нагрузкой. Морфологический состав этих конструкций и отсутствие традиционных синтаксических связей между компонентами дает возможность рассматривать их как

нечленимые. Однако, явное тяготение к устойчивости большинства нечленимых предложений с эмоционально-оценочной нагрузкой сближает их с фразеологизированными конструкциями.

Область применения результатов. Результаты поведенного исследования могут послужить материалом для более глубокого и детального изучения феномена нечленимых синтаксических конструкций осетинского языка, в том числе и с привлечением смежных дисциплин.

Ключевые слова: синтаксис; нечленимое предложение; контекстная семантика; осетинский язык.

SEMANTIC ORGANIZATION OF INDIVISIBLE SENTENCES IN THE OSSETIAN LANGUAGE

Morgoeva L.B.

Purpose. The article is devoted to the study of the communicative nature of indivisible sentences in the Ossetian language, their structural organization and semantic dependence on the context. The system of indivisible syntactic constructions is closely connected with morphology and colloquial set expressions. The author aims to consider the structural features of indivisible structures and their semantic variability in contextual use.

The method or methodology of the work performed. The methods of comparative and structural analysis and generalization were used.

Results. To identify the features of the contextual semantics of indivisible sentences of the Ossetian language, their existing typological classifications were critically analyzed. In the course of the study, a number of problems were identified related to the determination of the status of indivisible sentences in the system of Ossetian syntax, the terminological apparatus, the establishment of categorical features of the inseparability of syntactic constructions and their morphological composition. A comparative analysis of various approaches showed the commonality of the groups included in the system of indivisible sentences of the Osse-

tian language, including indicative, interrogative and motivating constructions with positive and negative semantics. It remains controversial whether to include constructions with an emotional and evaluative load in the structure of indivisible sentences. The morphological composition of these constructions and the absence of traditional syntactic links between the components makes it possible to consider them as inseparable. However, the obvious gravitation towards the stability of the majority of indivisible sentences with an emotional and evaluative load brings them closer to phraseological constructions.

Practical implications. *The results of the behavioral research can serve as material for a deeper and more detailed study of the phenomenon of inseparable syntactic structures of the Ossetian language, including with the involvement of related disciplines.*

Keywords: *syntax; indivisible sentence; context semantics; Ossetian language.*

В осетинском языке значение грамматических форм единицы языка в полной мере раскрывается исключительно в тексте, демонстрируя свои функциональные возможности. Следуя этой концепции, наиболее привлекательной единицей живой речи является нечленимое предложение (НП), которое заслуживает специального исследования. В теории общей лингвистики НП относятся к разряду простого предложения и ограничиваются коротким общим определением с указанием основных функций в живой речи.

По своим функциональным признакам НП близки к повествовательным, вопросительным и восклицательным предложениям. Однако, надо понимать, что вопросительные предложения не всегда требуют ответа, а восклицательный знак не всегда побуждает к действию: все функционально-семантические особенности определяются в процессе речи, главным образом, во время диалога, когда говорящий под воздействием сиюминутных эмоций, провоцируемых возникающими в процессе речи мыслями, выстраивает свою речь.

Сфера употребления НП в основном сконцентрирована в разговорной речи и продиктована необходимостью выразить свое согла-

сие / несогласие и эмоциональное отношение на воспринимаемую информацию. Лексическими средствами выражения такого отношения являются слова *о* «да», *на* «нет», *хорз* «хорош», но, помимо них, говорящий часто прибегает к более сложным конструкциям с той же оценочной семантикой. Для анализа и классификации значений таких конструкций необходимо рассматривать их внутри контекста.

Предложение как синтаксическая единица строится на основе принципов разных уровней: грамматическая структура имеет предикативную основу; семантическая структура предполагает наличие компонентов, указывающих на субъект со значением предиката с действием; коммуникативная структура предложения требует наличие компонентов, указывающих на тему (исходную информацию) и рему (новые сведения по этой теме) [3, с. 62]. Отношения обеих частей предложения и деление их по объективной модальности связаны со смысловыми признаками предложения. Различные значения объективной модальности выражаются предложениях реальной и ирреальной модальности [Там же, с. 60]. Признаки различных субъективно-модальных оттенков выражаются в предложениях, демонстрирующих отношение к объективной реальности (сомнение, надежда, условия, безусловность и т.д.).

При том, что рассматриваемые нечленимые конструкции относятся к самостоятельному типу предложений, отношение к ним особое, и определение их места в системе простого предложения зачастую затруднено. Особенность их состоит в происхождении и характерном построении: между лексическими компонентами отсутствуют синтаксические отношения или они очень слабые, поэтому в них невозможно определение членов предложения (*О* «Да»; *Уæдæ на!* «А то нет!»; *Куыннаема, стæ!* «Да, конечно!»; *Æндар ма цы!* «Еще чего!»), и они не поддаются распространению при помощи второстепенных членов предложения (Ср.: *Сбон ис – Тагъд сбон ис* «Рассвело – Быстро рассвело»; *Зымаг – Узал зымаг* «Зима – Холодная зима»).

Ввиду того, что компоненты НП не изменяют свою грамматическую форму и используются в речи в закреплённом виде, их часто

называют словами-предложениями. Они не поддаются членению на односоставные и двусоставные, поэтому целесообразнее будет рассматривать в аспекте дихотомии «предложение – эквивалент предложения», т.е. считать нечленимые слова-предложения эквивалентами предложения [6, с. 21].

В отличие от предложений, их эквиваленты не имеют самостоятельной смысловой нагрузки и абстрактной грамматической формы, они определяются исключительно внутри контекста: *–Ды маем дзырдтай?/– О. «Ты меня звал? /– Да».* Здесь слово *О «Да»* опирается на смысловое содержание предыдущего предложения. После него возможны и другие слова, но они не заменяют друг друга. В отдельном виде слова *О «Да»* и *Нæ «Нет»* указывают на отношение к какому-либо конкретному высказыванию и не содержат внутреннего смысла. Именно такого мнения придерживается большинство ученых. Таким образом, НП не имеют определенной грамматической формы, признаков модальности, времени и лица. Наконец, НП состоят из немногочисленных лексико-грамматических единиц (главным образом модальных слов, междометий, частиц), и все они поддаются перечислению. Вместе с тем НП в диалогической речи часто используются при определенной речевой ситуации.

В теории современной лингвистике НП дается краткое определение, смысл которого сводится к тому, что они относятся к отдельному типу предложений и состоят из одного слова. По общим характеристикам и признакам их называют слова-предложения [3, с. 191], эквиваленты предложения [7; 6, с. 217], коммуникемы [8], и в научных источниках зачастую приводится одинаковый иллюстративный материал. Однако при более пристальном внимании к данному типу предложений выявляются особенности, которые вызывают определенные сомнения и пристальный интерес.

Так, НП завершают структурно-семантическую систему простого предложения. Основным характеризующим признаком является их нечленимость на структурные части высказывания, и они воспринимаются как единое целое. Такие предложения являются коммуникативным средством, которые не имеют предикативности

и традиционных членов предложения [10, с. 157]. Мысль высказывается без предикативного членения, а их семантическое наполнение окончательно определяется исключительно внутри контекста с учетом речевой ситуации. Слова, входящие в состав НП, лишены номинативного значения, что является их отличительным признаком, поэтому дифференциация таких предложений основана на категории слов, входящих в их состав. Иными словами, различают: а) слова – предложения, выраженные частицами; б) предложения, выраженные модальными словами; в) междометные предложения [1; 2; 4; 10].

НП, так же, как и остальные виды предложений, бывают утвердительные и отрицательные, а по цели высказывания – повествовательные, вопросительные, побудительные, и по эмоциональной окрашенности – восклицательные и невосклицательные. Такого деления придерживаются все лингвисты, однако классификационные признаки построения у разных авторов отличны друг от друга.

Характеристика простого предложения в осетинском языке и его место в системе синтаксиса практически ничем не отличается от его понимания в общей теории синтаксиса. Как в русском, так и в осетинском языке НП изучается в рамках простого предложения.

В «Грамматике осетинского языка» НП определяются как особый структурный тип предложения, который выражает мысли, сообщающие о чувствах и волеизъявлении [4]. Их грамматическое построение не позволяет вычленивать члены предложения, поскольку они состоят из частиц и междометных слов. Модальность как свойство НП и модальные слова как образующие компоненты не указаны в их общем описании, но внесены в классификацию НП в качестве самостоятельной группы.

Таким образом, типология НП представлена 8 группами: 1) утвердительные (*О*, *Æууæ*, *Æгъæ*, *Ай-гъай*); 2) отрицательные (*Нæ*, *Нæгъ*, *Абабау*); 3) вопросительные (*А?*, *Ома?*, *Цу?*); 4) указательные (*Маæнæ* «Вот», *Дæлæ гъе* «Вон те»); 5) побудительные и восклицательные (*Алæ*, *Алæ-ма*, *Марадз*); 6) этикетные слова (*Хæрзбон* «Прощай», *Байрай*, *Салам* «Привет»); 7) с модально-эмоциональ-

ным значением (*Æвæццæгæн, Æнхъæлдæн, Чи зоны*); 8) оценочные (*Бæдæйнаг, Иттæг хорз*) [Там же].

Единицы каждой из этих групп рассматриваются исключительно в контексте с учетом речевой ситуации, поскольку окончательное значение они выражают в контекстном окружении. «Грамматика осетинского языка» не предлагает более обстоятельного описания этих групп, однако этого достаточно, чтобы понимать необходимость в их пристальном изучении и детальном анализе.

Представленные группы несколько позднее были сокращены до трех. В двухтомном издании «Современного осетинского языка» Н.К. Багаев называет НП словами-предложениями и предлагает классификацию, в которую включены; 1) утвердительные и отрицательные слова-предложения; 2) вопросительные слова-предложения; 3) восклицательные слова-предложения [2]. Понятно, что в первую группу были включены НП двух функциональных типов, а восклицательные НП были объединены с модально-эмоциональными и побудительными словами-предложениями. Такой подход, вероятно, был мотивирован принципом интонационного оформления. Вместе с тем, в отличие от предыдущей работы, особое внимание было уделено лексико-семантической составляющей НП.

Так, слова-предложения используются в диалогической речи в качестве ответных или вопросительных реплик. Встречаются они и в монологической речи для утверждения сказанного или демонстрации конфликта собственных рассуждений и мыслей. Такие предложения не имеют собственной смысловой нагрузки и тесно связаны с контекстом, в котором и происходит активизация их завершенного значения.

Для правильного понимания и определения НП следует обратить внимание за особенность, которую отметил Н.К. Багаев. По его мнению, утвердительную частицу *О* «Да» не следует путать с усилительной частицей *О* «конечно» и восклицательным *О*; частицу *хорз* «хорошо» – с прилагательным *хорз* «хороший» и наречием *хорз* «хорошо»; отрицательную частицу *Нæ, нæй* «нет, нету» – с отрицательным *нæ* «не», используемым с глаголами действия и

словом *нæй* «нету» в значении глагола. [Там же, с. 225]. Не следует относить к НП и предложения, выраженные одним словом глагольной формы (*Банцай!* Прекрати!)» *Ныхъхъус у!* «Замолчи!»), а также слова (чаще наречия) с побудительным значением, которые можно дополнить глаголом (*Мидæмæ!* «Заходите! (букв. «внутри» от усеченного сочетания *мидæмæ рахиз (-ут)*), *Уæлæмæ!* «Встать! (букв. «вверх», от усеченного *уæлæмæ сыст* «встань вверх»), *Æмдзæгъд!* «Аплодисменты!»). Подмеченные особенности существенно углубили понимание НП и их особенностей.

Исследовательские труды осетиноведов 80–90 гг. XX в. еще до недавнего времени были фундаментальными и основополагающими. Особенно это относится к такой сложной и весьма неоднозначной категории синтаксиса, как НП. В настоящее время вопросы языкознания все чаще рассматриваются в тесной связи внутренним миром говорящего, его чувствами, контекстом, речевой ситуацией, с учетом переносных смыслов и многими другими обстоятельствами, условиями и свойствами речи. По мнению Е.С. Кубряковой, «акты речи, из которых складывается речевая деятельность, с самого начала не только целенаправлены, но и ситуационно ориентированы; они связаны с личностью говорящего и личностью слушающего, но одновременно и с тем, что имеется общего не только между собеседниками как таковыми, но и с тем, что имеется общего у членов данного коллектива» [5, с. 10].

Таким образом, НП в осетинском языке не получило своего полного системного рассмотрения и до настоящего времени не становилось объектом специальных исследований. В то же время существующие описания и предложенные классификации НП были подвергнуты критическому анализу и, получив научную оценку, были внесены в пособие по современному осетинскому языку для высших школ [10]. В отличие от указанных ранее работ, в данном пособии НП именуется коммуникемами и классифицируются по функциональным признакам на: 1) утвердительные, 2) отрицательные, 3) вопросительные, 4) побудительные, 5) эмоционально-оценочные предложения. Выбор термина *коммуникема* свидетельству-

ет о том, что теория «автора» этого термина В.Ю. Меликяна [8] близка составителям учебного пособия. В действительности этот термин более точно выражает коммуникативные функции НП по сравнению с другими типами предложений. Этому способствует и их структурное оформление, и прагматическая направленность. Однако, как становится понятным, ни один из представленных терминов не закрепился в научном обороте настолько, чтобы в полной мере отображать особенности данного типа синтаксических конструкций. Этот уникальный тип предложений еще подлежит глубокому и всестороннему исследованию.

Очевидны и бесспорны основные признаки НП: они являются цельнооформленными, грамматически нечленимыми, НП тесно связаны с контекстом, употребляются в неизменном виде. Компоненты таких конструкций не имеют номинативного значения и не изменяются по грамматическим формам. Семантика их связана исключительно с экспрессией, т.е. они демонстрируют отношение говорящего к адресату речи и тому, что сообщается [9]. Именно поэтому можно говорить об основной функции НП – экспрессивно-оценочной, поскольку НП содержат мощную эмоциональную и экспрессивную семантику.

В диалогической речи НП выполняют особые функциональные задачи, т.к. с их помощью: 1) выражается эмоциональное состояние говорящего, 2) речь становится максимально экспрессивной, по сравнению с предложениями, вместо которых они используются, 3) диалогическая речь приобретает определенные прагматически смыслы.

Использование НП в речи всегда мотивировано желанием говорящего достичь определенных коммуникативных целей. Именно поэтому наиболее яркие из них бывают эмоционально наполненными с широкими коммуникативно-прагматическими возможностями.

Утвердительные НП служат для подтверждения ранее сказанного, выражая согласие с высказыванием собеседника, или для укрепления своего утверждения. Употребление в таких случаях однозначного и категоричного *О* «Да» или *Нæ* «Нет» не оставляет

никаких сомнений в эмоциональной направленности НП. Замена их другими словами влечет за собой обязательное и непереносимое появление дополнительных эмоциональных оттенков.

Ср.: *Агуыбейы агурыс, Госада? / – О! Никуы йыл аерхаецыд да цаест? (Хъайтматы С. «Таймураз») «Госада, ты Агубе ищешь? / Да! Нигде не заметил его?»* и

Цай, аессардтай Цолайы? / – Куыннае! Раст аей Фасхъауы чын-дзаехсаевы бадга байафтон. (Темыраты Д. «Пасейы фандон») «Ну, нашел Цола? / – Как же! Прямо на окраине села сидя на свадьбе застал»

Такие семантические оттенки тесно связаны с компонентами НП, которые, как правило, состоят из одного или нескольких слов. Для выражения согласия / несогласия часто используются слова с самостоятельным морфологическим статусом: *ныртакка* «сейчас», *уада* «тогда», *афта* «так», *ацаг* «действительно», *хорз* «хорошо», *белвырд* «определенно» и др. В зависимости от контекста они могут выражать как согласие, так и несогласие, т.е. выражать значения *да* и *нет*, причем с некоторым присутствием собственного лексического значения. Эти варианты можно условно назвать контекстными омонимами. Ср.:

– *Магуыр йае бон Сидонайсен!.. / – Ацагаей ма, (Сечъынаты Л. «Къаейных Сидона») «–Бедная Сидона! / – И правда!..»*; и *Диссаг куыннае уыдис уымæ бакæсын, уый сæ куыд анувыдаей раевдыдта, уымæ! Хорз, лæгтыдзуар дын хорз ракæна... (Сечъынаты Л. «Дзыгъуыр карк») «Как ни чудно было на него посмотреть, на то, как он их старательно утешал! Хорошо, пусть покровитель мужчин дарует тебе благо...»*

Для большей убедительности, выражения исключительного согласия или его усиления в речи часто используются частицы и междометия в удвоенном виде в качестве повторов: *Фæлидз да хуыцауай. Дыууаейы уарзæи наей, Зæирæ! / – Цай, хорз... Хорз! Иу чысыл ма бауадз махи аерæмбарын. «Исчезни ради бога. Двух любить нельзя, Заира! / Ну, ладно... Ладно! Дай мне немного прийти в себя.» (Мерденов Ю. Виновные); *Цомут ныр аема Турбеджы хорз**

уынаффа баххаест каенам / – Ай-гъай! Ай-гъай! Цомут! (Хъороты Д. «Уарзæттæ») – «Идемте теперь, и исполним хорошее решение Таурбега. / – Еще бы! Еще бы! Идемте!»

Встречаются и три слова подряд. В этом случае чаще всего демонстрируется обоюдное согласие собеседников, находятся в одинаковом эмоциональном русле и словесно закрепляют общее для них мнение по поводу предмета речи: *Уада йæ фендзына да иуандæс æмæ ссадзæм азы. / – Бæгуы, бæгуы. Адонæн уый ацъыкк каенын галы комы сыф! / – Афтæ, афтæ, афтæ... Æмæ паддзахады фæрæзтыл ахъуыды кодтай? (Темыраты Д. Цæргæсы хох)» «Ну тогда увидишь это на тридцатом году своей жизни. / – Конечно, конечно. Этим такое провернуть, что листок в пасти быка! / – Так, так все, так... А о средствах государства подумал?»*

Предложения, состоящие из модальных слов, выражают согласие с ранее сказанным, но содержат оттенок некоторого сомнения: *Иу бон, дам, мын ма ныв сусæгæй кодтай блокноты. / – Чи зоны. / – Æмæ йын фенаен нæй? / – Кæд да тынг фæнды, уæд... (Ситохаты С. Уарзондзинад дидинаг калы)» «– Говорят, ты на днях в тайне рисовал мой портрет. / – Кто знает. / – А нельзя посмотреть? / – Если очень хочешь...»; *Къæвда æз нæ расайдтон, арв æмæ зæхх кæрæдзи маен тыххæй нæ хостой. / – Да амондæн, æвæццæгæн... / – Чи зоны. (Токаты А. «Фæндыр»)» «– Дождь не я вызвал, небо с землей бились друг об друга не из-за меня. / – На твое счастье, видим... / – Возможно»**

В утвердительных НП с различными частями речи часто встречаются обращения и вводные слова. Их общее смысловое значение следует одной мысли (утверждения и согласия с мнением говорящего), но сообщают некоторые дополнительные эмоциональные оттенки.

НП с отрицательным значением используются для выражения несогласия говорящего с сообщаемой информацией, его отрицания, резко противоположного отношения к ней, или для выражения сомнения. По своей структуре такие предложения чаще всего бывают простыми, т.е. состоят из одного слова или его дублирования: – *Йæ*

лæдзæг дæр ма йæхимæ ис? / – Нæй! (Хъороты Д. «Æз нæ уыдтæн – кæды уыди») «Его палка тоже еще у него? / – Нет!»; – Фæйна ма бануазут. / – Нал, нал, нал. (Хуыгаты С. «Фыдаелты кад») «Выпейте по одной. / – Нет больше, нет, нет»; Нæ, нæ! Ницы хуызы. Ды хъæбæрыл бадай, æз та?.. (Ситохаты С. «Уарзондзинад дидинаг калы») «Не, не! Ни в коем случае. Ты должна на твердом сидеть, а я?..».

В тех случаях, когда отрицательное значение является результатом сильных эмоций, в предложении присутствуют несколько слов с одинаковым отрицательным значением. Прагматически это оправдано желанием говорящего усилить категоричность своего отношения. Как правило, в предложении такие слова выстраиваются друг за другом: Уæдæ Заирæйы хъуыддаг кæронмæ ахæццæ кæнаем. / – Нæ, æз нал!.. (Мерденты Ю. «Азымджынтæ») «– Ну тогда закончим дело Заиры! / – Не, я больше нет!»; Нæй, нæй, уый гæнаен нæй. Раздæр дæр дын куы загътон мæ фæнд, фæлæ мæ мауал мæсты кæн, хуыздæр нæ уыдзæни... (Хъороты Д. «Æз нæ уыдтæн – гæды уыди»). «Нет, нет, этому не бывать! Я и раньше высказывал свое мнение...».

Схожий усилительный эффект появляется и в сочетании с обращением или ласкательной формулой. В этом случае обращение занимает позицию между повторяемыми словами: Нал, Габо, нал! «Уже нет, Габо, уже нет!»; «Нæ, нæ, мæ зæрдæ, ныр мæ байрагау дæ фæдыл нал аскъæфдзына!» (Ситохаты С. «Уарзондзинад дидинаг калы») «Не, не, сердце мое, теперь ты меня как лошадку за собой не умыкнешь!».

Отрицание в НП часто выражается словами (частицами), которые не имеют в своем значении отрицательности. И в этом случае их отрицательность определяется по контексту и интонационному оформлению: -Путевка, дам, дын дæттыни, æмæ, дам... / – Ныртæккæ, куыстыты афон, кæй æвдæлы санаторимæ? Кæд зымæджы... (Ситохаты С. «Уарзондзинад дидинаг калы») «– Путевку, говорят, тебе дают, и, говорят... / – Сейчас, в разгар работ кому до санатория?»; -Хæлæг æм кæныс? / – Куынна стæй! Изгарды хос! Нæ сыл æууæндын! Уæйгæнаг сты! (Темыраты Д. «Спар-

так») «– Завидуешь ему? / – Как же! Сушая изжога! Не верю я им! Продажные они!».

Вопросительные НП помимо вопроса содержат дополнительные смысловые оттенки: в виде вопроса закрепляется утверждение, категоричность желания или мнение по поводу ранее сказанного; демонстрируется заинтересованность в беседе и другие смысловые оттенки в зависимости от контекста. Они всегда требуют ответа или мотивируют, провоцируют к дальнейшей беседе или действиям. Как и предыдущие группы, вопросительные НП могут состоять из одного слова: *А?* «А?»; *И?* «Ну?»; *Цы?* «Что?»; *Ома?* «То есть?»; *Циу?* «Что такое?»; *Куынна?* «Как же?»; *Цауылна?* (*Цауынна?*) «Почему?»; *Уада?* «А (как)?»; *Аццай?* «Скажи же?» и др.

Исследованный материал показывает, что в диалогической речи НП чаще встречаются комплексно, т.е. друг за другом. При этом семантически они могут различаться. Благодаря таким возможностям более красочно выражается эмоциональное столкновение мнений собеседников или их стремление к согласию. В любом случае, диалог, в котором присутствуют НП, бывает наделен высокой степенью эмоциональности, не имея при этом никакой семантически информативной составляющей: – *Бузныг! Къаэдзехы фырт Сикъо ды да, каэд на рæдийын, уæд? / –И? / –. Къуырма да? / – О!.. Нагъа!.. Сикъо даен. (Айларты А. «Æз дар да уарзын») «– Спасибо! Казах сын Сико это ты, если не ошибаюсь? / – Что? / – Ты глухой? / – Да!.. Нет!.. Я Сико».*

К отдельному виду вопросительных предложений можно отнести НП с несколькими словами. От остальных вопросительных НП они отличаются тем, что помимо вопроса они содержат компоненты, указывающие на сильное эмоциональное состояние удивления: – *О, ме стыр фыд! Æз уый аккаг на даен, аема мын ды хæрзууджытæ дæттай... / – Æгъгъæд, æгъгъæд! Нæ загъыс раст, ма хур! Ду, уый та кудыд?! (Темыраты Д. «Хан аема йæ фырттæ») «О, мой большой отец! Я не достоин того, чтобы ты меня награждал... / – Довольно! Довольно! Неправильно говоришь, солнце мое! Неужели, как это так?!; – Хорз. Цæйдæр дохтыртæ, дам, хæхтæ уынæг*

рбацауыңы, аема, дам, рынчыны уйдонан фенын каenam. / – Гъайда-гъа, уанцон нау, уый та куд? (Хъороты Д. «Дасны») «– Хорошо. Какие-то врачи, говорят, едут увидеть горы, и надо, мол, им показать больного. / – Вот тебе раз, неужели, как это так?».

В таких предложениях вместе с вопросительным словом употребляется междометие, модальное слово, указательные слова – местоимения. При этом каждое слово выполняет свои функции. Скажем, удивление выражается при помощи междометий *уаууа, гъайда-гъа, ау*; вводные слова и обращения несут значение модальности и указывают на отношение говорящего к адресату вопроса и к самому вопросу.

Указательные НП по эмоциональной составляющей, можно сказать, самые нейтральные. Чаще всего они указывают на предмет/объект, находящийся рядом с говорящим или собеседником. Их функциональное назначение ограничено и выражается при помощи указательных частиц *маена, делае, уертте* и др. [4, с. 262]: – *Уаеда дам отwertка дар уйдзан. / – О, маена.* (Айларты А. «Къафетты къопп») «–Значит и отwertка у тебя найдется. / – Да, вот»; *Аеххаст ма нын се на барзайтыл сбадын каенут! Гъа, маена!* (Темыраты Д. «Дасхан») «Еще посадите их нам на шею! На, вот! (похлопал ладонью по своей шее)

Такие однословные указательные предложения встречаются крайне редко. Их следует отличать от предложений-обращений: они могут быть схожи по своему построению, но различны по своей семантической наполненности. Их отличительным признаком является то, что используются, главным образом, для привлечения внимания собеседника, к которому направлен вопрос (*–Цы фестут, Сосланбек? / –Марадзут, Махаммет!* «–Куда вы делись, Сосланбек? / – Бегом, Магомет!»); во-вторых, для демонстрации эмоциональной реакции на слова и действия собеседника (*Аена!.. Йа цаегомы туджы цъыртт нал аздад Разитайен* «Ба!.. На лице у Разиат кровинки не осталось» [10, с. 153].

Следует отметить, что не все исследователи выделяют указательные НП в самостоятельную группу [3; 27], и признают НП в каче-

стве самостоятельного типа предложений [2, с. 232]. Вместе с тем при соответствующем контекстном употреблении они могут выступать как вербальное сопровождение эмоциональных действий.

Предложения, выраженные с помощью междометий, требуют соответствующего восклицательного интонационного сопровождения. Следуя классификации Н.К. Багаева, их можно отнести к побудительным и эмоционально-оценочным предложениям [2].

Побудительные НП всегда побуждают одного из собеседников к определенным действиям. Однако адресованы они бывают не только собеседнику. Отдельная подгруппа междометий применяется к животным, когда от них также требуется определенное действие. Они немногочисленны и по их форме легко распознаются адресаты: *Тпру!*; *Уыст!* «Фас!»; *Хе!* «Но!»; *Уыссиу!* «Кыш!»; *Кыс!* «Брысь!». При определенной речевой ситуации и в соответствии с коммуникативными задачами могут применяться и в адрес человека.

В разговорной речи встречаются предложения, состоящие из звукоподражательных междометий. По поводу таких предложений у осетиноведов нет единого мнения. В «Грамматике осетинского языка» они относятся к побудительным предложениям, выраженным междометиями, передающими звуки животных, птиц и явления природы: *Стонг бирæгæу дымгæ ницы* – «у-у-у!» «Подобно голодному волку, ветер воеет – «у-у-у!» [4, с. 263].

По мнению же Н.К. Багаева, звукоподражательные восклицательные предложения не являются побудительными и не относятся к нечленимым синтаксическим конструкциям, поскольку такие звукоподражательные элементы не имеют ни утвердительного, ни отрицательного значения. Кроме того, они не выражают никакого отношения к конкретной речевой ситуации [2, с. 233], а значит не имеют функциональных и прагматических задач. Такая позиция становится весьма убедительной при рассмотрении языкового материала, в котором обнаруживаются функциональные отличия от вышерассмотренных групп нечленимых предложений. Ср.: – *Тс-с! Акæндзынæ мæ? / – Акæндзынæн. (Темыраты Д. «Цыколайы бæлас»)* «– Тс-с! Отведешь меня? / – Отведу». и – *Фарн фææуы,*

фарн! / – Дæнг! Дæнг! (Хъайттаты С. «Куырдуаты бадаг») «–Благодать идет, благодать! / – Бах! Бах!».

Таким образом, НП относятся к одной из синтаксических форм разговорной речи и являются важным коммуникативным средством, реализуемым в диалогической и монологической речи. А с помощью звукоподражательных элементов речи передаются слышимые или воспроизводимые звуки, не выполняющие контактоустанавливающих функций в речи.

Эмоционально-оценочные НП используются в речи для выражения чувств и эмоций, связанных с предметом речи, с отношением к происходящему, с отношением к собеседнику. Как субъективная форма речи такие предложения еще обладают и оттенками оценочного значения.

Спорной является и эта группа НП, которую признают не все исследователи осетинского языка. Н.К. Багаев относит к этой группе лишь такие слова-предложения, в которых при помощи междометий выражаются эмоции и чувства. [2, с. 232] (*Эх! Куыд хорз дæ ахуырдынад!*; «*Эх! Как хороша образованность!*»; *Оххай-гъе... Нæ рынчын нæ рохуаты куы баззад!* «Ох-х!.. Наш больной остался без внимания»). «Грамматика осетинского языка» к образующим компонентам таких НП относит междометные слова и словосочетания (*Æллах!.. Мæлын!.. Æллах!.. Мæ гуыбын!* «*Аллах!.. Умираю!.. Аллах!.. Мой живот!*»; *Дæ-дæ-дæй, нана, дæ-дæ-дæй! Мæ сæр та фæтоны.* «*Ой-ой-ой, бабушка, ой-ой-ой! Голова опять разрывается!*») [4, с. 263].

Р.Г. Цопанова и И.Н. Колиева не рассматривают каждую группу в отдельности, но предлагают общее понятие, в котором средства выражения и компоненты НП, к которым относят, помимо частиц и междометий, модальные слова и лексические единицы со сниженной степенью собственного значения [10, с. 157]. Отсутствие глубокого анализа и аргументированных выводов по данным группам НП делает уязвимыми все предлагаемые классификации. Исследования последних лет, а также имеющийся иллюстративный материал, указывают на расширение функциональных возможностей НП. Есть

основания в их состав включать не только частицы и междометия, но и другие языковые единицы с ослабленной семантической активностью. Особенность таких конструкций состоит в неоднородности морфологического состава и структурной устойчивости, тяготеющей к фразеологизированным конструкциям [9].

При анализе нечлененых предложений, главным образом восклицательных, следует учитывать природу их эмоционального происхождения, особенно в разговорной речи. Благодаря этому синтаксические конструкции данного типа способны выражать тончайшие смысловые оттенки, раскрывающиеся исключительно в контексте в сочетании с интонационным оформлением.

Список литературы

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация / Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Русский язык и лит-ра» в 3 ч. Ч. 3. / 2-е изд., перераб. М. Просвещение, 1987. 256 с.
2. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Синтаксис. Т. 2. Изд-во «Ир», Орджоникидзе, 1982. 493 с.
3. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис / Учебник. 4-е изд., испр. М.: Высшая школа, 2003. 416 с.
4. Грамматика осетинского языка / Под ред. проф. Г.С. Ахвледиани. Синтаксис. Т. 2. Орджоникидзе: Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Сев.-Осет. АССР, 1969. 387 с.
5. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение в речи. М.: Наука, 1991. 238 с.
6. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Высшая школа, 2004. 247 с.
7. Лекант П.А. Предложение и высказывание // Строение предложения и содержание высказывания: Межвузовский сборник научных трудов. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1986. С. 3–8.
8. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечлененого предложения: Учебное пособие. Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2004, 288 с.

9. Моргоева Л.Б. Паремии и речевые формулы осетинского языка: семантический, прагматический и этнолингвистический аспекты. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. 162 с.
10. Цопанова Р.Г., Колиева И.Н. Современный осетинский язык. Словосочетание и синтаксис простого предложения. Уч. пособие. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2017, 220 с.

References

1. Babaitseva V.V., Maksimov L. Yu. *Sovremenniy russkii yazyk. Sintaksis. Puntuaciya* [Modern Russian language. Syntax. Punctuation]. Vol. 3. Moscow: Prosveshchenie, 1987. 256 p.
2. Bagaev N.K. *Sovremenniy osetinskii yazyk. Sintaksis* [Modern Ossetian language. Syntax]. Vol. 2. Ordzhonikidze: Ir Publ., 1982. 493 p.
3. Valgina N.S. *Sovremenniy russkii yazyk: Sintaksis* [Modern Russian language: Syntax]. Moscow: Vysshaya shkola, 2003. 416 p.
4. *Grammatika osetinskogo yazyka. Sintaksis* [Grammar of the Ossetian language. Syntax]. Vol. 2. Ordzhonikidze, 1969. 387 p.
5. Kubryakova E.S. *Chelovecheskii faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie v rechi* [The human factor in the language. Language and generation in speech]. Moscow: Nauka, 1991. 238 p.
6. Lekant P.A. *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntax of a simple sentence in modern Russian]: Moscow: Vysshaya shkola, 2004. 247 p.
7. Lekant P.A. *Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Interuniversity collection of scientific papers]. Moscow: MOPI im. N.K. Krupskoi, 1986: 3–8.
8. Melikyan V.Yu. *Sovremenniy usskii yazyk. Sintaksis nechlenimogo predlozheniya* [Modern Russian language. Indivisible sentence syntax]. Rostov n/D: RGPU Publ., 2004, 288 p.
9. Morgoeva L.B. *Paremii i rechevye formuly osetinskogo yazyka: semanticheskii, pragmaticheskii i etnolingvisticheskii aspekty* [Paremas and speech formulas of the Ossetian language: semantic, pragmatic and ethnolinguistic aspects]. Vladikavkaz: IPT SOIGSI VNT RAN i RSO-A, 2015. 162 p.

10. Tsopanova R.G., Kolieva I.N. *Sovremennyi osetinskii yazyk. Slovosochetanie i sintaksis prostogo predlozheniya* [Modern Ossetian language. Word combination and syntax of the simple sentence]. Vladikavkaz: IPT SOGU, 2017. 220 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Моргоева Лариса Батразовна, старший научный сотрудник отдела осетинского языкознания, кандидат филологических наук
*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН
PCO-Алания*
пр. Мира, 10, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362000, Российская Федерация
Lalik_m@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Morgoeva Larisa Batrazovna, Senior Researcher of the Ossetian Linguistics Department, Candidate of Philological Sciences
North Ossetian Institute of Humanities and Social Research, Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences, North Ossetia-Alania
10, Mira ave., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362000, Russian Federation
Lalik_m@mail.ru
SPIN-code: 9547-1930
ORCID: 0000-0003-3725-754X
ResearcherID: J-5680-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-183-196

УДК 81.221

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОЛЧАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

Носова О.Е.

Цель представленной работы состоит в выявлении культурно обусловленных способов восприятия и передачи информации посредством молчания в процессе институционального общения.

Актуальность исследования продиктована потребностью дальнейшего изучения особенностей декодирования культурной информации, транслируемой невербальными средствами коммуникации.

Методами лингвистического анализа послужили прагматический, контекстуальный, дискурсивный анализ, а также лексико-семантический анализ.

Результаты работы заключаются в том, что в институциональном общении в типизированных ситуациях молчание, с одной стороны, соотносится с такими доминантами, как принципы вежливости и строгая регламентация общения. С другой стороны, в рамках конвенционального общения молчание выступает как амбивалентный знак, соотносимый с такой ценностной доминантой как дистанцированность, либо этот знак несет конфронтационный потенциал.

Область применения результатов. Результаты работы могут быть использованы в преподавании теории коммуникации, невербальной семиотики, курсов и факультативов по лингвокультурологии.

Ключевые слова: речеповеденческий/коммуникативный код; коммуникативный стереотип; паралингвизм молчание; институциональная коммуникация; ценностная доминанта.

LINGUOCULTURAL INTERPRETATION OF SILENCE IN ENGLISH INSTITUTIONAL COMMUNICATION

Nosova O.E.

The aim of the paper is to identify culturally conditioning ways of receiving and transmitting information through silence in the process of institutional communication.

The relevance of the research is raised by the necessity of further investigation of peculiarities of decoding cultural information transmitted by non-verbal means of communication.

The methods of linguistic analysis include the pragmatic, contextual, discursive analysis, as well as lexico-semantic one.

The research results are as follows: the linguocultural interpretation of the sign silence suggests that in typical institutional situations, on the one hand, silence correlates with such dominants as the principles of politeness and strict regulation of communication. On the other hand, in the framework of conventional communication silence acts as an ambivalent sign correlating with the evaluative dominant of distance, otherwise, silence bears a confrontational potential.

Practical implications. The results of the work can be used in teaching communication theory and special courses in linguoculture.

Keywords: communicative code; communicative stereotype; paralinguistic means silence; institutional communication; evaluative dominant.

За последнее время феномен *молчание* многократно подвергался всестороннему лингвистическому анализу с позиции междисциплинарного подхода. Значительный вклад в понимание сущности и особенностей функционирования молчания в коммуникации внесли исследования, проводимые в рамках семиотики (В.В. Богданов, Е.С. Никитина), коммуникативистики (О.С. Иссерс, А.А. Кибрик, С.В. Крестинский), прагматики (Н.Д. Арутюнова, С.В. Меликян), эмотиологии (Т.В. Ларина, U. Bonheim, Н.Д. Диллер), лингвокультурологии (В.Н. Телия), социолингвистики (Ю.Б. Кузьменкова, О.А. Леонтович и др.).

Для достижения целей данной работы, во-первых, необходимо определить место паралингвистической единицы молчания в структуре коммуникации. В данном исследовании молчание рассматривается как значимый компонент коммуникации, который используется не симптоматически, а полноценно замещает вербальные единицы в процессе общения. Изучаемый паралингвизм вербализуется посредством лексемы *silence* в английском языке (включая синонимический ряд: *quietness, stillness, muteness, reticence, taciturnity*).

Во-вторых, для определения культурологической маркированности молчания требуется отобрать необходимые лингвокультурологические категории. Понятием, которое прочно закрепилось в исследованиях по лингвокультурологии, позволяющим изучать «культуроносность» процесса общения, является речеповеденческий / коммуникативный код, «один из видов линго-культурного кода» (Иванова 2007, Телия 1998). По мнению В.Н. Телия, «лингвокультурология <...> исследует, прежде всего, живые коммуникативные процессы» [11, с. 218]. Коммуникативный код наследуется каждым последующим поколением внутри лингвокультурного сообщества и выступает в роли транслятора культурной информации. «Именно коммуникация является тем процессом, который превращает культуру в непрерывный процесс. Ибо как только культурные привычки, принципы, ценности, поведение и тому подобное “изобретены”, они передаются через коммуникацию каждому члену в рамках данной культуры» [15, с. 9]. Категории лингвокультурного и речеповеденческого кодов представляются наиболее значимыми для описания функционирования молчания на следующих основаниях. Прежде всего, необходимо подчеркнуть знаковую сущность феномена молчания. В многочисленных работах культурологов и лингвистов раскрыты его характеристики как знака с позиций культуры, языка, паралингвистики и коммуникации (В.В. Богданов, И.Н. Горелов, Г.Е. Крейдлин, Е.С. Никитина и др.). Являясь языковым знаком, молчание может быть представлено также как культурный знак, поскольку, как известно, язык является одной из форм воплощения культуры. Отнесенность же этого знака к рече-

поведенческому коду обусловлена его функционированием в процессе коммуникации. Молчание содержательно, оно выполняет свою коммуникативную функцию и, следовательно, может являться знаком речеповеденческого/коммуникативного кода. Соответственно, распознавание знаков данного кода позволяет определить культурно значимые черты коммуникативного поведения в изучаемой лингвокультуре.

Культурологические исследования, посвященные описанию принципов закрепления культурных доминант в коммуникативном поведении, опираются на такой инструмент, как стереотипизация. Существует множество подходов к определению коммуникативных стереотипов (В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, Ю.Е. Прохоров). При социокультурном ракурсе исследования стереотипы определяются как коммуникативные/речеповеденческие. Их рассматривают как «устойчивые формы конвенционального коммуникативного поведения, зафиксированные в типичных коммуникативных ситуациях [3, с. 80]. С позиции лингвокультурологии на коммуникативные стереотипы смотрят не только в плане поведенческой линии говорящего, но и с учетом ценностных критериев. По справедливому замечанию Р.В. Бухаевой, «в структуре культуры коммуникативные стереотипы занимают особое положение. С одной стороны, стереотипы обусловлены ценностями как высшими ориентирами поведения, вытекают из них, а с другой – фиксируют нормы и правила как конкретные поведенческие реакции в виде нормативных постулатов, кодексов речевого поведения, в конечном счете эксплицируют систему ценностей культурного сообщества» [Там же, с. 80].

Соответственно, для лингвокультурологического ракурса исследования молчание представляет интерес как знак речеповеденческого кода, передающий информацию лингвокультурного плана, так и социально помечаемая единица коммуникации, обозначающая конвенциональные тенденции, характерные для стереотипных ситуаций. С этой точки зрения уместной для настоящего исследования представляется классификация коммуникативных стереотипов,

предложенная Р.В. Бухаевой. Автор классифицирует стереотипы «на ритуальные (совершаемые в типичных ситуационных контекстах по традиционной форме, немотивированные с точки зрения современного коллектива) и неритуальные, представляющие собой конвенциональные формы поведения, формирующиеся постоянно под влиянием социальной практики и предполагающие возможность варьирования и творческого выбора в репертуаре говорящих» [Там же, с. 77].

Описание коммуникативного поведения подразумевает использование широкого арсенала лингвокультурологических понятий, взаимосвязанных между собой. Взаимообусловленность лингвокультурологических детерминант отражена в следующем определении, предлагаемом С.В. Ивановой. «Анализ коммуникативного поведения может пролить свет на особенности менталитета и ценностные ориентиры, определяющие речеповеденческие нормы представителей различных лингвокультурных общностей» [4, с. 13]. Специалисты оперируют такими категориями, как «коммуникативная норма», «традиция», «доминанта», «ориентация», «ценность» и т.п. Рассмотрение этой сложной системы коррелирующих терминов относится, на наш взгляд, к работам более теоретического характера. В представленном исследовании остановимся на понятии «коммуникативная норма», поскольку оно напрямую связано с такими инструментами, как стереотипизация и речевой этикет. Термины «ценностная ориентация» и «ценностная доминанта» в данном исследовании употребляются взаимозаменяемо и соизмеряются в нашем понимании с понятиями более высокого порядка как базовые мерилы культуры. Рассмотрение коммуникативного поведения того или иного лингвокультурного сообщества по ценностным параметрам позволяет проникнуть к глубинным установкам, регулирующим процесс коммуникации. «Ценностные ориентации пронизывают ткань повседневной коммуникативной практики» [12, с. 268–269].

Таким образом, учитывая многогранную сущность молчания как паралингвистической единицы, воплощающей в языковом представлении информацию как поведенческого, так и ценностного

плана, считаем целесообразным при проведении контекстуального и прагматического анализа речевых ситуаций соотнести планируемые результаты с ценностными доминантами (на материале широко известных работ по лингвокультурологии, этнопсихолингвистике, социолингвистике), разделяемыми членами лингво-культурного сообщества.

Для анализа речевых контекстов, актуализирующих формы социального общения с позиций прагмалингвистики, в данной работе принимаются коммуникативные категории, разработанные В.И. Карасиком: «1) Участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики), 2) условия общения, 3) организация общения (мотивы, цели и стратегии, развёртывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств), 4) способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения)» [5, с. 241].

В соответствии с вышеприведенной классификацией стереотипов на ритуальные и неритуальные/конвенциональные речевые контексты в данном исследовании делятся соответствующим образом на два класса. В первую очередь предлагается рассмотреть примеры, в которых молчание употребляется регламентировано в таких типичных ситуациях институционального общения как публичное выступление и выражение соболезнования.

E.g. Now, he decided, it was time the meeting began. O'Donnell rapped for silence, then waited until the talk stilled and those who had been standing had slipped into their seats. He began quietly. "Ladies and gentlemen, I think all of us are aware that epidemics in hospitals are not unique and, in fact, are a good deal more frequent than most members of the public realize. In a way, I suppose, one might say that epidemics are a hazard of our existence." <...> All eyes in the room were upon him. He paused for a moment, then continued [13, p. 144].

В приведенной ситуации представлено начало публичного выступления по поводу объявления эпидемии в больнице. Выступающий – главный врач больницы Кент О'Доннелл привычным жестом привлекает внимание аудитории (*rapped for silence*). Слушающие

замолкают (*the talk stilled*). Подобного рода молчание является нормативным и отображено в словарях: «*silence – a period of time when no one speaks / a moment of silence*» [17]. Все участники коммуникации ведут себя адекватно в силу выработанных стандартов в институциональном общении с учетом смены позиций говорящего и слушающего, более высокого социального статуса говорящего, а также правил вежливого речевого общения. Выполнение адресантом и адресатом предписанных норм способствует гладкому ходу общения (*He began quietly*). Сама тема выступления оказывает сильное эмоциональное воздействие на слушающих и экстериоризируется в ситуации невербальными средствами окулесики (*All eyes in the room were upon him*). И хотя эмоциональное состояние слушающих изменилось, никто из них не нарушает молчание, действующее в качестве коммуникативной нормы в данной ситуации. Таким образом, в представленной ситуации мы имеем дело с ритуализованным молчанием, которое обусловлено разными социальными характеристиками коммуникантов, принципами вежливости. Проанализированные нами культурологические исследования позволяют высказать предположение о том, что подобного рода молчание может основываться на такой доминанте как «жесткая регламентация общения» в терминах И.А. Стернина, М.А. Стерниной и Т.В. Лариной [10, с. 32].

Анализ языкового материала показывает, что при выражении соболезнования в условиях институциональной коммуникации молчание выступает как одно из оптимальных средств невербального коммуникативного поведения. В представленном разговоре двух врачей старый опытный доктор Пирсон понимает, что необходимо высказать соболезнование своему молодому коллеге Александру. Александр и его жена в этой больнице недавно потеряли новорожденного ребенка.

E.g. “*My wife can work, for one thing, Doctor. And then I thought I might get some lab work out of school hours; a lot of medical students do.*” Alexander paused, then, glancing at Coleman, he added, “*I don’t imagine it will be easy. But we think it will be worth it.*”

“I see.” Pearson had blown out smoke; now he put down his cigar. He seemed about to say something else, then hesitated. Finally he asked, “How is your wife?”

Quietly Alexander answered, “She’ll be all right. Thank you.”

For a moment there was silence. Then Pearson said slowly, “I wish there was something I could say to you.” He paused. “But I don’t suppose words would do very much good.”

Alexander met the old man’s eyes. “No, Dr. Pearson,” he said, “I don’t believe they would” [13, p. 311].

Ситуация выражения соболезнования предполагает четкое следование своей социальной роли для координации отношений между коммуникантами. Но доктор Пирсон долго колебался и обдумывал слова соболезнования (*He seemed about to say something else, then hesitated. For a moment there was silence*). Правила речевого этикета в англоязычной лингвокультуре предписывают использовать определенные речевые шаблоны. В этом случае адресант действовал бы формально, но правильно. В данной ситуации доктор Пирсон, испытывающий симпатию к молодому коллеге, хочет быть искренним. Адресант учитывает контекстные и личностные характеристики ситуации. Он верно распознает психоэмоциональную составляющую и предпочитает отказаться от формальных слов (*I wish there was something I could say to you*). Обоюдное владение правилами речеповеденческого кода позволяет собеседникам прийти к рациональному решению и согласию: слова не нужны (*But I don’t suppose words would do very much good – I don’t believe they would*). Взаимное молчание может характеризовать гармоничные отношения между участниками коммуникации и используется как наиболее уместное средство общения. Представляется, что молчание в подобной ситуации является актуализацией таких доминант как приверженность англичан в стремлении не быть назойливым, принципу невмешательства, немногословию и др. [10, с. 28–45].

В следующих ситуациях рассмотрению предлагается неритуализованное молчание, отличающееся от ритуализованного тем, что у коммуникантов появляется определенный выбор из репертуара при-

нятых конвенциональных форм общения. Анализируемая речевая ситуация относится к профессиональной коммуникации.

Пилот Вернон Димирест, находясь в кабине самолета со своим напарником и записывая отчет о ранениях пассажиров и экипажа после взрыва на борту, узнает от врача, что его любовница, старшая стюардесса авиакомпании Гвен Мейген, будучи беременной, тяжело пострадала. После нелегкого разговора с врачом в кабине остаются два пилота.

E.g. Briefly, between the two captains, there was a silence. Anson Harris broke it. "Vernon, I'd like to rest before I make the landing. Will you fly for a while?" Dernerest nodded, his hands and feet moving automatically to the controls. He was grateful for the absence of questioning or comment about Gwen. Whatever Harris was thinking or wondering, he had the decency to keep it to himself [14, p. 249].

Согласно нормам социально-приемлемого общения, принципам вежливости, принятым в англоязычной среде, второй пилот старается избежать неловкого молчания (*Anson Harris broke it (silence)*). «Тактика заполнения пауз предполагает умение использовать различные речевые средства в качестве «знаков внимания»» [7, с. 281]. На предложение Харриса заменить его за штурвалом Вернон утвердительно кивает и принимает с благодарностью (*grateful*). Правила вежливости, выступающие коммуникативными ориентирами в данном случае, позволяют обоим участникам коммуникации преодолеть напряженность ситуации и вернуться к рабочим обязанностям. Молчание со стороны Харриса (*absence of questioning*), следование правилам *privacy* (*Whatever Harris was thinking or wondering*) позволяет сохранить общение между говорящими в рамках приличия (*he had the decency to keep it to himself*). Одно из базовых правил *privacy* соотносится с умением англоязычных людей защищать собственные интересы, не допускать вмешательства других, не навязывать своего мнения собеседнику. Вслед за Ю.Б. Кузьменковой полагаем, что указанные характеристики соотносятся с понятием дистанцированности. «Дистанцированность основана на сильно развитом ощущении неприкосновенности частной собственности и необхо-

димости защиты независимости индивидуума как неперемного условия его развития и лежит в основе базовых ценностных ориентаций британцев и американцев – в отношении к пространству и времени, личности и власти [8, с. 6–15].

С другой стороны, необходимо отметить двузначность молчания. В условиях институциональной коммуникации молчание часто выступает маркером конфронтации. «Молчание в диалоге, в особенности в социальной коммуникации, имеет другое функциональное назначение и другую прагматику: оно нередко соответствует непроизнесенной речевой реакции или неисполненному жесту и обозначает не согласие, а уклонение от реплики, самоустранение или протест» [6, с. 27].

E.g. Since their argument of several days ago on the subject of laboratory checks the senior pathologist had made no reference to David Coleman's activities in the serology lab. Coleman had no idea what this silence implied – whether he had achieved his point and was to have direct charge of Serology, or if Pearson intended to return to the attack later [13, p. 126].

Споры, конкуренция, разногласия в профессиональной среде имеют большой перечень невербальных средств выражения конфликтных отношений между участниками коммуникации. Молчание в этом ряду занимает одну из лидирующих позиций, так как «на аксиологической шкале молчание оценивается менее строго, чем совершение явного негативного действия» [2].

В данном случае молчание старого доктора Пирсона имеет целью выразить негативное отношение к кандидатуре Коулмэна на должность заведующего лабораторией. Молчание выступает как целая конфронтационная линия коммуникативного поведения со стороны адресанта, направленная на дискредитацию оппонента. Словари регистрируют данную норму следующим образом: «*silent treatment – behaviour that involves not speaking to someone as a way of showing that you do not approve of them*» [17]. В результате это невербальное средство оказывает сильное психологическое воздействие на адресата, который, как следствие, находится в замешательстве (*had no idea what this silence implied*). По мнению, Н.Д. Арутюновой, «обезору-

живая оппонента, молчание само становится оружием» [1, с. 110]. Думается, что в условиях институционального общения с целью предотвращения открытого конфликта или проявления агрессии молчание, хотя и является нарушением социально-кодифицированного общения, может выступать средством сдерживания эмоций, и соответственно, выступать более приемлемой формой выражения негативного отношения к собеседнику. «Стереотипное представление о британцах включает такие черты, как сдержанность (считается, что они молчаливы и не склонны внешне проявлять свои чувства)» [9, с. 294]. Представляется, что молчание, направленное на соблюдение приличий в институциональном общении в соответствии с правилами вежливого общения, соотносится с реализацией такой ценностной доминантой, как эмоциональная сдержанность.

Таким образом, в рамках лингвокультурологического подхода молчание в социальном общении может быть рассмотрено как знак речеповеденческого кода. Культурологическая информация закреплена в этом знаке посредством ритуализованных и неритуализованных стереотипов, что обуславливает двусмысленность данного знака. С одной стороны, ритуализованное молчание на публичном выступлении и при выражении соболезнования базируется на таких коммуникативных ориентациях как твердая регламентация общения и правила вежливости. С другой стороны, лингвокультурологическая маркированность молчания обусловлена неритуализованными стереотипами, принятыми в социальном общении. Молчание в этом случае выступает как конвенциональная форма коммуникативного поведения, связанная с такими ценностными доминантами как дистанцированность и эмоциональная сдержанность.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. 188 с.
2. Арутюнова Н.Д. Феномен молчания // Логический анализ языка: Язык пространств /Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левотина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 417–436.

3. Бухаева Р.В. Этнокультурные стереотипы речевого общения (на материале бурятского языка): Дис. ... д-ра филол. наук: Улан-Уде, 2015. 404 с.
4. Иванова С.В. Лингвокультурология: изучая лингвокультурный универсум // Russian journal of linguistics. 2016. Т. 2. С. 9–16.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
6. Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.
7. Кузьменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 316 с.
8. Кузьменкова Ю.Б. Материалы курса «Стратегии речевого поведения в англоязычной среде». Лекции 1-4. М.: Педагогический университет «Первое сентября», 2006. 48 с.
9. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М./СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2006. 336 с.
10. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. 184 с.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 288 с.
12. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: «Наука», 2000. 379 с.
13. Hailey A. The Final Diagnosis = [Окончательный диагноз / А. Хейли]. М.: Айрис-пресс, 2006. 352 с.
14. Hailey A. Airport = [Аэропорт/А. Хейли] М.: Айрис-пресс, 2007. 316 с.
15. Intercultural Communication: a Reader / eds. R.E. Porte, L.A. Samovar. Illinois, 1999. 532 p.
16. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2007. 1950 p.
17. MED – Macmillan English Dictionary for advanced learners. International student edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2002. 1692 p.

References

1. Arutyunova N.D. Molchanie: konteksty upotrebleniya [Silence: usage contexts]. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystvii* [Logical Analysis of Language. Language of speech actions]. Moscow: Nauka, 1994. 188 p.
2. Arutjunova N.D. Fenomen molchanija [Silence phenomenon]. *Logicheskij analiz jazyka: Jazyk prostranstv* [Logical analysis of language: Language of spaces]. Moscow: Yazyki russkoj kultury, 2000. P. 417–436.
3. Buhaeva R.V. *Jetnokul'turnye stereotipy rechevogo obshhenija (na materiale burjatskogo jazyka)* [Ethno-cultural stereotypes of speech communication (in Buryat language material)]: Dis. ... d-ra filol. nauk: Ulan-Ude, 2015. 404 p.
4. Ivanova S.V. Lingvokul'turologija: izuchaja lingvokul'turnyj universum [Linguoculture: studying the language and culture universe]. *Russian journal of linguistics*. 2016. V. 2. P. 9-16.
5. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Gnozis, 2004. 390 p.
6. Krejdlin G.E. *Muzhchiny i zhenshiny v neverbal'noj kommunikacii* [Men and women in non-verbal communication]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. 224 p.
7. Kuzmenkova J.B. *Ot traditsij kul'tury k normam rechevogo povedeniya britantsev, amerikantsev i rossiyan* [From cultural traditions to standards of speech conduct of British, American and Russian people]. Moscow: GU VShE, 2005. 316 p.
8. Kuz'menkova Ju.B. *Materialy kursa «Strategii rechevogo povedeniya v anglojazyčnoj srede». Lekcii 1-4* [Course papers “Speech behavior strategies in English environment”. Lectures 1-4]. Moscow: Pedagogičeskij universitet «Pervoe sentjabrja», 2006. 48 p.
9. Oshchepkova V.V. *Jazyk i kul'tura Velikobritanii, SShA, Kanady, Avstralii, Novoj Zelandii* [Language and culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zealand]. Moscow/St. Petersburg: GLOSSA/KARO, 2006. 336 p.
10. Sternin I.A., Larina T.V., Sternina M.A. *Očerok anglijskogo komunikativnogo povedeniya* [Essay on English communicative behavior]. Voronezh: Izd-vo «Istoki», 2003. 184 p.

11. Teliа V.N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola «Jazyki russoj kul'tury», 1998. 288 p.
12. Khabermas Yu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg: «Nauka», 2000. 379 p.
13. Hailey A. *Okonchatel'nyy diaгноz* [The Final Diagnosis]. Moscow: Ayris-press, 2006. 352 p.
14. Hailey A. *Aeroport* [Airport]. Moscow: Ayris-press, 2007. 316 p.
15. Intercultural Communication: a Reader / eds. R.E. Porte, L.A. Samovar. Illinois, 1999. 532 p.
16. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2007. 1950 p.
17. MED – Macmillan English Dictionary for advanced learners. International student edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2002. 1692 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Носова Оксана Евгеньевна, доцент кафедры иностранных языков,
кандидат филологических наук, доцент
Уфимский государственный нефтяной технический университет
ул. Космонавтов, 1, г. Уфа, Республика Башкортостан,
450000, Российская Федерация
Nosova.oxana10@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nosova Oxana Evgenyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Ufa State Petroleum Technological University
1, Kosmonavtov Str., Ufa, 450000, Russian Federation
Nosova.oxana10@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-197-210

УДК 811.111

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ КАК СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ДИСКУРСА МАССМЕДИА

Радюк А.В., Храмченко Д.С.

Цель. Работа посвящена исследованию функционирования фразеологических глаголов как одного из речевых средств, составляющих систему речевого выражения коммуникативного замысла автора публицистической статьи. Целью статьи является анализ речевых средств, применяемых в англоязычной качественной прессе, для формирования оценочной окраски событий, формирования определенного образа, прагматического воздействия на реципиента.

Метод. В статье применяется метод функционального анализа дискурса.

Результаты. В результате определено, что целенаправленный подбор эффективных прагматических средств воздействия основан на коммуникативном замысле автора, применение речевых стратегий и тактик интенционально. Дискурс массмедиа является функционально обусловленной системой смыслов, в которой пропозиции связаны между собой прагма-семантическими и логико-семантическими отношениями.

Выводы. Сделан вывод о том, что знание механизмов речевого воздействия может помочь специалистам различных профессиональных сфер в повышении коммуникативной компетенции, и в целом способствует противостоянию речевым манипуляциям.

Ключевые слова: прагматика; функциональный анализ; дискурс массмедиа; риторика; экспрессивность; фразеологический глагол.

PHRASAL VERBS AS A MEANS OF INCREASING THE EXPRESSIVITY OF MASS MEDIA DISCOURSE

Radyuk A.V., Khrumchenko D.S.

Purpose. The article is devoted to the study of phrasal verbs functioning as one of the speech means that makes up the system of speech

expression of the communicative intention of the author of a publicistic article. The purpose of the article is to analyse the speech means used in the English-language quality press to form an evaluative color of events, a certain image, and produce a pragmatic impact on the recipient.

Methodology. *The authors use the method of functional analysis of discourse. Results. As a result, it was determined that the targeted choice of effective pragmatic means of influence is based on the communicative intention of the author; the use of speech strategies and tactics is intentional. Mass media discourse is a functionally determined system of meanings in which propositions are linked by pragma-semantic and logical-semantic relations.*

Conclusions. *It is concluded that knowledge of the mechanisms of speech influence can help specialists in various professional spheres in improving their communicative competence, and contributes to the resistance to speech manipulations.*

Keywords: *pragmatics; functional analysis; mass media discourse; rhetoric; expressiveness; phrasal verb.*

Введение

В статье анализируются дискурсивные характеристики современного дискурса массмедиа. Необходимость изучения прагма-семантических свойств речи обусловлена высоким экспрессивным потенциалом публицистики и тем фактом, что язык средств массовой информации все больше направлен на воздействие на читателя.

Актуальность исследования обусловлена значительным влиянием средств массовой информации на сознание и жизнедеятельность людей. Как показывает практика, современный дискурс, представленный в печатных и сетевых СМИ, находится в процессе постоянного развития, обнаруживая новые темы, через которые формируется имидж политиков, бизнесменов, глав государств, партий, и имидж отдельных стран. Все это в конечном счете определяет убеждения, мнения, оценки, которые воспринимаются аудиторией как правдивые, заслуживающие доверия, сомнительные или лживые. Способность корректно воспринимать печатную инфор-

мацию на сегодняшний день является востребованным качеством различных специалистов. Необходимость интерпретировать и переосмысливать ее является неотъемлемой составляющей дискурса как коммуникативного события [10; 17]. От типа адресата также зависит, какие речевые средства будет выбирать автор речевого произведения для речевого воздействия, к каким ценностям будет апеллировать.

Целью статьи является выявление коммуникативно-прагматических особенностей дискурса массмедиа и роль фразеологических глаголов в повышении его экспрессивности. В связи с этим в исследовании решается ряд задач:

- проанализировать корпус примеров, содержащих фразеологические глаголы различных типов;
- идентифицировать функции дискурса массмедиа;
- описать прагматический потенциал фразеологических глаголов и их роль в функциональной организации дискурса.

Научная новизна статьи заключается в том, что впервые фразеологические глаголы рассматриваются как элемент динамически развивающейся прагма-семантической системы дискурса, восприятие дискурса анализируется в контексте экстралингвистических факторов и перцепции как нелинейного многовекторного процесса.

Материалы и методы

Работа проводилась в рамках функционально-прагматической парадигмы. Метод функционального анализа предполагает, что прагматический потенциал фразеологических глаголов определяется путем выявления коммуникативных целей автора речевого произведения, определения роли экстралингвистических параметров дискурса, анализа закономерностей отбора тех или иных речевых средств для определенной коммуникативной цели и их взаимовлияния.

Языковым материалом послужили образцы дискурса онлайн-изданий the Economist, the Financial Times, Quirks, Adage, the Guardian, BBC за период февраль – ноябрь 2020 года.

Фразеологические глаголы в дискурсе СМИ

Как отмечал А.В. Кунин, фразеологизмы обусловлены аналитическими свойствами английского языка и являются высокоинформативными единицами. Фразеологическая единица – это лексически неделимое, устойчивое по составу и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы [4]. Фразеологические глаголы являются одной из разновидностей фразеологических единиц и представляют собой как идиомы (немотивированные словосочетания, семантически целостные, значение которых не равно сумме значений их составляющих), так и фразеологические единства (значение складывается из значений компонентов) [2].

Такие свойства делают фразеологизмы и фразеологические глаголы, в частности, удобным средством для экспрессивного описания явлений, широко распространенного в дискурсе массмедиа.

Медиадискурс – это публичная, целенаправленная и зафиксированная в печатной или электронной форме разновидность взаимодействия [18]. Дискурс СМИ находится в общественном когнитивном пространстве и имеет свойства неспонтанной речи. В зависимости от канала передачи сообщения, дискурс массмедиа ориентирован на читателей или слушателей. Он носит опосредованный характер и «транслируется» через носитель информации, как в устном, так и в письменном виде, при этом он адресован гипотетическому, воображаемому образу читателя, слушателя или зрителя.

Важно, что реципиент сообщения не может мгновенно ответить автору дискурса, то есть он является асинхронным. С развитием новых медиа-технологий появилась возможность комментировать статью / видеоролик и вступать в дискуссию с другими комментаторами по поводу содержания статьи. Это подчеркивает дискурсивные свойства современного пространства масс-медиа, в котором речь становится центром «коммуникативного события» [1].

Манипулятивная природа дискурса многократно подчеркивалась лингвистами, специалистами по риторике, журналистике, литературоведению. Как отмечает А. Партингтон, широко распространен се-

годня феномен спин-докторинга (spin-doctoring), призванный адаптировать новостное сообщение и выставить его в выгодном свете [14]. Термином «спин» также обозначают профессиональную риторiku. А. Партингтон указывает на существование речевых средств, направленных на противодействие речевому воздействию: “Persuading people to accept your version of events, of the truth, in competition with other versions, has been at the very dialogic heart of rhetoric since classical times. And just as Socrates was alert to the efforts of the doctors of sophistry <...>, we have our modern defences against the doctors of spin.” [14, p. 124] (Убеждение людей принять вашу версию событий, истину в соревновании с другими версиями было в диалогических основах риторики с классических времен. И так же как Сократ был внимателен к усилиям экспертов софистики, у нас есть современные способы защиты от пиар специалистов) (Перевод наш – А.Р.).

Таким образом, наряду с выявлением механизмов прагматического воздействия лингвистами осуществляется описание средств противостояния речевым и когнитивным манипуляциям.

В зависимости от обстоятельств речевая манипуляция в СМИ может реализовывать разнообразные речевые стратегии [11]. Так, имеет место классическое доказательство фактов; убеждение как комплекс взглядов, верований, доказательств; оспаривание противоположного мнения и призыв отказаться от собственной точки зрения; внушение, навязывание некой точки зрения при несформировавшемся взгляде на проблему [3].

Манипулятивный дискурс также является объектом изучения суггестивной лингвистики, связанной с психологическими и когнитивными процессами, отвлечением осознания.

Функции дискурса массмедиа

Важной особенностью языка СМИ является сочетание двух функций языка: риторической и информативной. Воспринимая публицистический текст, говорящий не только получает определенный объем информации, но и находится под влиянием системы риторических средств, составляющих прагматическое простран-

ство дискурса. Публицистический стиль связан с эмоциональной вовлеченностью и оценкой, не свойственный другим стилям, будь то научный или официальный. Для него характерен специфический вокабуляр, включающий единицы с социально-обусловленным компонентом оценки.

Оценочность могут выражать тактики положительной и отрицательной оценки и соответствующие им речевые средства – метафоры, окказионализмы, авторские неологизмы [16]. Зачастую в переносном смысле употребляются:

1) научные термины: атмосфера (the atmosphere of confidence), положительный (positive result);

2) концепты сферы искусства: дуэт (the duet of liberals and conservatives), шоу (political show);

3) военная терминология: фронт (war front), авангард (the advance guard of the avant-garde);

4) спортивная терминология: раунд (last round) и др.

Отличительным свойством дискурса массмедиа является насыщенность эмоционально окрашенной лексикой из сферы экономически, политики, бизнеса, торговли, информационных технологий:

1) мелиоративные слова (положительная коннотация): sustainable, charity, prosperity, welfare, grow, progress,

2) пейоративные слова (отрицательная коннотация): recession, devaluation, sabotage, jeopardise, rival, apartheid.

Повышение экспрессивности через создание образности

Как известно, дискурс воспринимается читателем нелинейно. На процесс восприятия влияют такие внешние факторы, как ассоциации, авторитетность издания, знания и опыт адресата в данной области, источник и носитель информации, и многие другие.

В следующем отрывке идет речь о модернизации компании Ниссан.

Turning down the volume. Nissan's newish boss wants to re-engineer the troubled carmaker. [13]

Анализируя заголовок, читательская аудитория сталкивается с многозначностью выражения *turn down the volume*. В составе устой-

чивого словосочетания находим лексему *volume*, который в сочетании с фразеологическим глаголом *turn down* чаще всего понимается как «снизить громкость». При ознакомлении с содержанием статьи адресату становится понятно, что в компании Ниссан планируются переделки, которые приведут к сокращению сотрудников. Таким образом, первоначальное восприятие заголовка интерпретируется иначе: «сокращение размера компании». Полное содержание статьи, контекст, выводимый из реалий функционирования компании, позволяет добиться правильной трактовки заголовка. Игра со смыслами, эффект обманутого ожидания вовлекают читателя в посторонние совместного с автором когнитивно-дискурсивного пространства дискурса.

В научном сообществе ведется дискуссия о характере речевого воздействия – его интенциональной или произвольной природе [5; 6; 8; 9]. Необходимо отметить, что такие приемы, как формулирование заголовков, отличаются запланированностью и целенаправленным применением. Какого эффекта удастся достигнуть благодаря вышеуказанным риторическим фигурам? Во-первых, читатель вовлекается в осмысление содержания дискурса. Важен не столько информационный посыл, сколько его интерпретация, совместные размышления адресата и адресанта. Дискурс реализуется как процесс, коммуникативное событие. Во-вторых, повышается прагматическая эффективность высказывания. Применение более утонченных формулировок, косвенных средств выражения обладает более высоким перлокутивным эффектом, нежели прямолинейное сообщение о реорганизации Ниссан. В-третьих, работает принцип экономии речевых средств, при этом не наносится ущерб плану содержания. Наоборот, в сжатой форме автору удастся объединить широкую палитру пропозиций и логических связей:

- а) компания столкнулась с трудностями;
- б) у компании новый руководитель;
- в) руководитель проводит реформы;
- г) реформы посредством оптимизации.

Анализируя данный отрывок методом функционального анализа, обнаруживаем, что пропозиции связаны между собой прагма-се-

мантическими и логико-семантическими отношениями (подробнее о видах отношений [15]), объединяющими их в одну функционально обусловленную систему смыслов:

а – б (исключение – переключение);

б – в (включение – спецификация);

в – г (включение – расширение).

Эти отношения обеспечивают динамику эволюции смысловой системы.

В следующем отрывке фразовые глаголы используются для повышения образности дискурса.

*Until 2017 Nissan was **racing ahead**. That year it sold 5.8m vehicles and **raked in** an operating profit of \$5.2bn. <...> Nissan **fell short of** targets in America, one of its biggest markets [13].*

Коммуникативная цель отрывка – противопоставить прежнее и нынешнее экономическое состояние автоконцерна. Описывая процесс развития компании, автор прибегает к метафоре динамики движения автомобиля. Позитивный этап описывается с помощью фразеологического глагола *racing ahead*. Он ассоциирует прогресс компании со стремительным движением гоночной машины. Доходы компании характеризуются фразеологическим глаголом *rake in*, в сознании читающего ассоциирующимся с огромными объемами, зачастую получаемыми нечестно (букв. *rake in* – загребать). Таким образом, данные речевые средства реализуют речевую тактику противопоставления в масштабах речевой стратегии усиления воздействия.

Употребление речевых стратегий и тактик в печатной прессе интенционально. Так, в статье о реформах в Индонезии коммуникативной целью является создание отрицательного образа переизбранного индонезийского президента.

*The two men are, of course, one: President Joko Widodo, or Jokowi, who came to power in 2014 and was reelected last year. On the face of things, the new “omnibus” law, which **takes a saw** to regulations around employment, among other things, is a sensible effort to make it easier to do business and thus promote investment. The economy is indeed **tied up***

in red tape. <...> *What is the government doing to help the unemployed to retrain, or to keep tiny businesses afloat?* [7]

Фразеологический глагол *to take a saw to* употреблен в значении «положить конец законам в области трудоустройства» и является частью поговорки «рубить сук, на котором сидишь». Отрицательная коннотация, связанная с этой поговоркой, переносится на оценку реформ в индонезийской экономике. Таким образом, тактика скрытого параллелизма является неявным инструментом занижения имиджа политика.

Фразеологический глагол *to be tied up (in red tape)* также характеризует положение вещей как бедственное. Прагматический потенциал данного глагола заключается в создании образа бездействия и беспомощности.

Фразеологический глагол *to keep afloat* использован в значении «удержать на плаву» (крошечные компании), что в качестве характеристики задач нового правительства является уничижительным.

Тактика дискредитации представлена и другими речевыми средствами. В совокупности негативная окраска фразеологических глаголов наряду с отрицательно окрашенными лексемами *weaken*, *discourage*, *steepest collapse*, *tiny businesses*, идиомой *red tape*, усиливает образ чиновника как неэффективного, а его действий как вредных и незаконных.

Выводы

Как показал анализ, фразеологические глаголы используются в дискурсе массмедиа довольно часто и наиболее востребованной их функцией является создание образности описываемых явлений. Английский дискурс СМИ является областью, в которой весьма ярко прослеживается экспрессивный потенциал фразеологических глаголов. Необходимость убеждать, демонстрировать авторитетное мнение, формировать повестку дня в различных общественных сферах делает язык публицистики инструментом риторического воздействия. Как любой целенаправленный вид деятельности, дискурс СМИ оказывает прагматический эффект с целью достижения

коммуникативной цели. Для этого адресант выстраивает риторику комплексно, от общей цели к частным задачам и выбору конкретных речевых средств. Построение такой прагма-семантической системы позволяет реципиенту воспринимать дискурс нелинейно, делает его «объемным», и, следовательно, более убедительным. Ввиду этого представляется необходимым дальнейшее исследование спектра средств создания и интерпретации убеждающего дискурса.

Список литературы

1. Дейк Т.А. ван. К определению дискурса. [Электронный ресурс]. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 28.11.2020).
2. Дмитриева О.П. Фразовый глагол как часть фразеологической системы английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8-1(62). С. 106–109.
3. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: «Истоки», 2001. 266 с.
4. Фразеологическая единица. [Электронный ресурс]. URL: www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/frazeologicheskaya-edinica/?q=486&n=2015 (дата обращения 26.11.2020)
5. Dynel M. Intention to deceive, bald-faced lies, and deceptive implicature: Insights into Lying at the semantics-pragmatics interface // Intercultural Pragmatics. 2015. Vol. 12(3). Pp. 332–309 .
6. Haugh M. Intention in pragmatics // Intercultural Pragmatics. 2008. Vol. 5(2.) Pp. 99-110.
7. How not to reform Indonesia // The Economist. 2020, October, 15. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/asia/2020/10/15/how-not-to-reform-indonesia> (дата обращения: 20.10.2020)
8. Kecskes I. Pragmatics and its interfaces as related to the expression of intention // Introduction. Pragmatics & Cognition. 2019. Vol. 26(1). Pp. 1-4 .
9. Khramchenko D. Humour in English discourse of mass media: functional-linguistic analysis & teaching // 11th international conference of

- education, research and innovation (ICERI2018). 2018. Seville, Spain. Pp. 8934–8938.
10. Kurtz H. Spin Cycle: How the White House and the Media Manipulate the News. New York: Touchstone, 1998. 368 p.
 11. Malyuga E.N. Functional approach to professional discourse exploration in linguistics. Singapore, 2020. 335 p.
 12. Malyuga E.N., Tomalin B. Communicative strategies and tactics of speech manipulation in intercultural business discourse // *Training, Language and Culture*. 2017. Vol. 1(1). Pp. 28–45.
 13. Nissan’s newish boss wants to re-engineer the troubled carmaker // *The Economist*. 2020, July, 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/business/2020/07/02/nissans-newish-boss-wants-to-re-engineer-the-troubled-carmaker> (дата обращения: 20.11.2020).
 14. Partington A. Rhetoric, bluster and on-line gaffes. The tough life of a spin-doctor // *New Media Language* / Edited by Jean Aitchison and Diana M. Lewis. London, New York: Routledge, 2004. Pp. 116–126.
 15. Ponomarenko E.V. Discourse functional relations revisited: mastering causativity as means of communicative impact // 9th international conference on education and new learning technologies (Edulearn17). 2017. Pp. 4706–4712.
 16. Radyuk A.V. Discursive strategies in conflict communicative situations of English economic discourse // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2015. №17. С. 118–129.
 17. Weingart P., Engels A., Pansegrau P. Risks of communication: discourses on climate change in science, politics, and the mass media // *Public understanding of science*. 2000. Vol. 9(3). Pp. 261–283. DOI: 10.1088/0963-6625/9/3/304
 18. Zhai Y., Yan J., Zhang H., Lu W. Tracing the evolution of AI: conceptualization of artificial intelligence in mass media discourse // *Information discovery and delivery*. 2020. Vol. 48(3). Pp. 137-149. DOI: 10.1108/IDD-01-2020-0007

References

1. Dijk T.A., van. *K opredeleniyu diskursa* [Towards the definition of discourse]. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>

2. Dmitrieva O.P. Frazovyiy glagol kak chast' frazeologicheskoy sistemy angliyskogo yazyka [Phrasal verb as part of the phraseological system of the English language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no 8-1 (62). P. 106–109.
3. Sternin I.A. *Introduction to speech impact* [Vvedenie v rechevoe vozdeystvie]. Voronezh: Istoki, 2001. 266 p.
4. *Frazeologicheskaya edinitsa* [Phraseological unit]. URL: www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/frazeologicheskaya-edinitsa/?q=486&n=2015
5. Dynel M. Intention to deceive, bald-faced lies, and deceptive implicature: Insights into Lying at the semantics-pragmatics interface. *Intercultural Pragmatics*, 2015, vol. 12, №3. P. 309–332.
6. Haugh M. Intention in pragmatics. *Intercultural Pragmatics*, 2008, vol. 5, №2. P. 110–99.
7. How not to reform Indonesia. *The Economist*, 2020, October, 15. URL: <https://www.economist.com/asia/2020/10/15/how-not-to-reform-indonesia>
8. Kecskes I. Pragmatics and its interfaces as related to the expression of intention. *Introduction. Pragmatics & Cognition*, 2019, vol. 26, №1. P. 1–4.
9. Khramchenko D. Humour in English discourse of mass media: functional-linguistic analysis & teaching. *11th international conference of education, research and innovation (ICERI2018)*. Seville, Spain. 2018. P. 8934–8938.
10. Kurtz H. *Spin Cycle: How the White House and the Media Manipulate the News*. New York: Touchstone, 1998. 368 p.
11. Malyuga E.N. Functional approach to professional discourse exploration in linguistics. Singapore, 2020. 335 p.
12. Malyuga E.N., Tomalin B. Communicative strategies and tactics of speech manipulation in intercultural business discourse. *Training, Language and Culture*, 2017, vol. 1, №1. P. 28–45.
13. Nissan's newish boss wants to re-engineer the troubled carmaker. *The Economist*, 2020, July, 2. URL: <https://www.economist.com/business/2020/07/02/nissans-newish-boss-wants-to-re-engineer-the-troubled-carmaker>

14. Partington A. Rhetoric, bluster and on-line gaffes. The tough life of a spin-doctor. *New Media Language*. Edited by Jean Aitchison and Diana M. Lewis. London, New York: Routledge. 2004. P. 116–126.
15. Ponomarenko E.V. Discourse functional relations revisited: mastering causativity as means of communicative impact. *9th international conference on education and new learning technologies (Edulearn17)*. 2017. P. 4706–4712.
16. Radyuk A.V. Discursive strategies in conflict communicative situations of English economic discourse. *Issues of applied linguistics*, 2015, №17. P. 118–129.
17. Weingart P., Engels A., Pansegrau P. Risks of communication: discourses on climate change in science, politics, and the mass media. *Public understanding of science*, 2000, vol. 9, №3. P. 261–283. DOI: 10.1088/0963-6625/9/3/304
18. Zhai Y., Yan J., Zhang H., Lu W. Tracing the evolution of AI: conceptualization of artificial intelligence in mass media discourse. *Information discovery and delivery*, 2020, vol. 48, №3. P. 137–149. DOI: 10.1108/IDD-01-2020-0007

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Радюк Александра Владимировна, кандидат филологических наук, доцент

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, г. Москва, 117198, Российская Федерация

radyuk-av@rudn.ru

Храмченко Дмитрий Сергеевич, доктор филологических наук, профессор

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации

пр. Вернадского, 76, г. Москва, 119454, Российская Федерация

d.s.khramchenko@icloud.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Radyuk Alexandra Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor

Peoples' Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation

radyuk-av@rudn.ru

SPIN-code: 5339-2336

ORCID: 0000-0002-2818-0619

ResearcherID: D-6689-2015

Khramchenko Dmitry Sergeevich, Doctor of Philology, Professor

Moscow State Institute of International Relations (University) at

the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadsky prospect, Moscow, 119454, Russian Federation

d.s.khramchenko@icloud.com

SPIN-code: 1579-6336

OCID: 0000-0003-3038-8459

ResearcherID: N-8008-2018

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-211-219

УДК 811.1/8.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ НА ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК

Файзуллина Э.Ф., Ильичева Т.Е.

Статья посвящена проблеме перевода профессиональной терминологии на русский жестовый язык (РЖЯ). Предметом исследования выступают вопросы понимания юридических терминов людьми с нарушениями функции слуха, а также интерпретация смысла терминов сурдопереводчиками при переводе на жестовый язык. Авторы ставят целью сравнить оригинальные юридические тексты и конструкции, полученные путем перевода на РЖЯ, с точки зрения лексического значения и синтаксического наполнения.

Материалы и методы. *Материалом к проведенному исследованию послужили работы неслышащих специалистов по вопросам обучению жестовому языку как глухих детей, так интересующихся жестовой речью слышащих граждан. При подготовке статьи применялись социологический, статистический, документальный методы, сравнительно-сопоставительный анализ отдельных лексических единиц и синтаксических конструкций, теоретический анализ источников, позволивший сформулировать основные выводы.*

Результаты исследования. *В статье дан анализ особенностей перевода профессиональных юридических терминов на русский жестовый язык, приведены примеры дословного перевода и интерпретации сурдопереводчика для облегчения понимания смысла того или иного термина или целой фразы глухими людьми, намечены дальнейшие пути по совершенствованию переводческой деятельности.*

Обсуждение и заключения. *Авторы полагают, что благодаря всестороннему обсуждению проблем, встречающихся при переводе юридической терминологии на русский жестовый язык, выработке критериев или некоей схемы перевода, будет составлен темати-*

ческий словарь юридических терминов для облегчения деятельности сурдопереводчиков в процессе профессиональной деятельности.

Ключевые слова: жестовый язык; РЖЯ; сурдокоммуникация; лексика; глухие; перевод.

ON THE ISSUE OF RENDERING PROFESSIONAL TERMINOLOGY INTO THE SIGN LANGUAGE

Faizullina E.F., Ilyicheva T.E.

The article is aimed at discussing the problems of rendering of professional terminology into the Russian sign language. The subject of the investigation is the comprehension of legal terms by the hearing impaired and the interpretation of the terms by the sign language interpreters. The authors are aimed at conducting a comparative analysis of authentic legal textual data gained by rendering the data (texts and constructions) into the sign language on the lexical and syntactic levels.

Data and methodology. *The data of the investigation conducted is the works of deaf specialists on the issues of the sign language teaching both deaf children and those hearing people being interested in the sign language. Sociological, statistic, documentary, lexicological analysis (of separate lexemes and lexical structures), theoretical analysis of the data methods were applied during the investigations, which let us draw the main conclusions.*

Results. *The article provides an analysis of professional legal terminology translation peculiarities into the Russian sign language; provides instances of word-to-word translations and the sign language translator's interpretations which are supposed to simplify the comprehension of this or that term, or a whole phrase by the hearing impaired. The authors draw further means to the improvement of the interpretation activities.*

Discussion and conclusion. *The authors suppose that in response to the diversified discussion of the problem of rendering legal terminology into the Russian sign language, elaborating criteria or translation schemes, legal glossaries will be compiled to assist professional activities of the sign language interpreters.*

Keywords: *sign language; Russian sign language; sign language communication; lexis; hearing impaired; interpretation; rendering.*

В декабре 2012 г. принят Закон о статусе жестового языка, и постепенно проявился интерес к глухим людям и их языку со стороны общества, органов соцзащиты и полиции, т.е. в основном тех, кто сталкивается в своей работе с глухими гражданами. Жестовому языку обучают на специальных курсах, профессия сурдопереводчика востребована, но получить ее крайне сложно: слишком мало вузов готовят переводчиков РЖЯ. Сегодня основы русского жестового языка изучают и в вузах системы МВД. Одновременно с введением нового предмета возникла необходимость в изучении профессиональных терминов, переводе юридически значимых словосочетаний и предложений на жестовый язык, что повлекло за собой ряд проблем, основной из которых оказалась множественность вариантов жестов, при помощи которых переводятся профессионализмы на жестовый язык. Вместе с тем трудности возникли и из-за элементарного незнания глухими людьми тех или иных слов, полного непонимания юридических терминов, а также неоднозначности подходов сурдопереводчиков к толкованию того или иного термина.

На страницах журнала «В едином строю» в 2010 г. было опубликовано интервью с И. Федосовым, который три года провел в местах лишения свободы лишь потому, что в суде отсутствовал квалифицированный переводчик жестового языка [4, с. 238]. И в нотариальной конторе, и в суде, и при обращении в государственные органы рядом с людьми с нарушением функции слуха должны находиться только квалифицированные переводчики, которых, к сожалению, не хватает в нашей огромной стране. Согласно переписи населения 2010 г., в России проживает 120,5 тыс. носителей русского жестового языка [5], а сурдопереводчиков – 900, т.е. на 100 тыс. глухих или слабослышащих людей приходится один переводчик жестового языка! В Москве членами Всероссийского общества глухих являются 10 тыс. человек с нарушениями слуха, среди них инвалидов по слуху – 5736 человек, а переводчиков жестового языка – 60 (данные на сентябрь 2011 г.) [1]. В сложившейся ситуации сложно говорить о квалифицированной помощи глухому.

Проблемы перевода на РЖЯ и составления словарей жестового языка обсуждаются на протяжении многих лет. А. Комарова отмеча-

ет, что в 90-е гг. XX в. и начале XXI в. появился ряд словарей жестового языка, в том числе в виде компьютерной программы, несколько видеословарей, тематический словарь «Говорящие руки», «Словарь лексики русского жестового языка» [2, с. 87]. Однако сложные словесные термины зачастую могут быть переведены на жестовый язык разными жестами или комбинацией жестов, что, конечно, вызывает трудности как у глухих, так и у переводчиков. Встречаются затруднения и в синтаксическом строе предложения. Например, в жестовом языке в начале предложения выражается представление, на котором акцентируется внимание, несущее главную нагрузку, на последнем месте – действие или вопросительное слово. Фразу на словесном языке «Передай, пожалуйста, Светлане, что она завтра должна явиться в отдел полиции в 15.00» глухой на жестовом построит следующим образом: «Пожалуйста, передать Света завтра 15.00 отдел полиция приходить». Таким образом, многие фразы должны быть построены с точки зрения коммуникативной цели не сколько слышащего человека, сколько глухого.

Итак, для изучения жестового языка и отработки навыков жестовой речи слушателям курсов повышения квалификации «Обучение навыкам русского жестового языка» (действующим сотрудникам органов внутренних дел) были предложены следующие фразы: Вы задерживаетесь по подозрению в совершении противоправного деяния; Вы подозреваете в совершении преступления; Прошу Вас покинуть данное место, оно является местом совершения преступления (административного правонарушения); В соответствии с законом я вынужден Вас доставить в отдел полиции для установления Вашей личности; Вы будете доставлены в медицинское учреждение для прохождения медицинского освидетельствования; В соответствии со ст. 51 Конституции РФ Вы не обязаны свидетельствовать против самого себя и своих близких родственников; В соответствии со ст. 306 УК РФ Вы несете ответственность задачу заведомо ложных показаний.

Трудности при переводе вызвал ряд словосочетаний: *противоправное деяние, подозрение, подозревать, административное*

правонарушение, установление личности, медицинское освидетельствование, заведомо ложные показания и т.д.

Если переводить словосочетания при помощи калькирующей жестовой речи (КЖР, т.е. «прямого перевода»), будет полностью или частично потерян смысл данных фраз, т.к. «чистая калька» дословно переводит слова на жесты. В результате можем получить такой перевод:

Противоправное деяние – «против» «право» «делать»;

Подозрение, подозревать – «примерно», «думать+наверно»;

Административное правонарушение – «руководить» / «администрация» «право» «нарушение»;

Установление личности – «утверждать» «лицо+человек»;

Медицинское освидетельствование – «медицина» «проверять»;

Заведомо ложные показания – «специально» «ложь» «показать».

Опытный переводчик РЖЯ стремится переводить любую информацию, стараясь максимально сохранить смысловую нагрузку, заложенную в словах. Фактически осуществляет перевод, опираясь на своё личное понимание ситуации, знание тех или иных профессиональных терминов, что, в свою очередь, приводит к разнообразию переводов/трактовок одних и тех же словосочетаний/фраз (разные переводчики РЖЯ – разные жесты). Авторы статьи предлагают свой вариант перевода данных словосочетаний.

Противоправное деяние – «нарушение» «правил».

Подозрение, подозревать – «думать» «кто?».

Административное правонарушение – «право» «нарушение».

Установление личности – «понять» «кто?» / «утверждать» «человек+лицо»

Медицинское освидетельствование – жест, имитирующий проверку на алкоголь.

Заведомо ложные показания – «специально» / «нарочно» «обмануть».

Чтобы проверить, понятен ли такой перевод словосочетаний глухим людям, был проведен опрос среди лиц с нарушением функции слуха, обучающихся на курсах «Русский язык для глухих». В опро-

се принимали участие 10 человек, два из которых имеют высшее образование, остальные – среднее. Участникам группы было предложено перевести данные словосочетания на РЖЯ. Пятеро глухих имеют права, управляют автомобилем, к сожалению, не раз нарушали ПДД, а следовательно, читали протоколы, составленные сотрудниками полиции в присутствии переводчика РЖЯ. Этот факт давал основание полагать, что они знакомы с предложенными к переводу словосочетаниями. Помимо перевода, необходимо было объяснить смысловую нагрузку словосочетаний, выбор того или иного жеста в каждой конкретной ситуации. 8 человек из 10, кроме понятия «*медицинское освидетельствование*», не смогли объяснить смысл предложенных словосочетаний. Все 10 человек выбрали для перевода этой фразы жест, имитирующий (повторяющий) движение при проверке на наличие алкоголя в крови. У одного человека вызвали затруднения слова «*заведомо*» и «*деяние*». Один человек не понял, как слово «*административное*» связано с нарушением, т.к. глухими людьми чаще используется словосочетание «*уголовное преступление*» или «*нарушение*». Все 10 человек обратились за помощью к переводчику РЖЯ, который продактилировал все словосочетания и объяснил значения слов. Впоследствии каждый из опрашиваемых предложил свой вариант «прочтения» фраз и после длительного обсуждения глухие участники предложили следующий перевод:

Противоправное деяние – «нарушение»;

Подозрение, подозревать – «притворятся»/ «нарочно»;

Административное правонарушение – «нарушение»;

Установление личности – «узнать кто?» / «это кто?»;

Медицинское освидетельствование – показать жест, когда дуют в алкотестер, «проверка» «медицина»;

Заведомо ложные показания – «клевета»/«облить грязью».

Опрос показал, что большинство глухих людей не знакомы со специальными юридическими терминами, которые **часто используются** при составлении документов, в частности, протоколов. Глухие при переводе на РЖЯ стараются сократить словосочетания до одного жеста, который имеет знакомый, схожий или понятный

смысл. В словосочетании *административное правонарушение и противоправное деяние* перевод фраз был выполнен одним и тем же словом «нарушение» с предложением использовать жесты «склейки» для обозначения конкретных действий (нарушений). Например, «нарушить» + «правила» + «машина», «нарушить» + «пьяный», «нарушить» + «хулиганство» и т.д. Для словосочетания *установление личности* 7 человек предложили использовать жест «узнать», потому что он более точно отображает восприятие ситуации глухими. Словосочетания *заведомо ложные показания* и *противоправные деяния* вызвали бурные обсуждения в группе. В итоге анкетированные сделали свой выбор в пользу жестов, используемых **чаще всего** при разговоре (нарушить и облить грязью соответственно). Слова «подозрение», «подозревать» оказались представлены жестами, имеющими совершенно другую смысловую нагрузку: «предполагать + думать» заменили на «нарочно» и «притворяться». Объяснить, почему выбрали именно эти жесты, группа не смогла. Имеющее высшее образование глухие участники, предположили, что немануальный компонент (выражение лица) в этих словах очень похож между собой, а потому они были приняты за омонимы.

Таким образом, проведенный опрос показал, что глухим людям общаться с представителями власти, в том числе сотрудниками полиции, крайне сложно даже в присутствии переводчика, т.к. смысл, казалось бы, простых слов в структуре профессионального высказывания ими не воспринимается. Авторы предлагают при разработке и составлении словаря юридических терминов привлечь в качестве консультантов преподавателей русского языка, переводчиков РЖЯ, глухих, имеющих высшее и среднее профессиональное образование.

Список литературы

1. Кириленко Н. Глухой мир [Электронный ресурс]: URL: https://newizv.ru/print?site_path=%2Fnews%2Fsociety%2F25-09-2006%2F54650-gluhoj-mir (дата обращения 28.09.2020)

2. Комарова А. Больше словарей – хороших и разных // За жестовый язык! Сборник статей. М.: ОООИ ВОГ, 2014. С. 87.
3. Малоизвестные факты о глухих людях [Электронный ресурс]: URL: https://www.radugazvukov.ru/information/articles/maloizvestnye_fakty_o_glukhikh_lyudyakh (дата обращения 28.09.2020)
4. Паленный В.А. В тюрьму – благодаря переводчику? // В едином строю. 2010. № 12. С. 14-15.
5. Хамзиева Л. Страна глухих: инвалиды по слуху чувствуют себя иностранцами в России [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20110925/443313252.html> (дата обращения 28.09.2020)

References

1. Kirilenko N. *Glukhoj mir* [Deaf world]. URL: https://newizv.ru/print?site_path=%2Fnews%2Fsociety%2F25-09-2006%2F54650-gluhoj-mir
2. Komarova A. Bol'she slovarye – khoroshikh i raznykh [More dictionaries – good and different]. *Za zhestovyy yazyk! Sbornik statey* [For sign language! Digest of articles]. Moscow: ОООИ ВОГ, 2014. P. 87.
3. *Maloizvestnye fakty o glukhikh lyudyakh* [Little known facts about deaf people]. URL: https://www.radugazvukov.ru/information/articles/maloizvestnye_fakty_o_glukhikh_lyudyakh
4. Palenny V.A. V tyur'mu – blagodarya perevodchiku? [Thanks to the translator to jail?]. *V edinom stroyu*. 2010. № 12. P. 14–15.
5. Khamzieva L. *Strana glukhikh: invalidy po slukhu chuvstvuyut sebya inostrantsami v Rossii* [Country of the deaf: hearing impaired feel like foreigners in Russia]. URL: <https://ria.ru/20110925/443313252.html>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Файзуллина Эльмира Фоатовна, доцент кафедры языковедения и иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент
Казанский юридический институт Министерства внутренних дел России
Оренбургский тракт, 128, г. Казань, 420059, Российская Федерация
efkf@mail.ru

Ильичева Татьяна Евгеньевна, старший преподаватель кафедры языковедения и иностранных языков, переводчик русского жестового языка высшей категории
Казанский юридический институт Министерства внутренних дел России
Оренбургский тракт, 128, г. Казань, 420059, Российская Федерация
itae@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Fayzullina Elmira Foatovna, Associate Professor of the Department of Linguistics and Foreign Languages, Ph.D.
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
128, Orenburgsky tract, Kazan, 420059, Russian Federation
efkf@mail.ru

Ilyicheva Tatyana Evgenievna, Senior Lecturer, Department of Linguistics and Foreign Languages, translator of Russian sign language highest category
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
128, Orenburgsky tract, Kazan, 420059, Russian Federation
itae@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-220-242

УДК 811.11:81.347.78.034

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ
В ТЕКСТАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ
И ИХ ПЕРЕДАЧА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ)**

Федорова Н.В., Капитонова Н.С., Карпова А.В.

***Цель.** Статья посвящена актуальной теме функционирования языка в средствах массовой информации. Предметом анализа выступают стилистические фигуры в англоязычных текстах массовой коммуникации в контексте перевода на русский язык. Авторы ставят целью проанализировать функционирование фигур в текстах интернет-изданий «The New Yorker» и «The American Thinker», обладающих значительным оценочным и манипулятивным потенциалом.*

***Метод или методология проведения работы.** Основу исследования составляют методы лингвистического описания, сравнительно-сопоставительный метод, метод сплошной выборки.*

***Результаты.** В исследованных современных текстах массовой коммуникации на английском языке использование стилистические фигуры являются одним из инструментов реализации манипулятивной стратегии скрытого формирования оценки и утверждения идей. Наиболее продуктивны фигуры повтора, параллелизм, полисиндетон и асиндетон, градация, парантеза, риторические вопросы. При переводе фигур речи с английского на русский язык применялись комплексные, смешанные трансформации, однако сами фигуры речи в анализируемых текстах в большинстве случаев сохранялись. Таким образом, практика показала, что риторические фигуры в текстах массовой коммуникации в большинстве случаев можно без потерь перевести на русский язык, передав персуазивность текста.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в педагогических и образовательных целях, а также в профессиональной деятельности переводчиков при работе с текстами массовой коммуникации.*

Ключевые слова: *средства массовой информации; массовая коммуникация; медиадискурс; медиатекст; медиастиль; стилистические фигуры; перевод.*

STYLISTIC FIGURES IN THE TEXTS OF MASS COMMUNICATION AND THEIR TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (ON THE MATERIAL OF ENGLISH-LANGUAGE INTERNET PUBLICATIONS)

Fedorova N.V., Kapitonova N.S., Karpova A.V.

Purpose. *The article is devoted to the actual topic of functioning a language in the mass media. The subject of the analysis is stylistic figures in English-language texts of mass communication in the context of translation into Russian. The authors aim to analyze the functioning of figures in online publications from The New Yorker and The American Thinker, which have significant evaluative and manipulative potential.*

Methodology. *The research is based on the comparative method, methods of linguistic description and continuous sampling.*

Results. *The use of stylistic figures is one of the tools for implementing a manipulative strategy of veiled formation of certain assessments and approval of specific ideas. The most productive stylistic figures in the studied contemporary texts in mass communication are repetition, parallelism, polysyndeton and asyndeton, gradation, paranthesis, and rhetorical questions. Complex, mixed transformations were used to translate figures of speech from English into Russian, but in most cases the figures of speech themselves were preserved in the analyzed texts. Thus, practice has shown that rhetorical figures in mass communication texts can be translated into Russian in most cases without loss of the text's persuasiveness.*

***Practical implications.** The results of the research can be applied for pedagogical and educational purposes, as well as for professional activities of translators when working with mass communication texts.*

***Keywords:** mass media; mass communication; media discourse; media text; media style; stylistic figures; translation.*

На сегодняшний день медиалингвистика, занимающаяся изучением функционирования языка в средствах массовой информации, и медиастилистика, предметом изучения которой является речевая организация медиатекста, становятся все более популярными исследовательскими областями. Тексты массовой коммуникации, или медиатексты, являются одной из самых распространенных форм бытования языка. Динамичное развитие традиционных средств массовой информации, появление новых компьютерных информационных технологий, глобализация мирового информационного пространства оказывают огромное влияние на процесс создания и распространения информации. Это новое информационное пространство характеризуется особыми чертами, так же, как и коммуникативные продукты, создаваемые в рамках данного пространства. Поэтому все больше внимания направляется на изучение роли СМИ в динамике языковых процессов, исследование языка массовой коммуникации. Все вышеперечисленное позволяет говорить об актуальности темы работы.

Цель исследования – анализ функционирования стилистических фигур в англоязычных текстах массовой коммуникации и их способов их передачи на русский язык. Для достижения данной цели были решены следующие задачи:

- проанализировать и систематизировать базовую терминологию по теме исследования, классификации тропов и стилистических фигур, употребляемых в текстах массовой коммуникации;
- проанализировать практику их передачи с английского языка на русский;
- выявить и определить значение стилистических фигур в исследуемых текстах массовой коммуникации;

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в исследование использования стилистических фигур в текстах массовой коммуникации и передачи ее с английского на русский язык. Новизна работы состоит в систематизации и разграничении понятий, связанных с исследованием массовой коммуникации в лингвистике, а также уточнении на актуальном языковом материале ключевой функции фигур речи в современных СМИ и определении основных путей их передачи с английского языка на русский.

Практическая значимость работы представляется в возможности использования материалов исследования в педагогических и образовательных целях, например, при разработке лекций и на практических занятиях соответствующей тематики, а также в профессиональной сфере при переводе текстов массовой коммуникации.

Теоретической основой исследования послужили работы таких авторов, как А.С. Бархударов [1], В.Н. Комиссаров [9], И.Р. Гальперин [2; 3], Т.Г. Добросклонская [5], Н.И. Клушина [7], М.Н. Кожина [8], Г.А. Копнина [10], Janice Campbell [14], Lee Jacobus [15], Allan M. Siegal [16] и ряда других.

Материалы и методы

В ходе исследования применялись методы: лингвистического описания, сравнительно-сопоставительный метод. Метод сплошной выборки был применен при отборе фактического материала.

Материалом исследования послужили тексты массовой коммуникации современных англоязычных интернет-изданий «*The New Yorker*» и «*The American Thinker*», посвященные президенту США Дональду Трампу. Перевод текстов наш.

«*The New Yorker*» – американский еженедельник, публикующий репортажи, комментарии, критику, эссе и так далее. «*The American Thinker*» – американский ежедневный электронный журнал, стоящий на позициях американского консерватизма. Публикации издания посвящены политической системе, внешней политике, национальной безопасности, экономике, культуре США. Политико-ориентированные материалы преобладают в издании.

Надо отметить, что эти два издания представляют полярные позиции в вопросе отношения к личности и политике действующего президента США Дональда Трампа. Действия республиканца Дональда Трампа одобряются в подавляющем большинстве исследованных публикаций «*The American Thinker*». Наоборот, публикации «*The New Yorker*» – наполнены критикой в отношении Дональда Трампа, негативной оценочностью и отражают противоположную позицию его противников.

Результаты и обсуждение

В настоящее время лингвистами используется целый ряд понятий, связанных с изучением языка, функционирующего в массовой коммуникации: язык массовой коммуникации, язык СМИ, язык массмедиа, газетно-публицистический стиль, язык газеты и другие. Представляется необходимым определить и разграничить основные понятия, актуальные при изучении массовой коммуникации. Коммуникация посредством СМИ обладает рядом особенностей: она, во-первых, дистантна (осуществляется на расстоянии), во-вторых, с индивидуально-коллективным субъектом (имеется в виду соавторство, общая позиция газеты, телеканала и так далее) и массовым рассредоточенным адресатом (сообщения СМИ передаются неизвестному, количественно не определенному получателю информации).

Язык СМИ определяется исследователями по-разному. Приведем некоторые определения, представленные в литературе:

– особый язык, аккумулирующий языковую, социальную и культурно-историческую память конкретных языков и используемый для производства текстов массовой коммуникации, приобретающих межнациональный характер;

– особый язык информационного воздействия, используемый для создания определенной картины мира в общественном сознании;

– модель национального языка, которая формирует литературные нормы, языковые вкусы, оказывает влияние на восприятие политики, идеологии, искусства, литературы;

– корпус текстов массовой коммуникации; особая знаковая система смешанного типа с определенным соотношением вербальных и аудиовизуальных компонентов, специфических для каждого из СМИ (печать, радио, телевидение, Интернет). Язык газеты, радио, телеречь, Интернет-язык рассматриваются как составляющие языка СМИ (языка массмедиа) [6, с. 8–9].

Одним из ключевых понятий в пространстве массовых коммуникаций является понятие дискурса. Единая общепринятая трактовка данного термина отсутствует. Так, Т. ван Дейк трактует дискурс как сложное единство языковой формы, значения и действия; он включает сам акт создания текста и отражает зависимость создаваемого речевого произведения от многочисленных нелингвистических обстоятельств [4, с. 121]. Вслед за Т. ван Дейком ряд исследователей понимают под дискурсом сложное коммуникативное явление, которое включает в себя кроме текста совокупность экстралингвистических факторов, сопровождающих процесс коммуникации и необходимых для понимания текста (знания о мире, мнения, установки, цели создателя текста, говорящего и так далее), или как связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами (Н.Д. Арутюнова, Ю.Н. Караулов и другие); П. Серио указывает, что дискурс – это определенный тип высказываний (например, административный дискурс, феминистский дискурс) [6, с. 25]. Таким образом, дискурс не ограничивается рамками языка, он изучает все содержание коммуникации, делая акцент на рассмотрении речевых намерений говорящего / пишущего, стратегий, тактик при их реализации, оценок, эмоций по отношению к отражаемой действительности, адресату, содержанию сообщения.

Как отмечает в своих работах В.В. Красных, дискурс – это «вербализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата и обладающая как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами» [11, с. 113]. Таким образом, дискурс есть процесс (вербализованной речемыслительной деятельности) и результат (совокупность текстов). Что касается соотношения понятий текста и дискурса, то дискурс обычно противопоставляют тексту как процесс и продукт.

Очень подробное определение текста дал И.Р. Гальперин: это произведение речетворческого процесса, характеризуемое завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и грамматическую установку [3, с. 18]. Надо, однако, уточнить, что не все тексты являются завершенными и имеют заголовки, кроме того, существуют не только письменные тексты, но и устные (например, тексты докладов) [12, с. 511]. Но, бесспорно, текст – это такой продукт речемыслительной деятельности, который обладает структурным, коммуникативным, тематическим единством [11, с. 123]. Текст является компонентом, базовой частью дискурса, создаётся «внутри» дискурса, являясь его «детищем» [12, с. 511]. Но дискурс требует учёта всех экстралингвистических факторов, а текст можно анализировать и без этого аспекта.

Понятие медиадискурса является производным от понятия дискурса вообще. Т.Г. Добросклонская указывает, что медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации [5, с. 197–200]. Таким образом, медиадискурс – это любой вид дискурса, реализуемый в сфере массовой коммуникации. Это может быть даже совокупность различных дискурсов, реализация которых опирается на практики производства, трансляции и интерпретации массовой информации [6, с. 23–24].

К текстам массовой коммуникации относят тексты СМИ. Основные формы существования медиадискурса – новостные тексты, рекламные тексты и многие другие виды медиатекста. Собственно текст внутри массмедийного пространства значительно расширяет свои границы, выходит за рамки вербального уровня, становясь последовательностью не только слов, но и знаков других семиотических систем – графических, звуковых и прочих [5, с. 154].

Значительную долю текстов, представленных в современных интернет-СМИ, составляют медиатексты, создаваемые в целях

формирования и подачи образов власти и элиты – относительно немногочисленной социальной группы, представители которой занимают ведущие позиции в сферах политики, экономики, культуры, противопоставляя себя электоральному большинству [13, с. 144].

Рассуждая о соотношении понятий «медiateкст» и «медиакурс» Т.Г. Добросклонская, опираясь на модель коммуникации (которая включает отправителя сообщения, получателя, канал, обратную связь, само сообщение, процессы кодирования и декодирования, ситуацию общения и контекст), указывает, что текст равен сообщению, медiateкст – это сообщение плюс канал, медиакурс – сообщение со всеми компонентами коммуникации [5, с. 54].

Таким образом, медиакурс представляет собой речемыслительную деятельность внутри массмедийного пространства, которая включает в себя все экстралингвистические составляющие, тогда как медiateкст есть продукт, единица медиакурса, которая не привязана к экстралингвистическим факторам и может анализироваться исключительно с точки зрения своего содержания.

Также исследователи различают понятия «медиакурс» и «медиастиль» (стиль массовой коммуникации). Соотношение данных понятий показано и объяснено в работах Н.И. Клушиной. Исследователь указывает, что медиакурс – это совокупность текстов, созданных журналистами и транслируемых на массовую аудиторию через медийные каналы. Стиль – это и совокупность текстов (например, функциональный стиль), и их отличительная черта. Медиастиль как частное проявление стиля представляет собой общую отличительную характеристику текстов, функционирующих в пространстве медиакурса. Итак, медиастиль объединяет, связывает все тексты медиакурса в единую систему [7, с. 55–56].

Перейдем к анализу стилистических фигур в текстах массовой коммуникации на основе определенного языкового материала. Существует множество дефиниций термина «стилистическая фигура», которые, однако, в большинстве своем сводятся к тому, что это прием выразительности, основывающийся на соположении языковых единиц в тексте. Приведем ряд примеров, отобранных из текстов

массовой коммуникации на английском языке, опубликованных в вышеуказанных интернет-изданиях.

Распространенными в текстах массовой коммуникации являются разнообразные средства риторического усиления речи. Встречаются все фигуры речи. Однако некоторые приемы можно увидеть наиболее часто. Перечислим их.

Во-первых, это присоединительные конструкции.

Например: *Early on, Trump had greater self-control than he had as a candidate, but he couldn't quite crack the likability factor – and, maybe, he didn't want to* [17].

Раньше у Трампа было больше самообладания, чем когда он стал кандидатом, но он не мог отбросить фактор симпатии – *a, возможно, и не хотел.*

These combative art forms suited his style – flamboyant and vaudevillian [Там же].

Эти агрессивные формы искусства сформировали его стиль – *броский, водевильный.*

Далее – вопросно-ответные ходы: дубитация (ряд вопросов к воображаемому собеседнику); риторический вопрос (не требует ответа); объективизация (вопрос, на который автор отвечает сам); обсуждение (постановка вопроса с целью обсудить уже принятое авторитетными лицами решение или обнаруженный вывод).

Пример: *The comedian Rosie O'Donnell accused him of hypocrisy – who was the womanizing Trump to judge?* [Там же]

Комедийная актриса Розы О'Доннелл обвинила его в лицемерии: *кто такой этот бабник Трамп, чтобы судить?*

Для контакта с читателями используются: парантеза (вставка); умолчание (намеренный обрыв высказывания, предполагающий, что читатель догадается о невысказанном); повторы; аппликации (вкрапление общеизвестных выражений); коммуникация (мнимая передача проблемы на рассмотрение реципиентам).

Парантеза представляет собой добавочную конструкцию, вставку, включение одной фразы внутрь другой без грамматической связи. Парантеза выделяется графически – при помощи тире, скобок, запятых и, соответственно, интонационно. Например:

Wrestling – *even more than reality TV* – makes anyone who describes it sound like a lunatic [Там же].

Борьба – *даже больше, чем реалити-шоу* – заставляет любого, кто описывает ее, говорить подобно сумасшедшему.

При переводе сохраняем вставку, выделяя ее при помощи тире, применяем калькирование, сохраняя структуру вставки, а также конкретизацию: *reality TV – реалити-шоу*.

Для парантезы характерна, с одной стороны, отчужденность от основного высказывания (она легко может быть изъята из предложения), а с другой стороны, акцентуация. Она выделяется интонационно, «выдвигается» на передний план на фоне остальной информации, содержащейся в предложении. Поэтому авторы используют вставки, чтобы выделить некую информацию, повысить ее важность и привлечь к ней внимание реципиента. Кроме того, парантеза экспрессивна. Рассмотрим это на другом показательном примере:

Days after the Helsinki summit, Trump’s advisers have offered no information – *literally zero* – about any such agreements [18].

Через несколько дней после хельсинкского саммита советники Трампа не предложили никакой информации – *в буквальном смысле ноль* – о каких-либо таких соглашениях.

В данном примере подчеркивается полное отсутствие информации об итогах Саммита Россия – США с участием президентов В. Путина и Д. Трампа, который состоялся в Хельсинки 16 июля 2018 г. и вызвал значительный интерес в американском обществе, подогреваемый СМИ. Контраст между ожиданием получить своевременно подробную информацию и немногословностью официальных лиц ярко выражен в данном фрагменте. При переводе на русский язык данную фигуру речи удастся сохранить, переведя ее дословно. Сохранена также экспрессия и эмоциональность высказывания.

As always, Trump touts *his* hotels and resorts, *his* water and his ties; and the celebrities do the same for their albums and perfumes [17].

Как всегда, Трамп рекламирует *свои* отели и курорты, *свою* воду и *свои* галстуки, и знаменитости делают то же самое для *своих* альбомов и духов.

Значительным стилистическим потенциалом и выразительными возможностями обладает асиндетон (бессоюзие). В следующем примере отсутствуют союзы между однородными членами предложения. Бессоюзие придает речи насыщенность и ритмичность, которую поддерживает и лексический повтор (повторение местоимения *his*).

В последнем примере структура предложения сохранена полностью, но повторяемых элементов оказалось даже больше, чем в оригинале, за счет использования местоимения *свой*, а не *его* и *их*. За счет повтора четко расставляются акценты, выделяются определенные стороны личности или явления.

Интересный пример использования нескольких определений, соединенных бессоюзной связью, в стилистических целях:

President Trump's address at the National Boy Scout Jamboree was another opportunity to show himself as demagogic, *non-inclusive, dishonest, and, at times, simply crude* [Там же].

Выступление президента Трампа на Национальном слете скаутов стало еще одной возможностью показать себя *демагогом, несочувствующим, нечестным*, а порой и просто *грубым*.

В данном случае наблюдается градация – климакс – расположение прилагательных в порядке усиления признака.

Аналогичные примеры бессоюзия:

Unlike his political rivals, President Trump wants to use our full power. We do not need to be intimidated by anybody – *not China, not the E.U., not Russia, not Iran, not terrorists* [18].

В отличие от своих политических соперников, президент Трамп желает использовать нашу силу полностью. Нам не нужны угрозы от кого бы то ни было: *ни от Китая, ни от ЕС, ни от России, ни от Ирана, ни от террористов*.

При переводе применяется грамматическая замена: пассивный инфинитив *to be intimidated* заменен на существительное во множественном числе – *угрозы*, а также перестановка: *to use our full power* – *использовать нашу силу полностью*, прилагательное заменено на наречие.

Рассмотрим следующий пример:

They are matters of asserting and arguing interests, in finding hard-fought areas of agreement and progress; they demand patient preparation (*which Trump refuses*) and principle (*which Trump lacks*) [17].

Это вопросы отстаивания интересов, трудного поиска областей согласия и прогресса; они требуют терпеливой подготовки (*от которой Трамп отказывается*) и принципов (*которых Трампу не хватает*).

Здесь мы видим сочетание стилистических фигур: синтаксический параллелизм, повтор, причем во вставных конструкциях, т.е. в предложении присутствует еще и парантеза: *which Trump refuses*, *which Trump lacks*. Создается образ Д. Трампа – плохого переговорщика, к тому же не имеющего твердой почвы под ногами, страдающего от отсутствия твердой принципиальной позиции, но в то же время не желающего работать над собой и сложными проблемами. При переводе использован ряд трансформаций: опущение (прилагательное *hard-fought* опущено, компенсировано за счет добавления прилагательного «*трудного*»; из двух контекстуальных синонимов *asserting* и *arguing* один – опущен; имеет место грамматическая замена *principle* (существительное в единственном числе) – *принципы* (множественное число). Однако фигуры речи сохранены в переводе и задуманный автором эффект, как нам представляется, сохранен.

Еще несколько иллюстративных примеров использования фигур повтора.

Trump recognizes and is comfortable with *power* – his personal *power*, America's *power* [18].

Трамп признает и умело использует *власть*. Свою личную *власть*. *Власть* Америки.

В данном примере использован полиптотон – повторение одного и того же слова в разных грамматических формах – в сочетании присоединительной конструкцией – эпифразом. Присоединительная конструкция отражает ход мыслей автора, фрагменты, отрезанные от предложения, приобретают большую выразительность, эмоциональную насыщенность. При переводе прибегаем к смысловому развитию (*is comfortable with power* – *умело использует власть*).

В переводе использованы другие знаки препинания – точки вместо тире и запятой. Это было сделано, чтобы сделать более определенным членение предложения на русском языке и передать авторский замысел.

Our president loves to *build*. He used to *build* big apartment and hotel towers with his name on them. Now he *is building* up America, because he loves America [Там же].

Наш президент любит *строить*. Он *строил* большие квартиры и гостиничные башни своего имени. Теперь он *строит Америку*, потому что он *любит Америку*.

Пример интересен использованием предложений с простой структурой, которые звучат как лозунги. При этом используется полиптотон, эпифора, концентрирующие внимание читателя на ключевой идее, синтаксический параллелизм. В данном примере выстраивается положительный образ Трампа-строителя, создателя, который любит свою страну. Учитывая простую структуру предложений, они почти дословно переданы на русский язык.

President Donald Trump is not a figure many feel empathetic toward. Nearly half the country *hates him*. *Hate* may be too mild a word. *They despise him and equate him with the worst of human history, Hitler and the Nazis. They want him destroyed, literally and politically, along with his family. This includes Democrats, the media, and many Republicans* [Там же].

Президент Дональд Трамп – фигура, которой немногие соперечивают. Почти половина страны *ненавидит его*. *Ненависть*, возможно, слишком мягкое слово. *Они презирают его и приравнивают к худшим в истории человечества – Гитлеру и нацистам. Они хотят уничтожить его*, буквально и политически, вместе с его семьей [Там же].

В данном примере целый комплекс фигур речи: полиптотон (*hates, hate*), ассонанс (повторение согласных звуков: *half the country hates him. Hate may be too mild a word. They despise him and equate him with the worst of human history, Hitler and the Nazis*; в переводе он не сохранен), восходящая градация (климакс), синтаксический параллелизм.

Использован антонимический перевод, опущение (опущена одна из повторяемых единиц: *Они презирают его и приравнивают* (его) *к худшим*, поскольку в предложении на русском языке она кажется избыточной, а нормы русского языка требуют избегать неоправданных повторов).

Еще один иллюстративный пример:

When Trump hailed neo-Nazis in Charlottesville as “very fine people” when he endorsed an accused child molester for the Senate, when he separated children from their parents at the Mexican border, the Republican Party, by and large, accepted it. And, when Coats said, of Russian cyberattacks, that “warning lights are blinking red again” the Party did not pressure the President to mount a defense [17].

Когда Трамп приветствовал неонацистов в Шарлоттсвилле как «очень хороших людей», *когда он одобрил* включение обвиняемого в растлении малолетних в состав Сената, *когда он разделил* детей и их родителей на мексиканской границе, Республиканская партия, по большому счету, приняла это. И, *когда Коутс заявил* по поводу российских кибератак, что «предупреждающие огни снова мигают красным», партия не оказала давления на президента, чтобы усановить защиту.

Последний пример особенно показателен, поскольку синтаксический параллелизм и фигура повтора – анафора – становятся основой высказывания, создают «каркас», на котором строится авторская концепция убеждения. Имеет место также синтаксический параллелизм – одинаковое синтаксическое построение соседних предложений, выполняющее усилительно-выделительную функцию, расположение членов смежных предложений в сходной последовательности. На основе параллелизма и повтора строится группа фигур, таких как анафора, эпифора и другие. Помимо экспрессивной функции, повтор также помогает расставить акценты, привлечь внимание читателя, сформировать определенную оценку, доказать мысль, которую отстаивает автор сообщения, и внушить эту мысль реципиенту. Также в данном примере имеет место градация (антиклимакс) – расположение частей высказывания в порядке

ослабления их эмоционально-смысловой значимости – благодаря которому создается эффект развития производимого впечатления.

Так автор ведет нас к заключению: если все это (то, что перечислено в начале первого предложения) было принято республиканцами, – нет ничего удивительного в том, что и на остальные предосудительные действия Д. Трампа они закроют глаза. Кроме того, автор статьи использует и такой прием, как полисиндетон (многосоюзиe): повторяется союз *when – когда* при частях сложного предложения, за счет этого достигается ритмичность речи и поддерживается градация.

При переводе структуру предложений и все фигуры удалось сохранить. Применен прием добавления: *endorsed an accused child molester for the Senate* – одобрил *включение* обвиняемого в растлении малолетних *в состав* Сената, и конкретизация: *said – заявил*, чтобы русскоязычному читателю был понятен смысл фразы.

Создание иллюзии общения с читателем, столь важного для текстов массовой коммуникации, путем использования, например, риторических вопросов, – также является действенным средством воздействия на умонастроения реципиентов. Поэтому риторические вопросы активно используются в текстах массовой коммуникации. Приведем и проанализируем ряд примеров:

Trump was a successful businessman, a billionaire with properties, resorts, golf courses, and hotels around the world. <...> *Yet he gave that up. Why would he do that? As a septuagenarian, did his ego demand one more even bigger prize?* [18]

Трампа был успешным бизнесменом, миллиардером с недвижимостью, курортами, полями для гольфа и отелями по всему миру. <...> И все же он отказался от этого. *Зачем ему это делать? Требовало ли его, семидесятилетнего человека, эго очередного, еще большего приза?*

При переводе структура второго вопроса была изменена: приложение *as a septuagenarian* было перемещено ближе к центру предложения (в оригинале оно находится в начале) и к определяемому слову, а сказуемое *demand* – наоборот, в начало предложения.

Еще один пример:

A guy chosen by ordinary people, *trying* to make *America* great again despite so much of *America trying* to stop and destroy him. *How would any rational person behave when standing in Trump's shoes?* [Там же]

Парень, избранный обычными людьми, который пытается сделать Америку снова великой несмотря на то, что Америка пытается остановить и уничтожить его. *Как бы вел себя любой рациональный человек, находясь на месте Трампа?*

Здесь помимо риторического вопроса, снова использована фигура, построенная на основе повтора. На этот раз – антиметабола, когда слова во второй части предложения повторяются в другом порядке, нежели в первой части, при этом меняется смысл, что мы и наблюдаем в данном примере. Имеет место также синтаксический параллелизм: *trying to make America – trying to stop and destroy him*.

При переводе самого риторического вопроса прибегаем к перестановке: *How would any rational person... – Как бы вел себя любой рациональный человек...*

Риторические вопросы часто встречались в заголовках материалов исследуемых интернет-изданий, например:

Is Donald Trump, Jr., Taking the Fall for the White House? [17]
Дональд Трамп-младший берет на себя вину за Белый дом?

В данном случае в заголовке присутствует также троп – метонимия: *White House – Белый дом* как обозначение правительства США.

Will North Korea Play Nuclear Hide-and-Seek with Trump? [Там же]
Сыграет ли Северная Корея в ядерные прятки с Трампом?

В этом заголовке видим также троп – метафору: *Nuclear Hide-and-Seek – ядерные прятки*.

Заголовки переданы на русский язык калькированием, поскольку данные образы известны и понятны русскоязычному читателю, и метафора «ядерные прятки» будет верно трактована русскоязычными реципиентами, которые следят за событиями вокруг ядерной программы Северной Кореи.

В следующем заголовке – интересный пример использования эпифраза – или присоединения, – добавочного, уточняющего пред-

ложения или словосочетание, присоединяемое к уже завершеному высказыванию:

Donald Trump's State of Mind, *and Ours* [Там же].

Душевное состояние Дональда Трампа. *И наше*.

В переводе запятая заменена на точку, чтобы подчеркнуть добавочное, уточняющее значение присоединяемого элемента.

Парцелляция представляет собой намеренное членение связного текста на несколько самостоятельных с пунктуационной и интонационной точки зрения отрезков. Парцелляция – средство постановки акцентов, способ выделения определенной части высказывания, на которую надо обратить внимание читателя. Иллюстративный пример:

Trump Threatens a Showdown with Iran. But How? [Там же]

Трамп грозит разобраться с Ираном. Но как?

Здесь использован также риторический вопрос, который выступает парцеллятом. При переводе прибегаем к калькированию, а также осуществляем грамматическую замену: существительное *showdown* со значением «(решающий) поединок, развязка, разборка» заменено на глагол, сохранена соответствующая эмоциональная составляющая.

Заключение

1. Лингвисты по-разному определяют стиль массовой коммуникации. Одни авторы приравнивают его к публицистическому стилю, другие авторы утверждают о сочетании в стиле массовой информации множества других функциональных стилей, третья группа авторов выделяет стиль массовой коммуникации, как отдельный вид функционального стиля. Но представляется наиболее точной точка зрения, согласно которой язык массовой коммуникации признается особым типом функционально-стилевых единств.

2. Авторы публикаций, представленных в исследуемых изданиях, стремясь доказать свои позиции и склонить массового читателя на свою сторону, широко используют в том числе и стилистические фигуры. Фигуры в данном случае можно определить как особые

формы синтаксических конструкций, усиливающие воздействие речи на адресата, основанные на соположении языковых единиц в тексте. Исследованные тексты являются персуазивными. Авторы пытаются определенным образом воздействовать на реципиента, добиться усвоения транслируемых идей, сомыслия, формирования мнений и оценок, а также совершения либо отказа от совершения действий, выгодных для адресанта. Особый тип персуазивного представляют собой речевые манипуляции. Анализ фактического материала показал, что одной из важнейших функций фигур в современных текстах массовой коммуникации является *скрытое* формирование оценки в контексте реализации манипулятивной стратегии утверждения определенных идей: оценочная программа «вшита» в ткань текста, отсюда – скрытое манипулирование сознанием реципиентов текстов, в частности, за счет подбора и эффективного использования традиционных фигур речи.

3. Среди стилистических фигур, наиболее частотных в англоязычных текстах массовой коммуникации, выделяются фигуры повтора, параллелизм, полисиндетон и асиндетон, градация, придающие высказыванию динамизм, парантеза, риторические вопросы как действенные способы привлечения внимания реципиента и установления контакта с ним. При их переводе находят применение комплексные, смешанные трансформации. При передаче на русский язык тропов и фигур наиболее продуктивными приемами был подбор лексического и стилистического эквивалента или аналога, калькирование. Реже возникала необходимость замены словарного соответствия контекстуальным, лексически связанным с ним (например, при переводе эпитетов и метафор). Описательный перевод и переводческий комментарий уместен в отдельных случаях с целью объяснения явления, непонятного или неизвестного для русскоязычного массового читателя. В некоторых случаях предложения, содержащие фигуры, подвергались изменениям с учетом норм русского языка. Из грамматических трансформаций чаще всего применялись такие, как перестановка, изменение субъектно-объектных отношений в предложении, замена числа. Надо,

однако, отметить, что сами фигуры речи в анализируемых текстах в большинстве случаев сохранялись и подвергались минимальным трансформациям. Таким образом, практика показала, что риторические фигуры в текстах массовой коммуникации в большинстве случаев можно без потерь передать на русский язык.

4. При переводе большинства фигур речи крайне важен вопрос возможности сохранения структуры предложения или, как минимум, самой фигуры. От этого непосредственно зависит сохранение прагматики текста массовой коммуникации, его воздействующего потенциала. Поэтому установка на сохранение структуры предложения и передачу тропов была ведущей и необходимость в компенсации возникала в редких случаях, когда грамматическая ассиметрия языков совершенно не позволяла сохранить их в полном объеме.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. 4-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2013. 235 с.
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. 6-е изд. М.: Либроком, 2014. 336 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
5. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь). М.: Наука, 2008. 263 с.
6. Казак М.Ю. Язык газеты. Белгород: ИД «Белгород», 2012. 118 с.
7. Клушина Н.И. Медиастилистика: как устроен современный медиастиль // Русская речь. 2015. № 3. С. 55–60.
8. Кожина М.Н. Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. М.: Флинта: Наука, 2014. 620 с.
9. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Курс лекций. М.: ЭТС, 2000. 187 с.

10. Копнина Г.А. Риторические приемы современного русского литературного языка, опыт системного описания. М.: Флинта: Наука, 2009. 576 с.
11. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
12. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
13. Усатая Н.Н., Артюхин О.А., Палкин В.В., Дудукалов Е.В. Концептуальная модель профессионального пространства политико-административной элиты // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 12 (103). С. 144–147.
14. Campbell J. Schemes and Tropes. URL: <https://excellence-in-literature.com/figures-speech-schemes-tropes/> (дата обращения: 11.10.2020).
15. Jacobus, L. Milton's Rhetoric: Examples of Milton's Use of Classical Schemes and Tropes. URL: https://www.dartmouth.edu/~milton/reading_room/rhetoric/text.shtml (дата обращения: 11.10.2020).
16. Siegal A.M., Connolly W. The New York Times Manual of Style and Usage. Three Rivers Press. 2015. 345 p.
17. The New Yorker: [official website]. URL: <https://www.newyorker.com/> (дата обращения: 20.10.2020).
18. The American Thinker: [official website]. URL: <https://www.american-thinker.com/articles/> (дата обращения: 20.10.2020).

References

1. Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod: voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Language and translation: issues of general and particular translation theory]. 4-e izd. Moscow: LKI Publ., 2013. 235 p.
2. Gal'perin I.R. *Stilistika angliyskogo yazyka* [English stylistics]. 6-e izd. Moscow: Librokom, 2014. 336 p.
3. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka, 1981. 139 p.
4. Deyk T.A. van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Knowledge. Communication]. Blagoveshchensk: BGC im. I.A. Baudouin de Courtenay, 2000. 308 p.

5. Dobrosklonskaya, T.G. *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izu-cheniyu yazyka SMI (Sovremennaya angliyskaya mediarech')* [Media linguistics: a systematic approach to the study of the media language (Modern English media language)]. Moscow: Nauka, 2008. 263 p.
6. Kazak M.Yu. *Yazyk gazety* [Newspaper language]. Belgorod: Belgorod Publ., 2012. 118 p.
7. Klushina N.I. *Russkaya rech'* [Russian speech]. 2015. No. 3: 55-60.
8. Kozhina M.N. *Rechevedenie. Teoriya funktsional'noy stilistiki* [Theory of functional stylistics]: izbrannye trudy. Moscow: Flinta: Nauka, 2014, 620 p.
9. Komissarov V.N. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]: Kurs lektsiy. Moscow: ETS, 2000, 187 p.
10. Kopnina G.A. *Ritoricheskie priemy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka, opyt sistemnogo opisaniya* [Rhetorical techniques of the modern Russian literary language, an experience of system description]. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 576 p.
11. Krasnykh V.V. "Svoy" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? ["A friend" among "strangers": myth or reality?]. Moscow: Gnosis, 2003. 375 p.
12. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the world cognition]. Moscow: Jazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 560 p.
13. Usataya N.N., Artyukhin O.A., Palkin V.V., Dudukalov E.V. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie* [Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management]. 2018. № 12 (103). P. 144-147.
14. Campbell J. Schemes and Tropes. URL: <https://excellence-in-literature.com/figures-speech-schemes-tropes/> (accessed 11.10.2020)
15. Jacobus, L. Milton's Rhetoric: Examples of Milton's Use of Classical Schemes and Tropes. URL: https://www.dartmouth.edu/~milton/reading_room/rhetoric/text.shtml (accessed 11.10.2020)
16. Siegal A.M., Connolly W. *The New York Times Manual of Style and Usage*. Three Rivers Press. 2015. 345 p.

17. The New Yorker: [official website]. URL: <https://www.newyorker.com/> (accessed 20.10.2020).
18. The American Thinker: [official website]. URL: <https://www.american-thinker.com/articles/> (accessed 20.10.2020).

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Федорова Наталья Владимировна, доцент кафедры «Лингвистика и иностранные языки», кандидат исторических наук
*Донской государственной технической университет
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, Ростовская область,
344000, Российская Федерация
fnavl@mail.ru*

Капитонова Нина Сергеевна, доцент кафедры «Лингвистика и иностранные языки», кандидат филологических наук
*Донской государственной технической университет
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, Ростовская область,
344003, Российская Федерация
neonilak@inbox.ru*

Карпова Анастасия Васильевна, старший преподаватель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, кандидат экономических наук
*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский проспект, 49, г. Москва, 125993, Российская Федерация
baranova89@bk.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Fedorova Natalia Vladimirovna, Associate Professor, Department of Linguistics and Foreign Languages, Ph. D. in Philology
*Don State Technical University
1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Rostov Region, 344003, Russian Federation*

neonilak@inbox.ru

SPIN-code: 1063-0849

ResearcherID: X-4097-2018

Kapitonova Nina Sergeevna, Associate Professor, Department of Linguistics and Foreign Languages, Ph. D. in Philology

Don State Technical University

1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Rostov Region, 344003, Russian Federation

neonilak@inbox.ru

SPIN-code: 1886-7915

Karpova Anastasia Vasilevna, Senior Lecturer, Department of English for Professional Communication, Ph. D. in Economics

Financial University under the Government of the Russian Federation

49, Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation

baranova89@bk.ru

SPIN-code: 4254-1833

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-243-251

УДК 81. 367

ПОВТОР КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

Чайко Н.Н.

Цель. Настоящая статья посвящена повтору как значимому элементу языкового оформления текстов немецких романтиков. Автор ставит целью описать разноструктурное проявление повтора и раскрыть его стилистический потенциал.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют метод сплошной выборки при подборе практического материала, а также описательный метод лингвостилистического анализа.

Результаты. Проведенный анализ показал, что для поэтического языка немецких романтиков характерно частотное употребление повтора. Повтор как лексический, так и синтаксический, становится одним из излюбленных приемов языковой организации, мощным средством выразительности и стилистического выделения, а также значимым элементом композиционного построения лирического текста.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в курсах «Стилистика немецкого языка», «Интерпретация текста» в семинарах по изучению особенностей языка немецкой поэзии.

Ключевые слова: поэтический текст; повтор; структура; расположение; параллелизм; композиция.

REPETITION AS ONE OF THE MEANS OF EXPRESSION IN THE LANGUAGE OF GERMAN POETRY

Chaiko N.N.

Purpose. This article is devoted to repetition as a significant element of the language design of the texts of German romantics. The author

aims to describe the different structural manifestation of repetition and reveal its stylistic potential.

Methods or methodology of the work. *The basis of the research is formed by the continuous sampling method in the selection of practical material as well as the method of descriptive linguo-stylistic analysis.*

Results. *The analysis shows that the poetic language of German romanticism is characterized by frequent use of repetition. Repetition, both lexical and syntactic, becomes one of the favorite techniques of language organization, a powerful means of expression and stylistic selection, as well as a significant element of compositional construction of a lyric text.*

Application area. *The results of the research can be used at the classes of stylistics of the German language, text interpretation, in seminars on the study of features of the language of German poetry.*

Keywords: *poetic text; repetition; structure; location; parallelism; composition.*

Немецкая романтическая поэзия является частью поэтического наследия не только немецкой национальной, но и всей мировой культуры. Многие ее аспекты оказались живыми и плодотворными, что вызывает неугасаемый интерес и остается главным предметом научных поисков многих авторов. Поэзия романтиков выражает себя в разных жанрах, использует разные формы речевого стиля, широко применяет различные средства выразительности, чтобы отразить внутренний мир и душевно-эмоциональную настроенность творческой личности. Яркость творческих индивидуальностей, оригинальный творческий почерк раскрываются полностью в языке поэзии. Поэты-романтики мастерски используют различные средства стилистической выразительности, чтобы раскрыть свою собственную душу, свои чувства, привлечь внимание читателя и растворить его в индивидуальном своеобразии. Одним из таких ярких стилистических приемов экспрессивной выразительности является повтор.

В современной лингвистике повтор обладает широким диапазоном смысловых возможностей. Актуальность темы обусловлена общим интересом к проблемам различных стилистических приемов

выражения экспрессивности. Наличие многочисленных работ по данной проблематике в различных аспектах (Т.И. Сильман, 1967; Р.В. Финкельштейн, 1970; Н.А. Шехтман, 1972; С.Ю. Медведева, 1976; Г.В. Расторгуева, 1978; А.П. Урбаева, 2007; Э.М. Береговская, 2007; В.А. Савченко, 2013 и др.) свидетельствует о том, что вопрос о статусе повтора как экспрессивного и композиционного средства вызывает возрастающий интерес, который обусловлен изучением языковой личности, средств усиления выразительности речи на различных уровнях, способов эффективного воздействия. Одним из основных направлений в изучении повтора является стилистическое изучение. Вопрос о повторе как о стилистическом средстве освещался в теоретических трудах по стилистике, поэтике, стиховедению и литературоведению таких ученых, как В.В. Виноградов [3; 4], В.М. Жирмунский [8], Э. Ризель [13; 14], М.П. Брандес [2], Ю.М. Лотман [10], Н.М. Наер [11], И.Р. Гальперин [5], W. Fleischer, G. Michel [12] и др. Сущность повтора как стилистического средства заключается в том, что оно усиливает воздействие на читателя, как в эмоциональном, так и в логическом плане. Экспрессивность повтора основана на его избыточности в номинативном плане. Все виды повтора характеризуют эмоциональную речь. По выражению К.А. Долинина, говорящий, ощущая неадекватность высказывания или его части индивидуальному чувству, пытается «восполнить качество количеством» [7, с. 216]. Более ярко эмоциональная функция повтора выражена в текстах немецкой поэзии.

Целью предлагаемой статьи является анализ стилистических возможностей повтора в немецком языке на материале поэзии поэтов-романтиков. Поставленная цель реализуется с помощью выполнения следующих задач: методом сплошной выборки определить корпус повтораемых структур, охарактеризовать виды повторов с позиции полноты структур и их расположения относительно друг друга, а также проанализировать функционирование данного стилистического приема. Материалом для исследования послужили стихотворные произведения поэтов-романтиков 19 в. [6]. Выбор поэтических текстов в качестве материала позволяет по-новому

представить стилистические возможности повтора и максимально раскрыть экспрессивную выразительность немецкой лирики. Достоверность результатов исследования обеспечивается объемом привлеченного для анализа фактического материала. Общий объем исследованных поэтических произведений составил около 1300 страниц. Методом сплошной выборки было отобрано около 275 примеров.

Как показал проведенный нами анализ разноструктурных повторов в текстах немецкой поэзии, самым частотным и многообразным по форме и внутреннему наполнению является лексический повтор. Повторяемость отдельных лексических единиц достаточно высока и является одним из самых популярных стилистических приемов в поэзии абсолютно всех романтиков. Такое «нарочитое сгущение в употреблении того или иного элемента делает его заметным, структурно активным» [10, с. 63]:

Da hörten sie beide die traurige Mär:
Daß Frankreich verloren gegangen,
Besiegt und zerschlagen das große Heer-
Und *der Kaiser, der Kaiser* gefangen. (*H.Heine, die Grenadiere*)
Dem Herrscher bildet sein Spalier,
Wie sonst, des Volkes Masse,
Und *niemand, niemand* ruft mit mir:
Der Freiheit eine Masse! (*G. Herwegh, der Freiheit eine Gasse!*)

Вышеприведенные фрагменты контактных повторов лексем *der Kaiser* и *niemand*, а также повтор других структур (*Herz, Wind, Geist, lieber, höher, nimm, vorüber, alles, still, leise, lieber*) выражают высокую степень интенсивности. Для контактного повтора важна «достаточная теснота ряда, его достаточно близкое расположение относительно друг друга» [1, с. 216]. Здесь, повтор наделен экспрессией, ярко выражена эмоциональная функция, как средство выразительности повтор воздействует на читателя и выделяет то важное, на что хочет указать поэт (душевное состояние, отношение к реальности и поиск себя).

Следующим повторением в поэзии являются парные фразеологизмы. Они украшают язык всех поэтов-романтиков и привлекают внимание читателя своим единством мысли: *Hand in Hand, Mann für Mann, Land zu Land, Herz an Herz, Kopf an Kopf, Mund an Mund, Träne auf Träne.*

Варьированный контактный повтор возникает за счет грамматических изменений в повторяемых компонентах. Такой повтор подчеркивает смысловую и стилистическую значимость отдельных элементов. Как например у Г. Гейне в «Doch die Kastraten klagten», такое варьирование играет особую роль при выражении душевного состояния кастратов, их крик души, любовные излияния:

Sie klagten von *Liebesehnen*,
Von *Liebe* und *Liebese*rguß;

Особого внимания заслуживает и дистантный полный повтор отдельных единиц. Наряду с эмоциональной функцией такой повтор выполняет еще и композиционную функцию. Так, у А. Шамиссо в следующем отрывке из «Frauen-Liebe und -Leben» мы наблюдаем эффективное воздействие на читателя повторения местоимений *ihm*, *mich*. Поэт раскрывает всю внутреннюю любовь женщины к любимому. Она отдаст ему всю себя. Такая языковая экспрессия акцентирует читателя только на повторяемые позиции и тем самым является средством внутренней связности текста:

Ich werd *ihm* dienen, *ihm* leben,
Ihm angehören ganz,
Hin selber *mich* geben und finden
Verrklärt *mich* in seinem Glanz.

Нередко повторяемые лексические единицы занимают конец и начало соседних стихов. Такое варьированное повторение эффективно воздействует, концентрируя внимание на связности двух соседних строк. Наряду с конечной рифмой является дополнительной скрепкой. Ср.:

Doch zittert nicht! Ich bin *allein*,
Allein mit meinem Grimme; (*G. Herwegh, der Freiheit eine Gasse*)

Двучленный повтор словосочетаний также является средством особой выразительности, однако это более редкое явление в текстах поэзии. Лишь некоторые авторы (Г. Гейне, Йоз. Эйхендорф и Л. Уланд) прибегают к такому приему. Такое выделение можно проиллюстрировать фрагментом из Йоз. Эйхендорфа «Blonder Ritter». Поэт дважды использует контактный повтор словосочетаний *blonder Ritter* и *wilde Recken* как обращение. В результате семантического обогащения существительного более интенсивным

прилагательным вся повторяемая единица получает заряд эмоционально-экспрессивной напряженности:

*Blonder Ritter, blonder Ritter,
Deine Blicke, weltschmerzdunkel...
Wilder Recken, wilde Recken,
Trampelt nicht die Welt noch platter.*

Не менее значим в лирике романтизма и лексико-синтаксический повтор. Экспрессивное воздействие повтора используется в такой стилистической фигуре как анафора. Повторение лексических единиц в начальной синтаксически сильной позиции выдвигает на первый план экспрессию, оказывает воздействие на адресата, а также является одним из средств композиционного выражения, средством внутри-текстовой связности, целостности. Так, у Г. Верта в «Arbeite!» мы наблюдаем яркое проявление экспрессии в многократном анафорическом повторе императива глагола *arbeiten*. Общая экспрессивность достигается еще и таким важным элементом как синтаксический параллелизм, который лежит в основе метрико-синтаксической организации текста. Анафора создает эффект протеста и борьбы. Поэт выступает как борющийся и уверенный в своей победе пролетариат:

*Arbeite bis die Adern klopfen!
Arbeite bis die Rippe kracht!
Arbeite bis die Schläfen tropfen-
Du bist zur Arbeit ja gemacht.*

Еще одной разновидностью повтора является повтор синтаксических структур, а именно повтор одной и той же модели предложения, который выступает стилистическим приемом композиционного построения текста. Повторяемые синтаксические структуры образуют тематический состав высказывания. Экспрессивный эффект основан на однородности высказывания, держит текст изнутри и привлекает внимание читателя, заостряет его внимание на тематической синтаксической доминанте, создает семантическую цельность стиха. Так например, разноструктурный повтор предложений *einsam will ich untergehen/ will ich einsam untergehen* у К. Брентано в его стихотворении «25. August 1817» занимает 1 и 5 строку каждого шестистишия. С помощью повтора создается эффект подавленности героя, погруженность персонажа в свои мысли.

Einsam will ich untergehen
Keiner soll mein Leiden wissen,
Wird der Stern, den ich gesehn
Von dem Himmel mir gerissen
Will ich einsam untergehn
Wie ein Pilger in der Wüste.

Как разновидность синтаксического повтора на композиционном уровне можно выделить и кольцевой повтор. Так, в стихотворении А. Шамиссо «Весна» наблюдается дословный повтор предложений первого и последнего четверостишия. Поэт, выделяя эти позиции в стихе, создает внутреннюю текстовую цельность, и выражает эмоциональное состояние человека – надежду на национальное и социальное освобождение, вводит его в это эмоциональное состояние, а затем выводит из этого состояния:

Der Frühling ist kommen, die Erde erwacht,
Es blühen der Blumen genung.
Ich hjabe schon wieder auf Lieder gedacht,
Ich fühle so frisch mich, so jung.

Таким образом, подробно проанализировав стилистические возможности повтора на материале языка немецкой поэзии, мы можем заключить, что повтор является одним из излюбленных средств особой выразительности. Особенность лексического и синтаксического дословного повтора как стилистического приема в немецкой лирике заключается в усилении, закреплении высказывания в сознании читателя, в обращении к его эмоциям, чувствам, настроениям. Экспрессивное воздействие повтора реализуется контактными и дистантными позициями отдельных лексических единиц, словосочетаний и в рамках простого предложения. Повтор можно рассматривать как один из наиболее значимых элементов композиции текстов немецкой поэзии, как средство внутренней связности и целостности.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.

2. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 1983. 271 с.
3. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 1971. 240 с.
4. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. М.: АН СССР, 1963. 225 с.
5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
6. Дмитриев А.С. Немецкая поэзия XIX века. М.: Радуга, 1984. 704 с.
7. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1987. 303 с.
8. Жирмунский В.М. Теория стиха. Л.: Сов. Писатель, 1975. 664 с.
9. Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта, 2004. 240 с.
10. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
11. Наер Н.М. Стилистика немецкого языка. М.: Высш. шк., 2006. 271 с.
12. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. L.: VEB Bibliogr. Institut, 1977. 394 S.
13. Riesel E. Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation. M.: Hochschule, 1974. 182 S.
14. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. M.: Hochschule, 1975. 315 S.

References

1. Arnol'd I.V. *Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka* [Stylistics of the modern English language]. Leningrad: Prosveshchenie, 1981. 295 p.
2. Brandes M.P. *Stilistika nemeckogo jazyka* [Stylistics of the German language]. Moscow: Vyssh. shk., 1983. 271 p.
3. Vinogradov V.V. *O teorii hudozhestvennoj rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow: Vyssh. shk., 1971. 240 p.
4. Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi* [Stylistics. Theory of poetic speech]. Moscow: AN SSSR, 1963. 225 p.
5. Galperin I.R. *Tekst kak object lingvisticheskogo issledovanija* [Text as an object of linguistic study]. Moscow: KomKniga, 2007. 144 p.

6. Dmitriyev A.S. *Nemetskaya poeziya veka* [German poetry of the XIX century]. Moscow: Raduga, 1984. 704 p.
7. Dolinin K.A. *Stilistika francuzskogo yazyka* [Stylistics of the French language]. Leningrad: Prosveshchenije, 1987. 303 p.
8. Zhirmunskiy V.M. *Teoriya stikha* [Theory of verse]. Leningrad: Sov. Pisatel, 1975. 664 p.
9. Kostrova O.A. *Ekspressivnyj sintaksis sovremennogo nemeckogo yazyka* [Expressive syntax of the modern German language]. Moscow: Flinta, 2004. 240 p.
10. Lotman Yu.M. *Analiz poeticheskogo teksta: Struktura stikha* [Analysis of the poetic text: The structure of the verse]. Leningrad: Prosveshchenije, 1972. 271 p.
11. Naer N.M. *Stilistika nemeckogo yazyka* [Stylistics of the German language]. Moscow: Vyssh. shk., 2006. 271 p.
12. Fleischer W., Michel G. *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*. L.: VEB Bibliogr. Institut, 1977. 394 S.
13. Riesel E. *Theorie und Praxis der linguostilistischen Textinterpretation*. M.: Hochschule, 1974. 182 S.
14. Riesel E., Schendels E. *Deutsche Stilistik*. M.: Hochschule, 1975. 315 S.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Чайко Наталья Николаевна, доцент кафедры немецкого языка, кандидат филологических наук
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Республика Северная Осетия-Алания, Россия
n.tchaiko @yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Chaiko Natalja Nikolaevna, Associate Professor, Department of German Language, Ph. D. in Philology
North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov 44-46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025, Republic of North Ossetia, Russia
n.tchaiko @yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2020-6-252-265

УДК 811-1

СИММЕТРИЯ/АСИММЕТРИЯ В ПАРАДИГМЕ АКТИВНЫХ И ПАССИВНЫХ ЗАЛОГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Шмелева Т.С.

Статья посвящена анализу активных и пассивных залоговых конструкций с лингвосемиотической точки зрения.

Целью исследования является детализировать парадигму активных и пассивных залоговых конструкций с точки зрения соотношения формы и значения данных конструкций. Предметом исследования послужили активные и пассивные залоговые конструкции английского, немецкого и русского языков. Залоговые конструкции рассматриваются как сложные языковые знаки. Особый интерес представляет соотношение формы и содержания активных и пассивных залоговых конструкций с точки зрения симметрии и асимметрии.

Исследование осуществлялось с помощью комплекса методов: метода семиотического анализа, сплошной выборки, сопоставительного и сравнительного анализа, метод контекстуального анализа.

В результате проведенного исследования были выявлены различные типы симметричных активных и пассивных залоговых конструкций, а также конструкций, характеризующихся нарушением симметрии формы и значения залоговой конструкции.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в курсах по языкознанию, семиотике, теоретической грамматике, теории и практике перевода.

Ключевые слова: лингвосемиотика; залоговые конструкции; симметрия; асимметрия; частичная асимметрия; симметричные залоговые конструкции; асимметричные залоговые конструкции.

SYMMETRY/ASYMMETRY IN THE PARADIGM OF ACTIVE AND PASSIVE VOICE CONSTRUCTIONS (BASED ON ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN SOURCES)

Shmeleva T.S.

The article is devoted to the analysis of active and passive voice constructions from the point of view of linguosemiotics.

The purpose of this article is to detail the paradigm of active and passive voice constructions in terms of the correlation between the form and meaning of these structures. The subject of the research is the active and passive voice constructions of the English, German and Russian languages. Voice constructions are considered as complex linguistic signs. The correlation between the form and meaning of active and passive voice constructions from the point of view of symmetry and asymmetry is of particular interest.

The study was carried out using the following methods: the method of semiotic analysis, continuous sampling, comparative and comparative analysis, the method of contextual analysis.

As a result of the analysis, various types of symmetric active and passive voice constructions were identified, as well as structures characterized by a violation of the symmetry of the form and the meaning of the voice construction.

Practical implications. The results of the study can be used in courses on linguistics, semiotics, theoretical grammar, theory and practice of translation.

Keywords: linguosemiotics; voice constructions; symmetry; asymmetry; partial asymmetry; symmetric voice constructions; asymmetric voice constructions.

Эволюция взглядов на проблему залоговых отношений охватывает период от рассмотрения залога как морфологической категории до залога как специфической глагольной категории, отражающей отношения между тремя языковыми уровнями: семантическим,

морфологическим и синтаксическим, имеющую когнитивное основание, прагматическую и дискурсивную обусловленность. Вместе с тем, несмотря на активный исследовательский интерес к категории залога, изучение залоговых отношений до сих пор не является исчерпывающим и остается в центре внимания современных лингвистов. Так, залоговые конструкции практически не рассматривались, за редчайшим исключением (Т. Гивон, К.Я. Сигал, Н.В. Дрожжих, Е.В. Долгушина), с лингвосемиотической точки зрения.

Между тем изучение лингвосемиотических особенностей залоговых конструкций является особенно важным в связи с возросшим интересом к семиотической стороне языка, ставшей объективной реальностью современных исследований в фундаментальных науках, в науках, связанных с самыми разными формами проявлений человеческого творчества и, прежде всего, в сфере естественного языка. Семиотика как теория знаковых систем позволяет осмыслить закономерности познания и общения, обусловленные их семиотической природой, их общие семиотические черты и своеобразие, конкретные типы и аспекты знаковой деятельности, закономерности построения языкового кода, обратиться к изучению структуры коммуникации в том числе к роли и участию залоговых конструкций в данных процессах.

Рассматривая залоговые конструкции с точки зрения лингвосемиотики, изучающей язык как особую знаковую систему, обращаясь к единице коммуникации – предложению как знаковой единице, и применяя термин «знак» к комбинации синтаксически и интонационно объединенных лексических единиц, залоговые конструкции относятся к знакам-высказываниям, сложным знакам, состоящим из нескольких простых знаков [10, с. 129; 2, с. 39]. В качестве простых знаков в данном случае выступают, например, морфемы, используемые для передачи залогового значения. Например, в русском языке морфема *-ся/-сь* является многозначной. Она используется для передачи пассивного значения, а также является показателем возвратного значения конструкции. Поэтому лишь совокупность (комплекс) составляющих залоговой конструкции актуализирует

значение залоговой конструкции. К простым знакам относятся отдельные слова, образующие залоговую конструкцию и выступающие в определенной синтаксической роли: субъект, объект, действие и т.д.

Как любая знаковая единица залоговая конструкция имеет определенное залоговое значение и соответствующее средство его выражения – форму, которые либо упорядочены (изоморфны) и симметричны, либо неупорядочены (неизоморфны) и асимметричны. В связи с этим особый интерес представляет соотношение формы и содержания конструкции с точки зрения симметрии и асимметрии.

Симметрия и асимметрия как диалектическое единство повторяющегося и различного обладают универсальностью на всех известных современной науке масштабных уровнях организации систем. Элементы языка также способны взаимодействовать на разных уровнях организации как симметричные и асимметричные. При этом факт симметричности какого-либо проявления структуры или функции позволяет квалифицировать его как стандартный и малоинформативный. Асимметрия в свою очередь несет высокоинформативное разнообразие. Под симметрией понимается соразмерность между частями целого, образуемая повтором соответствующих языковых структур. В случае «выпадения» (перехода в разряд скрытых смыслов) одного или нескольких элементов симметрии речь идет об асимметрии, характеризующейся отступлением от упорядоченности, регулярности в строении и функционировании языковых единиц.

Согласно Большому энциклопедическому словарю, асимметрия в языке – отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка. Асимметрия проявляется в двух феноменах: в различении центра (ядра) и периферии и в расхождении между означающими и означаемыми [3, с. 47].

Симметрия и асимметрия представляют собой диалектическое единство повторяющегося и различного и обладают универсаль-

ностью на всех уровнях организации систем. Асимметричные и симметричные явления существуют в языке на различных уровнях: фонематическом, морфематическом, лексематическом, синтаксическом.

Парадигма залоговых конструкций, образуемых личным глаголом, представлена как симметричными, так и асимметричными залоговыми конструкциями.

В симметричных залоговых конструкциях активной форме конструкции соответствует активное залоговое значение, пассивной форме конструкции соответствует неактивное (пассивное) залоговое значение. Асимметричные залоговые конструкции характеризуются нарушением одно-однозначности соответствия формы и значения конструкции.

В любом языке, имеющем категорию залога, данная категория выражается противопоставлением форм активного и пассивного залога.

Исследователи отмечают, что рассматриваемые с позиции когнитивного подхода, залоговые различия представляют собой результат различного восприятия вербальной репрезентации одной и той же ситуации действительности. При этом суть различий состоит в выборе участника ситуации, который профилируется (фиксируется) в сознании как наиболее информационно значимый для говорящего и слушающего. При вербализации ситуации избираемый говорящим профиль, или фокус внимания, находит свое отражение в выборе актанта на роль подлежащего или дополнения и, соответственно, в выборе залоговой формы [12, с. 316; 15, р. 335-343].

«Активный залог обозначает выполнение агенсом определенного действия относительно или безотносительно других вещей и лиц, при этом пресуппозиционные характеристики (интенция, модальность и т.д.) данного залога полностью определяются его пропозиционным значением» [6, с. 165].

Активная залоговая конструкция считается немаркированным членом оппозиции, не имеющим особых средств выражения, в противопоставлении маркированной пассивной конструкции. В актив-

ных конструкциях наблюдается соответствие семантического субъекта действия (агенса) подлежащему (грамматическому субъекту). Это основной семантико-синтаксический признак активного значения. Он проявляется во всех языках с развитой категорией залога: *Catherine had loaded her oilcloth satchel with the leftovers from Sunday dinner, and we were enjoying a breakfast of cake and chicken when gunfire slapped through the woods* (Capote); *Gregor Kroch noch ein Stück vorwärt und hielt den Kopf eng an den Boden, um möglicherweise ihren Blicken begegnen zu können* (Kafka); *Алиса схватила со стола золотой ключик и нагнулась к дверце, ведущей в сад* (Кэрролл).

Существительные *Catherine, Gregor, Алиса* занимают первую синтаксическую позицию, выступая в качестве подлежащего предложения (грамматического субъекта). Данные существительные, будучи одушевленными существительными, производя соответствующие действия, могут быть обобщены под характеристикой семантического субъекта действия – агенса действия.

Термином «агенса» обозначают одушевленного участника ситуации, ее намеренного инициатора, который контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соответствующие действия и является «источником энергии» этого действия [9, с. 17; 8, с. 159].

Одним из важных критериев определения залогового значения конструкции является направленность действия. Так, в предложениях с активным залоговым значением действует центробежная сила, «энергия» исходит от субъекта действия. Приведенные выше активные конструкции иллюстрируют центробежную направленность действия. Чаще всего действие, исходящее от субъекта, в активных конструкциях направлено на объект, который в предложениях с активным значением следует за субъектом действия.

Таким образом, рассматриваемый тип конструкций характеризуется симметрией формы и содержания конструкции: активной форме конструкции соответствует активное значение конструкции, и представляет собой симметричные активные залоговые конструкции.

Однако, активные конструкции неоднородны по форме и значению: закономерности их строения обусловлены спецификой язы-

кового представления реальных процессов и коммуникативным замыслом говорящего.

Особого внимания заслуживают активные конструкции типа: *Ключ открывает дверь*; *Экскаватор углубляет пруд*; *The explosion broke every window in the street* (Gordon, Krylova); *This shop sells fine things* (Saakyan).

Особенностью данных конструкций является то, что агенсом действия в рассматриваемых конструкциях является неодушевленное существительное предметной семантики либо существительное со значением «не лицо» (*the explosion, this shop, ключ, экскаватор*).

С формальной точки зрения рассматриваемая конструкция имеет активную форму. Однако данные конструкции характеризуются ослаблением значения активности, т.к. существительные, выступающие в функции подлежащего, в семантическом отношении не могут сами производить действия.

В.В. Богданов отмечает, что данный тип конструкций подразумевает семантически связанное с ним предложение с одушевленным агенсом [1, с. 75]. Так, предложение «*Ключ открывает дверь*» подразумевает семантически связанное с ним предложение «*Кто-то открывает ключом дверь*».

Говоря о направленности действия, центробежная сила, характерная для активных залоговых конструкций, в рассматриваемом типе конструкций сохраняется. «Энергия» исходит из субъекта действия, однако в качестве субъекта выступает неодушевленный предмет. Семантика данных конструкций имплицитно подразумевает наличие одушевленного лица, помогающего неодушевленному субъекту производить конкретные действия.

Таким образом, анализируемые залоговые конструкции, активные по форме, в семантическом отношении характеризуются ослаблением значения активности. Наличие имплицитного одушевленного лица, «управляющего» неодушевленным агенсом позволяет определить данные конструкции как конструкции с частичной асимметрией формы и содержания.

Часто в качестве субъекта выступают существительные, обозначающие какие-то природные явления: *Дождь, падающий на землю*,

пугает родники и колодцы (ПЗ); Степные ураганы не раз опрокидывали легонькое жилище фермера Джона (Волков).

В формальном отношении рассматриваемые залоговые конструкции являются активными конструкциями. В рассматриваемых конструкциях действует центробежная сила – энергия исходит из субъекта действия, а само действие направлено на объект. Данный критерий позволяет интерпретировать рассматриваемый тип залоговых конструкций как активные по значению. Однако семантика существительных, выступающих в качестве субъекта, такова, что они не могут производить действия, характерные для одушевленных существительных. Однако в данном случае существительные интерпретируются как одушевленные.

Анализируемые конструкции характеризуются активной формой конструкции и ослаблением значения активности, обусловленной семантикой существительного-субъекта. Поэтому, по-видимому, их можно определить как конструкции, отличающиеся частичной асимметрией.

Симметричная пассивная конструкция является маркированным членом оппозиции и характеризуется центростремительной силой – действие направлено на объект действия, занимающего обычно начальную позицию: *Radium was discovered in 1898 by the Curies; Der Laden wird um 7 Uhr geschlossen.*

В пассивной конструкции действие производится над объектом, следовательно, направлено на него, то есть, пассивная конструкция указывает на то, что «действие глагола-сказуемого направлено на лицо или предмет, выраженный подлежащим» [7, с. 128]: *Ich spürte, wie meine Hand hinter meinen Rücken geführt wurde (Kern); This book would never have been written without his guidance and enduring friendship (Goulding); Маршрут был выбран господином из Сан-Франциско обширный (Бунин).*

В указанных примерах существительные *meinen Rücken, this book, этот портрет* занимают позицию подлежащего и являются грамматическим субъектом. Однако, в отличие от активной конструкции, неодушевленные существительные, выступающие

в функции подлежащего, сами никаких действий не производят, а сами подвергаются действиям со стороны, и поэтому могут трактоваться как семантический объект действия – пациенс.

Как известно, термин «пациенс» обозначает участника, вовлеченного в ситуацию, которую он не контролирует и не исполняет» [9, с. 369].

Что касается направленности действия в пассивных конструкциях, очевидна имеющая место центростремительная сила: объект действия обычно занимает начальную синтаксическую позицию, а само действие направлено на объект.

Таким образом, конструкции, удовлетворяющие вышеперечисленным критериям, характеризуются однозначностью соответствия формы и содержания – пассивной форме конструкции соответствует неактивное (пассивное) залоговое значение. Поэтому такие конструкции представляется целесообразным назвать симметричными пассивными залоговыми конструкциями.

Выделяются различные типы симметричных пассивных залоговых конструкций:

– трехчленные пассивные конструкции – конструкции с семантически выраженным агенсом, обозначенным в большинстве случаев дополнением или оборотом с предлогом *by*, *with* (в английском языке), *von*, *mit* (в немецком языке), существительным в творительном падеже (в русском языке). *He was killed with a heavy stone* (NUEG). *Die berühmteste Dichtung ib deutscher Spracher wurde vom berühmtesten deuten Dichter geshrieben: Goethes "Faust"* (Михайлова). *Николай Иванович был окружен при выходе из суда толпою женщин* (А. Толстой).

– двучленные пассивные конструкции – конструкции с лексически невыраженным агенсом: *Ihr Gespräch unterbrach Sokolow, der sich in größter Eile entschuldigte: Er werde dringend gebraucht, die beide mögen auf ihn warten* (Kern). *Мне была обещана интересная работа* (New English Grammar). *Is this room cleaned every day?* (Murphey).

– косвенные предложные пассивные конструкции, в которых объектные отношения уточняются с помощью предлогов, завершающих

пассивную конструкцию и выражает семантическую связь процесса с его объектом: *The loss of such a huge sum of money should be immediately accounted for* (New English Grammar); *The house had been religiously taken care of*; *The little house has not been lived in since the war*.

– косвенные беспредложные пассивные конструкции, в которых подлежащее соответствует косвенному дополнению активной конструкции: *He was given the book* (Murphey).

– безличные пассивные конструкции с безличным местоимением (*es* в немецком языке, *it* в английском языке): *It had been decided long ago that they should be at the party on the dot of six* (Михайлова). *Es wurde schon getanzt, als wir ankamen* (Михайлова).

В немецком и русском языках выделяются бессубъектные пассивные конструкции без семантически выраженного субъекта: *Bei Alois Mattersbergers TV-Sendung "Frisch gekocht" wird wieder kräftig umgerührt* (Михайлова). *Про батарею Тушина было забыто* (Л. Толстой). С формальной точки зрения представляется возможным говорить о редуцированной форме залоговой конструкции в силу отсутствия формального подлежащего; с семантической точки зрения, рассматриваемые конструкции передают «деперсонифицированное» значение пассивной инактивности. Таким образом, анализируемые бессубъектные пассивные конструкции, по-видимому, характеризуются частичной асимметрией формы и значения конструкции.

Особую группу пассивных залоговых конструкций составляют конструкции, которые принято называть пассивом состояния (стативным пассивом): *Der Tisch ist gedeckt. Das Fenster ist geöffnet. Die Hausaufgaben sind gemacht. Окно было открыто. Домашние задания сделаны. В комнате было душно и накурено* (Гранин).

Основным критерием при определении залоговой семантики стативного пассива служит признак «состояние, вызванное предшествующим действием» [13, с. 12–15], а схожесть с семантикой синтаксической структурой пассива диктуется тем, что в позиции подлежащего находится пациенс – тот же объект действия, что и в «обычном» пассиве действия, а также имеет ту же форму (в немецком языке *sein* + *Partizip II*).

Л.Л. Буланин, рассматривая стивные пассивные конструкции в русском языке, отмечает, что сказуемое стивной конструкции (*На листке что-то было написано*) является омонимом аналитической формы страдательного залога совершенного вида (*Письмо было написано отцом*) [4, с. 37].

Однако, хотя представленные примеры по форме глагола являются пассивной конструкцией, но объект действия не выражается ни эксплицитно, ни имплицитно. Кроме того, с семантической точки зрения пассив состояния характеризуется непроцессуальным признаком, в отличие от пассивных залоговых конструкций, обозначающих действие, производимое над объектом и обладающих процессуальным признаком, пассив состояния характеризуется обозначением непроцессуального признака. Таким образом, пассивной форме конструкции соответствует специфическое стивное неактивное (пассивное) значение, что обуславливает частичную асимметрию данных конструкций.

Таким образом, изучение залоговых конструкций с точки зрения их знаковой природы позволяет детализировать парадигму активных и пассивных залоговых конструкций с точки зрения соотношения формы и значения данных конструкций на конструкции, характеризующиеся симметрией формы и значения, и конструкции, характеризующиеся нарушением симметрии формы и значения.

Список литературы

1. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: ЛГУ, 1977. 204 с.
2. Богданов В.В. Залог и семантика предложения // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. С. 37–43.
3. Большой энциклопедический словарь: Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Бол. Рос. Энциклопедия, 1998. 684 с.
4. Буланин Л.Л. Пассив состояния в русском языке // Ученые записки Ленинградского университета. № 375. Серия филологических наук. Вып. 77. Исследования по грамматике русского языка. 1973. С. 37–47.

5. Долгушина Е.В., Дрожжих Н.В. Иконическое кодирование пассивной конструкции в английском языке. (дата обращения: 2 ноября 2015). URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No18/text04.htm>
6. Долинина И.Б. Рефлексив и средний залог в системе английских залогов и проблема «гиперлексемы» // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. С. 162–171.
7. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. М.: Изд-во литерат. на ин. яз., 1989. 216 с.
8. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка М.: Высшая школа, 1981. 285 с.
9. Кибрик А.Е. Агенс // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 17.
10. Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. М.: Издат. центр «Академия», 2004. 432 с.
11. Сигал К.Я. Проблема иконичности в языке // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 100-119.
12. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Зарубежная лингвистика. М.: Прогресс, 2002. С. 303–350.
13. Хельбиг Г.К. К проблеме пассива в современном немецком языке // Иностранные языки в школе. 1977. №3. С. 3–16.
14. Givon T. *Functionalism and Grammar*. Philadelphia: John Benjamin Publishing, 1995. 486 p.
15. Langacker R.W. *Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin. New York, 1991. 395 p.

References

1. Bogdanov V.V. *Semantico-sintaksichestaya organizatsia predlozheniya* [Semantic-syntactic organization of a sentence]. Leningrad: LGU, 1977. 204 p.
2. Bogdanov V.V. *Zalog i semantica predlozheniya* [Voice and semantics of the sentence]. *Problemi teorii grammaticheskogo zaloga*. Leningrad: Nauka, 1978. P. 37–43.
3. *Bolshoy entsiklopedichesky slovar: Yazikoznaniye* [Big encyclopedic dictionary: Linguistics]. Moscow: Bol. Ros. Jenciklopedija, 1998. 684 p.

4. Bulanin L.L. Passiv sostoyaniya v russkom yazike [State passive in Russian]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta. № 375. Seriya filologicheskikh nauk. Issue 77. Issledovaniya po grammatike russkogo yazyka*. 1973. P. 37–47.
5. Dolgushina E.V., Drozchaschih N.V. *Ikinicheskoye kodirovaniye passivnoy konstruktсии v angliyskom yazike* [The iconic encoding of a passive construction in English]. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No18/text04.htm>
6. Dolinina I.B. Repleksiv i sredniy zalog v sisteme angliyskikh zalogov i ppproblema ‘giperleksemi’ [Reflexiv and medium voice in the English voice system and the problem of ‘hyperlexeme’]. *Problemi teorii grammaticheskogo zaloga* [Problems of the theory of grammatical voice]. Leningrad: Nauka, 1978. P. 162–171.
7. Zhgadlo V.N., Ivanova I.P., Iofik L.L. *Sovremenniy angliyski yazik* [Modern English]. Moscow: Izd-vo literat. na in.yaz., 1989. 216 p.
8. Ivanova I.P., Burlacova V.V., Pocheptsov G.G. *Teoreticheskaya grammaticheskaya angliyskogo yazyka* [Theoretical grammar of the English language]. Moscow: Vsshaya shkola, 1981. 285 p.
9. Kibrik A.E. Agens [Agent]. *Bolshoi entsiklopedichesky slovar: Yazikoznaniye* [Big encyclopedic dictionary. Linguistics]. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2000. P. 17.
10. Mechkovskaya N.B. *Semiotika. Jazyk. Priroda. Kul'tura* [Semiotics. Language. Nature. Culture]. Moscow: Izdat. Tsentr “Akademiya”, 2004. 432 p.
11. Sigal K.Ya. Problema ikonichnosti v yazike [The problem of iconicity in the language]. *Voprosy jazykoznanija*. 1997. № 6. P. 100–119.
12. Phillmor Ch. Osnovniye problemy leksicheskoy semantiki [Basic problems of lexical semantics]. *Zarubezhnaya lingvistika* [Foreign linguistics]. Moscow: Progress, 2002. P. 303–350.
13. Helbig G.K. K probleme passive v sovremennom nemetskom yazike [To the problem of the passive voice in modern German]. *Inostranniye yazyki v shkole* [Foreign languages at school]. 1977. No 3: 3–16.
14. Givon T. *Functionalism and Grammar*. Philadelphia: John Benjamin Publishing, 1995. 486 p.
15. Langacker R.W. *Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin. New York, 1991. 395 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Шмелева Татьяна Сергеевна, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики

Удмуртский государственный университет

*ул. Университетская, 1, г. Ижевск, Удмуртская Республика,
426034, Российская Федерация*

shmelevat@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shmeleva Tatiana Sergeevna, Associate Professor, Department of Stylistics and Applied Linguistics

Udmurt State University

1, Universitetskaya Str., Izhevsk, Udmurt Republic, 426034, Russian Federation

shmelevat@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- РОМАН Д. ТАРТТ «ЩЕГОЛЬ»:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА И ПОЭТИКИ
Шалимова Н.С. 14
- ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО
КИТАЙСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ
Волоконская А.С., Рудометова А.Ю., Капитонова Н.С. 24
- КОННОТАЦИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ
В ПОСЛОВИЦАХ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ
(НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)
Гордеева Н.В., Кузнецова С.В. 37
- ФИННО-УГОРСКИЙ СУБСТРАТ В ГИДРОНИМИИ ТАМБОВСКОЙ
ОБЛАСТИ (СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)
Девяткина Е.М. 49
- СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОПОЛЯ «ВЗЛОМ»
В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ
И ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)
Долгоновская Л.Я., Новикова И.Н. 63
- ТРАГЕДИЯ И. ГЕТЕ «ФАУСТ» В ЧУВАШСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПЕРЕВОДА НА ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК
Емельянова М.В., Кузнецова Т.Н. 73
- КЛАСТЕРИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ПОЛИМЕТАМОНОВ
КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ
Зимарева О.Л., Величко М.А., Артамонова М.В. 85

**ОСНОВНЫЕ ТИПЫ АББРЕВИАЦИЙ
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ****Качалова К.Г., Рудометова А.Ю., Капитонова Н.С. 107****СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИИ
КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ГОВОРЕНИЮ В ПЕРИОД
ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ****Кудинова О.А. 119****ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ИСПАНСКИХ И РУССКИХ ПАРЕМИЙ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ****Литвиненко Т.Е. 133****ДИСКУРС МЮЗИКЛА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ
И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ****Маник С.А., Григорян А.А. 143****СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
НЕЧЛЕНИМЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ****Моргоева Л.Б. 164****ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МОЛЧАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ****Носова О.Е. 183****ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ
КАК СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ
ДИСКУРСА МАССМЕДИА****Радюк А.В., Храменко Д.С. 197****К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ТЕРМИНОВ НА ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК****Файзуллина Э.Ф., Ильичева Т.Е. 211**

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В ТЕКСТАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ И ИХ ПЕРЕДАЧА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ) Федорова Н.В., Капитонова Н.С., Карпова А.В.	220
ПОВТОР КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ Чайко Н.Н.	243
СИММЕТРИЯ/АСИММЕТРИЯ В ПАРАДИГМЕ АКТИВНЫХ И ПАССИВНЫХ ЗАЛОГОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО ЯЗЫКОВ) Шмелева Т.С.	252
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	266

CONTENTS

LANGUAGE STUDIES

THE GOLDFINCH BY D. TARTT: CERTAIN LINGUISTIC AND POETIC ASPECTS Shalimova N.S.	14
SPECIFIC FEATURES OF THE MODERN CHINESE AND ENGLISH INTERNET LEXIS Volokonskaya A.S., Rudometova A.U., Kapitonova N.S.	24
CONNOTATION OF COLOUR DESIGNATION IN GERMANIC LANGUAGES PROVERBS (AS BASED ON ENGLISH AND GERMAN) Gordeeva N.V., Kuznetsova S.V.	37
FINNO-UGRIC TOPONYMY IN THE TAMBOV REGION (WORDFORMATION ANALYSIS) Deviatkina E.M.	49
STRUCTURAL FEATURES OF TERMINOLOGICAL FIELD “HACKING” IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY IN ENGLISH AND ITALIAN (COMPARATIVE ANALYSIS) Dolgonovskaya L.Ya., Novikova I.N.	63
GOETHE’S TRAGEDY FAUST IN CHUVASH LITERATURE: LINGUISTIC PECULIARITIES OF TRANSLATION INTO CHUVASH Emelianova M.V., Kuznetsova T.N.	73
SEMANTICS CLUSTERING OF POLYSEMANTS IN FIGURATIVE THINKING DEVELOPMENT Zimareva O.L., Velichko M.A., Artamonova M.V.	85

MAIN TYPES OF ABBREVIATIONS IN CHINESE

Kachalova K.G., Rudometova A.U., Kapitonova N.S. 107

MODERN INTERNET TECHNOLOGIES AS A MEANS OF TEACHING
SPEAKING WHILE DISTANCE LEARNING

Kudinova O.A. 119

SPANISH AND RUSSIAN PAROEMIA AS SOURCE
OF CREATIVITY: A COMPARATIVE STUDY

Litvinenko T.E. 133

DISCOURSE OF MUSICAL:
DEFINITION AND SPECIFIC FEATURES

Manik S.A., Grigoryan A.A. 143

SEMANTIC ORGANIZATION OF INDIVISIBLE SENTENCES
IN THE OSSETIAN LANGUAGE

Morgoeva L.B. 164

LINGUOCULTURAL INTERPRETATION OF SILENCE
IN ENGLISH INSTITUTIONAL COMMUNICATION

Nosova O.E. 183

PHRASAL VERBS AS A MEANS OF INCREASING
THE EXPRESSIVITY OF MASS MEDIA DISCOURSE

Radyuk A.V., Khranchenko D.S. 197

ON THE ISSUE OF RENDERING PROFESSIONAL TERMINOLOGY
INTO THE SIGN LANGUAGE

Faizullina E.F., Ilyicheva T.E. 211

STYLISTIC FIGURES IN THE TEXTS OF MASS
COMMUNICATION AND THEIR TRANSLATION FROM ENGLISH
INTO RUSSIAN (ON THE MATERIAL OF ENGLISH-LANGUAGE
INTERNET PUBLICATIONS)

Fedorova N.V., Kapitonova N.S., Karpova A.V. 220

REPETITION AS ONE OF THE MEANS OF EXPRESSION IN THE LANGUAGE OF GERMAN POETRY Chaiko N.N.	243
SYMMETRY/ASYMMETRY IN THE PARADIGM OF ACTIVE AND PASSIVE VOICE CONSTRUCTIONS (BASED ON ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN SOURCES) Shmeleva T.S.	252
RULES FOR AUTHORS	266

Подписано в печать 28.12.2020. Дата выхода в свет 29.12.2020. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 19,66. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP126/020. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.